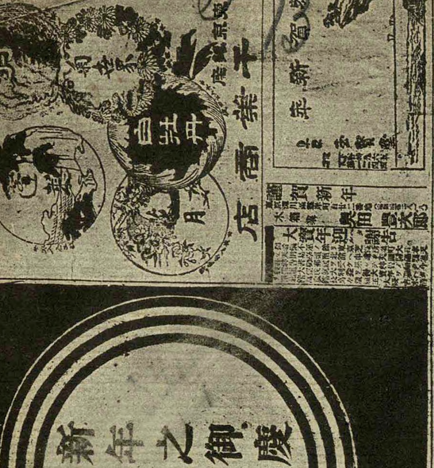
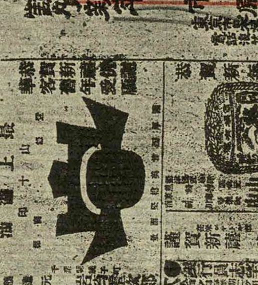

Н. Шебуевъ.

ЯПОНСКIЕ ВЕЧЕРА.

НЕГАТИВЫ.

204

Н. ШЕБУЕВЪ.

ЯПОНСКІЕ ВЕЧЕРА.

НЕГАТИВЫ.

С.-Петербургъ.
Типографія В. О. ПАСТОРЪ, Фонтанка 94.
1905.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

ВЪ ЖЕЛТОМЪ ТУМАНѢ.

«Негативы», «Русь»
№ 77-й, 28 февраля 1904 г.

До сихъ поръ у насъ нѣтъ ни одной книжки о Японіи.

У насъ есть книжки о гейшахъ, о чайныхъ домикахъ, о японскихъ сказкахъ, о японскихъ храмахъ, о прическахъ японскихъ дамъ, о томъ, какъ у нихъ легки нравы къ вящему путешественниковъ удовольствію, о дженерикшахъ, о гостинницахъ, у насъ есть книжки, о томъ, что бросается въ глаза мимолетному взору путешественника, пріѣхавшаго развлечься.

Все равно, японофильскаго или японофобскаго оттѣнка, эти книжки смотрятъ на Японію только, какъ на partie de plaisir.

И вотъ, когда пришлось взглянуть на Японію, какъ на partie de guerre, наши познанія о гейшахъ и дженерикшахъ оказались непригодными.

И мы стоимъ по нѣкоторымъ вопросамъ, окутанные желтымъ туманомъ невѣдѣнія.

Ф. И. Кноррингъ, путешественникъ по Японіи, въ послѣдней книжкѣ «Вѣстника Европы» между прочимъ говоритъ:

«Несмотря на существованіе общества «Ki-hin-Kai» для сближенія чужестранцевъ съ японцами, многіе путешественники жалуются»,

что до самаго послѣдняго времени открытіе Японіи иностранцамъ коснулось лишь нѣсколькихъ портовъ и узенькихъ полосокъ земли, перерѣзанныхъ желѣзными дорогами. Попытки туристовъ уклониться съ этихъ полосокъ внутрь страны будто бы встрѣчали, а можетъ быть и встрѣчаютъ до сихъ поръ всякаго рода противодѣйствія со стороны мѣстныхъ властей. Въ результатѣ полное незнаніе Японіи бѣлой расой, вынужденной пробавляться нѣсколькими ходячими шаблонами, иногда безспорно ошибочными...

«...Оглядываясь на собственныя впечатлѣнія отъ Японіи, сопоставляя ихъ съ установившимися ходячими шаблонами о японцахъ, нельзя не отмѣтить, что Японія до сихъ поръ для европейцевъ terra incognita.

«...Путешественники сталкиваются главнымъ образомъ съ европейскими учрежденіями Японіи, пользуются услугами японцевъ, старающихся примѣниться къ привычкамъ путешественниковъ. Но при первыхъ же случаяхъ, дающихъ возможность заглянуть въ японскую жизнь, вы оказываетесь въ положеніи наблюдателя совершенно непонятной для васъ жизни»...

Г. Кноррингъ разбиваетъ нѣсколько ходячихъ шаблоновъ. Но, какъ путешественникъ, онъ несомнѣнно и самъ не отдѣлался отъ всѣхъ ходячихъ шаблоновъ.

Повидимому главной кузницей, которая куетъ эти шаблоны, является «Ki-hin-Kai».

«Въ конторѣ Японской пароходной компаніи мнѣ предложили пріобрѣсти карту Японіи. Прежде выдачи мнѣ купленной карты пронумеровали ее, спросили мою фамилію, отмѣтили ее и на картѣ и на отпускномъ реестрѣ, и, взыскавъ 50 центовъ, вручили, наконецъ, карту. Оказалось, что, пріобрѣтя эту карту Японіи, я одновременно сдѣлался кліентомъ общества «Ki-hin-Kai» основаннаго въ 1893 году съ цѣлью сближенія иностранцевъ съ японцами. Уставъ общества помѣщенъ на обратной сторонѣ карты. Все изданіе отпечатано на японской бумагѣ и складывается въ видѣ гармоніи, изящная виньетка изображаетъ японку, склоняющуюся въ привѣтственномъ поклонѣ: «Японія привѣтствуетъ иностранцевъ». Немногочисленные параграфы устава перечисляютъ обязанности общества: рекомендовать гидовъ, выдавать справки и маршруты, подыскивать помѣщенія, устраивать знакомства иностранцевъ съ семейными домами японцевъ и, наконецъ хоронить путешественниковъ».

Путешественникъ, словомъ, попадаетъ подъ всестороннюю опеку «общества сближенія».

Само собой разумѣется, что это общество и сближаетъ такъ, какъ это угодно японскому правительству.

Показываетъ Японію только съ казового конца, съ увеселительной точки зрѣнія, пускаетъ въ глаза европейцу пыль европейской цивилизаціи.

Куетъ ходячіе шаблоны.

И не показываетъ того, что показывать невыгодно.

«Ki-hin-Kai»—общество не сближенія, а скорѣй разобщенія европейцевъ съ Японіей. Оно указываетъ, на какомъ благоразумномъ чеку держится этотъ народъ по отношенію къ своимъ сосѣдямъ. И оно добилось своего.

Мы, Японіи дѣйствительно до сихъ поръ не знаемъ.

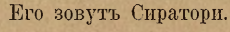

II. РУССКО-ЯПОНСКІЙ РОМАНЪ.

«Негативы», «Русь»
№ 85, 7 марта 1904 г.

Я разскажу вамъ русско-японскій романъ.

Герой его только что сидѣлъ въ моемъ кабинетѣ, вотъ за этимъ самымъ столомъ, за которымъ я на-лету набрасываю его заплетающуюся, но все же русскую рѣчь.

Его зовутъ Сиратори.

Два года тому назадъ, окончивъ философскую академію въ Токіо, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ.

У него были рекомендательныя письма къ Курино отъ японскаго министра торговли и нѣсколькихъ негоціантовъ въ Токіо.

Цѣль его пріѣзда была — основаніе въ Петербургѣ русско-японскаго банка.

Подготовительныя работы по этому дѣлу должны были затянуться. Не теряя времени энергичный Сиратори занялся изученіемъ русскаго языка.

Жизнь въ Петербургѣ увлекла его своимъ кипучимъ теченіемъ. Молодой 25-лѣтній живой юноша бывалъ и на концертахъ, и въ театрахъ, и на балахъ.

Японская колонія состояла болѣе чѣмъ изъ тридцати человѣкъ,—но Сиратори болѣе тянулся къ русскому обществу.

Годъ тому назадъ онъ встрѣтился съ барышней, дочерью русскаго полковника, влюбился, сдѣлалъ предложеніе.

Предложеніе принято.

Но жениться нельзя, не принявъ православія. Дѣломъ обращенія молодого язычника энергично занялся епископъ Сергій.

Ничто не мѣшало влюбленнымъ, и скромная свадьба была отпразднована.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, которые молодые провели душа въ душу.

Какъ вдругъ—объявлена война, почти наканунѣ открытія русско-японскаго банка (открытіе предполагалось въ мартѣ).

Курино выѣхалъ.

Японская колонія поспѣшно стала покидать Петербургъ.

— Что было дѣлать мнѣ?!. Жена русская... Везти ее въ Японію, значитъ подвергать всякимъ непріятностямъ... Не житье бы тамъ было... Вы не можете себѣ представить, какъ низко положеніе женщины у насъ на родинѣ... Я спросилъ ее, согласна-ли она ѣхать со мной. Она, конечно, согласилась бы въ концѣ концовъ, потому что любитъ меня... Но я ее люблю и не могу допустить того, чтобы на родинѣ ей пришлось страдать... Оставаться мнѣ здѣсь,—тоже немыслимо... Но я люблю и... и остался...

Въ этихъ словахъ цѣлый русско-японскій романъ.

Вы подумайте только, какую канву для беллетриста представляетъ эта дилемма!

Съ одной стороны—ѣхать на родину, гдѣ все родно ему, но все чуждо, враждебно—ей, съ другой стороны—оставаться здѣсь, гдѣ все родно ей и все чуждо, враждебно ему...

Онъ выбралъ послѣднее, и этотъ выборъ дѣлаетъ честь его любящему сердцу.

Страшно было оставаться.

Но до вчерашняго дня не приходилось раскаиваться въ томъ, что остался.

До вчерашняго дня и его супругѣ не приходилось страдать за мужа.

Молодымъ пришлось, конечно, перестать посѣщать людныя собранія. О театрахъ и концертахъ—нечего и думать.

Сверхъ ожиданія, отношеніе окружающихъ русскихъ къ японцамъ было все время весьма корректное.

Гуляя по Невскому, г. Сиратори не вызывалъ никакихъ «демонострацій» своей наружностью.

— Лишь въ переулкахъ ходить не пріятно. Всѣ острятъ надъ моей физіономіей. Кричатъ «на японца похожъ»...

Лишь въ нѣкоторыхъ русскихъ домахъ изъ числа тѣхъ, гдѣ онъ былъ раньше хорошо принятъ отношеніе стало какое-то натянутое.

Впрочемъ г. Сиратори не одинокъ, отрѣзанность отъ родины сблизила его съ другими членами нынѣшней японской колоніи.

Въ настоящее время колонія эта состоитъ изъ пяти человѣкъ.

Кромѣ Сиратори, въ Петербургѣ продолжаетъ жить лекторъ японскаго языка въ петербургскомъ университетѣ г. Іосибоми Куроно.

Онъ уже около 20-лѣтъ живетъ въ Россіи, и для него Петербургъ второе отечество.

Затѣмъ г. Такисы Инакава японскій рыбопромышленникъ, откомандированный въ Астрахань для изученія рыбнаго промысла на Волгѣ.

Война не отвратила его отъ его намѣренія ѣхать въ Астрахань. Только по совѣту друзей онъ отложилъ поѣздку туда, такъ какъ «тамъ народъ дикій, не безопасно пока»...

Четвертый членъ колоніи Момоидзу Такаки, служившій въ чайномъ магазинѣ Дементьева.

Онъ былъ увѣренъ, что серьезной войны между русскими и японцами не будетъ, что если и будетъ, то окончится скоро миромъ.

Терять хорошее мѣсто и ѣхать на родину искать грошевыхъ занятій ему не захотѣлось. И онъ остался въ Питерѣ пережидать грозу.

Пятый членъ колоніи четырнадцати-лѣтній мальчикъ-ученикъ техническаго училища, что на Васильевскомъ островѣ.

Онъ заброшенъ сюда родителемъ еще въ позапрошломъ году. Сначала отецъ ему высылалъ деньги. А теперь онъ брошенъ на волю судебъ.

Его положеніе было бы тяжелымъ, если бы Сиратори ему не помогалъ.

Учился мальчикъ хорошо. Двоекъ никогда не было.

Но объявили войну, это такъ подѣйствовало на мальчика (а можетъ быть и на учителей), что въ первый же день онъ нахватался двоекъ по всѣмъ предметамъ.

Гимназисты не особенно дружелюбно принимали на первыхъ порахъ своего коллегу-японца.

Съ нимъ былъ объявленъ перерывъ дипломатическихъ сношеній.

Его дразнили, брали въ плѣнъ.

Пришлось прекратить на недѣлю посѣщеніе училища.

Но теперь онъ снова ходитъ въ классы, и школьники послѣ рѣчи директора училища въ защиту ни въ чемъ неповиннаго мальчика, стали относиться къ нему безъ особой непріязни.

ЯПОНСКІЕ ВЕЧЕРА.

ВЕЧЕРЪ ПЕРВЫЙ.

«Русь» 15 Марта.

О познаніи врага. — Грамотность. — «Солнце». — Встрѣча съ Толстымъ, Лермонтовымъ. Пушкинымъ и Горькимъ. — «Мѣщане» и «На днѣ». — «Раздѣлъ Россіи». — Сторона наименьшаго сопротивленія.

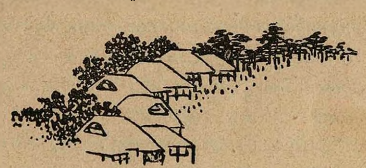
Два раза въ недѣлю ко мнѣ приходятъ японцы: Сиратори и Такаки. Мой письменный столъ пріобрѣтаетъ самый экзотическій характеръ,—заваливается японскими газетами, рисунками, картинами.

Прислуга недовольна, что я принимаю враговъ. Когда же я разсказалъ трогательную исторію о томъ, какъ Сиратори принялъ православіе, женился на русской, кухарка воскликнула:

— Вотъ отчаянная то!...

— Кто?

— Да барышня то, которая за него пошла...

— Почему отчаянная?

— Какъ же она не боится, что онъ ее зарѣжетъ?!

Дворники тоже косятся, провожая взглядами японцевъ, направляющихся ко мнѣ на квартиру.

Даже десятилѣтняя дѣвочка моя будируетъ. По ея мнѣнію я сдѣлалъ непростительную стратегическую ошибку, не взявъ японцевъ въ плѣнъ въ первый же разъ, какъ они ко мнѣ зашли.

Но я все таки бесѣдовалъ съ врагами и въ бесѣдахъ съ этими двумя молодыми японцами, получившими прекрасное университетское образованіе, въ пересмотрѣ и переводѣ этихъ статей газетныхъ и журнальныхъ, безъ сомнѣнія, рисуется сама Японія, японская Японія.

Мудро правило ветхозавѣтнаго философа:

— Познай самого себя.

Но мудро и правило нынѣшняго философа:

— Познай своего врага.

Будемъ-же познавать Японію путемъ ея прессы.

Пресса въ Японіи чутка, сильна и демократична.

Въ Японіи всѣ грамотны, потому что введена обязательная всеобщая грамотность. Какъ ребенку исполнится 7 лѣтъ, такъ отецъ уже обязанъ его вести въ народную школу.

— А что будетъ если не поведетъ?

— Этого почти не бываетъ. Обыкновенно въ первомъ номерѣ газетъ за новый годъ появляется длинный поименный списокъ дѣтей, которымъ настала пора поступать въ школу. Въ томъ-же номерѣ помѣщается и поименной списокъ лицъ которымъ пора поступать на военную службу. Уклоняться отъ отбыванія этихъ двухъ повинностей одинаково позорно. Отецъ гордится тѣмъ, что его ребенокъ уже ходитъ въ школу...

— А если у отца денегъ нѣтъ?

— Обученіе безплатное въ низшей школѣ, да не дорогое и въ гимназіи, и въ университетѣ. Существуютъ разныя послабленія. Родители раздѣлены, смотря по состоянію, на три группы. Съ родителей одной группы гимназія за право ученія взыскиваетъ 25 к. въ мѣсяцъ, съ родителей второй группы—40 коп., третьей—рубль. Въ университетѣ за право ученія берутъ, въ среднемъ, 4 рубля въ мѣсяцъ. Просвѣщеніе вседоступно и крайне дешево. Вотъ почему и пресса такъ дешева. Вотъ журналъ «Тайо», т. е.«Солнце». Онъ расходится въ 200,000 экземпляровъ, выходитъ два раза въ мѣсяцъ, книжками по 250—300 страницъ, съ массой рисунковъ, въ изящной обложкѣ и стоитъ въ годъ 3 р. 60 к... Отдѣльныя книжки продаются по 15 коп. Не мудрено, что его вы увидите повсюду... Вотъ шумная «Японія и Россія»—номеръ въ 200 страницъ стоитъ только 8 копеекъ!.. Не мудрено, что даже дженерикши читаютъ о Лермонтовѣ, Толстомъ, Горькомъ, Леонидѣ Андреевѣ...

— Что вы говорите?..—съ удивленіемъ воскликнулъ я.

Онъ подалъ мнѣ книжку журнала. Я развертываю и изумляюсь..

— Ба! знакомыя все лица.

Въ книгѣ масса портретовъ. Но среди характерныхъ японскихъ физіономій тамъ и тутъ вы встрѣчаете дорогія вамъ черты Толстого, Лермонтова, Пушкина... а въ текстѣ—статьи о нихъ, о русской литературѣ, исторіи, географіи...

Но было бы большимъ заблужденіемъ думать, что только въ

этомъ журналѣ, какъ спеціально посвященомъ Россіи, такъ интересуются нами.

Нѣтъ ни одного журнала японскаго гдѣ не было бы отведено минимумъ $^1/_5$ текста познаванію Россіи.

Нѣтъ ни одного журнала, со страницъ котораго, какъ оазисъ среди чуждаго намъ лѣса кабаллистическихъ японско-китайскихъ гіероглифовъ не глядѣлъ бы на васъ портретъ Толстого, Горькаго...

Не только портреты. Вотъ самостоятельный рисунокъ японскаго художника, изображающій великаго писателя земли русской за сохой.

Понуро тащится лошаденка. Сосредоточенно, угрюмо направляетъ свою соху Толстой. Возжи перекинуты за шею. Глубоко врѣзалась въ землю русскую соха...

А внизу японская подпись. И кругомъ все японскіе загадочные столбики...

— Это о Толстомъ?

— Переводъ его сочиненія...

— Неужели это «Война и миръ», «Анна Каренина», «Крейцерова соната»?..

— Нѣтъ, улыбается Сиратори, всѣ его романы вплоть до «Воскресенья» переведены уже давнымъ давно и имѣются въ отдѣльныхъ изданіяхъ... Въ журналахъ появляются только самыя позднѣйшія сочиненія его философскаго, богословскаго характера, письма... все больше изъ англійскихъ изданій...

— А вотъ этого узнаете?—подалъ мнѣ другую книгу «Солнца» Такаки.

Какъ не узнать. Это портретъ семьи Горькаго:—онъ, жена и двое дѣтей. А рядомъ фотографія его кабинета...

Я даже въ Россіи не видалъ этихъ снимковъ.

— Да! Это авторъ «Мѣщанъ»...

— Почему «Мѣщанъ»? Развѣ «Мѣщане» наиболѣе характерное для него произведеніе?

— Это лучшее, что онъ написалъ. Въ Японіи, изо всѣхъ произведеній Горькаго, это самое популярное, потому что писатель въ немъ задѣлъ японцевъ за живое. У насъ на родинѣ господствуетъ тотъ же разладъ, который въ «Мѣщанахъ» подчеркнулъ Горькій. Мы до сихъ поръ не замѣчали его;—наши романисты не касались этой темы. Но когда японцы прочли, а затѣмъ и посмотрѣли на театральныхъ подмосткахъ «Мѣщанъ» они поняли сущность того, что переживаетъ большая часть мѣщанскаго японскаго общества... Между

нашими романистами нашлись послѣдователи Горькаго. Въ своихъ романахъ и повѣстяхъ они анализируютъ причины и формы этого разлада, выводятъ японскихъ Безсѣменовыхъ...

— Въ чемъ же сущность этого разлада?

— Вотъ если бы вы подробно ознакомились съ теперешнимъ бытомъ Японіи, тогда вы поняли бы почему Горькій дорогъ намъ именно «Мѣщанами»... Его вы называете «отцомъ босяковъ», а мы— «отцомъ мѣщанъ».

— А босяки не понятны вамъ?..

— Да. Это явленіе пока еще въ сторонѣ отъ японской жизни. Тутъ много для насъ страннаго.

— Эта статья, которая окружаетъ портретъ, о Горькомъ?

— Нѣтъ, о Горькомъ и Толстомъ въ нашихъ журналахъ написано много статей. А эта статья называется «Раздѣлъ Россіи»...

Японцы дѣлятъ Россію. Чрезвычайно интересно узнать какимъ образомъ!

— Эта статья принадлежитъ перу профессора Уюзиро Міяке, редактору журнала «Японцы» и сотруднику газеты «Нипонъ», издаваемой въ Токіо.

«Въ настоящее время, говоритъ профессоръ, милитаризмъ Франціи и Германіи служитъ гарантіей политическаго равновѣсія въ Европѣ. Нигдѣ во всемъ мірѣ нѣтъ такого крѣпкаго милитаризма, какъ на границѣ Франціи и Германіи—въ Эльзасъ-Лотарингіи. Послѣ 1870 г., эта новая граница сдѣлалась предметомъ важнѣйшей политической задачи на европейскомъ материкѣ. Франція старается взять ее обратно, а Германія твердо держитъ ее. Въ виду этого обѣ державы увеличиваютъ съ каждымъ днемъ свои военныя силы. Это обстятельство страшитъ дипломатовъ. Они всегда могутъ ожидать внезапныхъ перемѣнъ въ мирѣ Европы. Какъ ни старались въ Европѣ разрѣшить этотъ вопросъ, ничего не могли подѣлать. Почти въ то же время вспыхиваетъ русско-турецкая война. И вниманіе дипломатовъ всѣхъ государствъ обратилось на Балканскій полуостровъ. Несмотря на окончаніе вооруженнаго столкновенія, Турція не взялась за переустройство своего государства и продолжаетъ такъ же мучить христіанъ, какъ и прежде. Она и въ нынѣшніе дни представляетъ опасность для мира Европы».

«Россія, пользуясь этимъ явленіемъ, стремилась расширить сферу своего политическаго вліянія на Ближнемъ Востокѣ. Вслѣдствіе этого былъ заключенъ сначала двойственный, а затѣмъ тройственный

союзъ. Такимъ образомъ, Балканскій полуостровъ сдѣлался новымъ яблокомъ раздора въ Европѣ. Исторія не знаетъ остановокъ и послѣ японо-китайской войны взгляды европейскихъ государствъ снова бросились на Дальній Востокъ и появилась франко-русская декларація».

«Въ настоящее время среди европейскихъ государствъ сохраняется политическое равновѣсіе и никому не позволяется нарушить миръ въ Европѣ. Поэтому европейцамъ приходится протягивать руки къ некультурнымъ странамъ Азіи. Тамъ стараются они распространить свое политическое и экономическое вліяніе. Такимъ образомъ, положеніе дѣлъ измѣнилось. Событія въ Китаѣ въ 1900 г. дали было европейцамъ прекрасные шансы установить свои базы на Востокѣ. Они начали осуществлять свою завѣтную мечту. Но, съ усмиреніемъ боксеровъ, положеніе ухудшилось, и имъ пришлось уйти ни съ чѣмъ».

«Россія же, помня завѣтъ Петра I, утверждалась въ Манчжуріи. Японія, весьма заинтересованная въ Дальнемъ Востокѣ, стала энергично протестовать».

«Въ настоящее время всякая держава устремляетъ свои глаза въ сторону наименьшаго сопротивленія. Но, конечно, территорія, на которую зарится держава, должна имѣть достаточно природныхъ богатствъ и не имѣть большого населенія. Для Японіи стороной наименьшаго сопротивленія является, безспорно, Китай. Но четырехсотмилліонное населеніе его является непреоборимою помѣхою въ вопросѣ о раздѣлѣ Китайской Имперіи. Не желая тратить громадныхъ средствъ для эксплоатаціи богатствъ Китая, великія державы все же лелѣютъ мечту о раздѣленіи Небесной имперіи. Но, по моему мнѣнію, это безполезно: только въ силу своей густоты населенія, Китай нераздѣлимъ, неуничтожимъ. Вспомните, какія затрудненія встрѣтили Соединенные Штаты! А вѣдь тамъ было всего только 9.000,000 негровъ».

«Вспомните объ африканцахъ въ англійскихъ колоніяхъ Южной Африки! А развѣ ихъ было 400.000,000? Между тѣмъ. Англія истратила на Южную Африку свыше $1^1/_2$ милліарда іенъ»!

«Побережье Новаго материка (сѣверная и южная Америка) представляетъ собою большой интересъ, который могъ бы служить тоже яблокомъ раздора для великихъ державъ; но взяться пока за это дѣло весьма трудно. Это хорошо доказалъ намъ венецуэльскій вопросъ. Итакъ, во всемъ мірѣ больше нигдѣ нѣтъ болѣе удобнаго мѣста для раздѣленія территоріи, какъ въ Азіатской Россіи».

«Два великихъ вопроса предстоятъ дипломатіи въ недалекомъ

будущемъ: 1) открытіе богатствъ, скрытыхъ въ сибирскомъ пространствѣ, и 2) разоруженіе эльзасъ-лотарингской обороны»...

«Во всемъ мірѣ только въ Азіатской Россіи находимъ мы территорію, богатства которой еще совершенно не изслѣдованы, и она-то и занимаетъ весьма громадное пространство и совсѣмъ не имѣетъ населенія. Не бойтесь простудиться въ Россіи. Когда станутъ извѣстны богатства, сибирскихъ копей, земледѣлія и лѣсоводства, всегда можно будетъ приспособиться, чтобы согрѣть себя отъ рѣзкостей климатическихъ условій. Такимъ образомъ великимъ державамъ необходимо вступить въ глубину этой территоріи и осуществить раздѣлъ Азіатской Россіи во что бы то ни стало.»

«Правда, пока еще не изслѣдованы окончательно богатства Сибири, рано настаивать на осуществленіи этой великой мечты. Но надо признаться, что мечта эта можетъ быть вполнѣ осуществима.»

«Вѣдь у русскихъ (авторъ включаетъ всѣ многочисленныя племена живущихъ въ Россійской Имперіи) нѣтъ ни малѣйшаго понятія о государственности; поэтому, если бы произошелъ раздѣлъ Россіи, то они не могли бы возстановить снова своей Имперіи. Русскіе были долгое время подъ монгольскимъ игомъ и сама Россія неясно себѣ представляетъ свои границы съ сосѣдями. Вотъ почему она и не имѣетъ никакого представленія о государственности.»

«Насколько легко ее раздѣлить, настолько же легко будетъ и управлять ея населеніемъ».

«Всѣ твердятъ о неудачѣ Наполеона въ 1812 году, безпрестанно восхищаются Россіей, какъ непоколебимой державой.—Это глупая ошибка. Неудача французскаго полководца произошла отъ неожиданнаго климатическаго препятствія, а не отъ отпора русскихъ войскъ. Итакъ, разоруженіе пограничной обороны между Франціей и Германіей повлечетъ за собой удивительное переустройство въ европейскомъ политическомъ мірѣ».

«А для Японіи это открываетъ весьма заманчивыя перспективы.

— Вотъ образчикъ политическихъ передовыхъ которыя пишутся нашими профессорами! сказалъ Сиратори.

Статья очевидно написана для того, чтобы пріободрить японцевъ.

Нечего, молъ, бояться войны съ Россіей. Ее, того и гляди, «раздѣлятъ» великія державы.

ВЕЧЕРЪ ВТОРОЙ.

«Русь» 16 Марта.

Японскій журналъ. — Хроника. — Критика. — Свобода печати. — Обмѣнъ Манчжуріи на Корею. — «Пороки Японцевъ». — Первый журналистъ Японіи. — Первый предсказатель войны съ Китаемъ. — Романъ Сада-Якко и Каваками. — Стихи. — Увлеченіе русскими авторами. — Чеховъ и Андреевъ. — Толстой и Горькій.

— Однако, не будемъ пока такъ долго останавливаться на отдѣльныхъ статьяхъ. Давайте лучше ознакомимся съ содержаніемъ первой книги журнала «Солнце» за этотъ годъ.

Первый отдѣлъ его называется «Хроника». Въ немъ статьи: «Маркизъ Ито и антирусская лига», «Министръ-президентъ Катцура и антирусская лига», «Спускъ крейсера Отова», «Смѣта Японіи на 1904 годъ», «Положеніе въ Манчжуріи», «Администрація России на Дальнемъ Востокѣ».

Второй отдѣлъ—«Критика государственныхъ дѣятелей».

Полная свобода печати позволяетъ журналистамъ подвергать неумолимо-жестокой и язвительной критикѣ дѣянія даже самыхъ высшихъ государственныхъ сановниковъ. Статьи такъ и озаглавливаются: «Критика министра внутреннихъ дѣлъ», «Критика министра народнаго просвѣщенія».

Не подлежитъ критикѣ только самъ микадо.

Въ первомъ номерѣ «Солнца» помѣщена критика государственнаго управленія России. Къ чести японцевъ нужно сказать, что самыми симпатичнѣйшими штрихами описано миролюбіе Государя нашего. Наоборотъ, отзывы о нашихъ министрахъ грѣшатъ односторонностью. Съ большимъ уваженіемъ относятся японцы къ покойному П. С. Ванновскому. Авторъ называетъ его «другомъ студентовъ».

Третій отдѣлъ «Текущія статьи». Онъ открывается статьей профессора международнаго права Томидзо, одного изъ лицъ, представившихъ записку о необходимости начать войну съ Россіей. Статья называется «Медленность обмѣна» и въ ней доказывается трудность осуществленія мечты значительной группы японскихъ дипломатовъ безъ войны «обмѣнять Манчжурію на Корею». Профессоръ доказываетъ, что, уступивъ Россіи Манчжурію и занявъ Корею она лишь отодвинетъ вопросъ, а не разрѣшитъ его: «Сосѣдство станетъ еще болѣе опаснымъ».

Затѣмъ идетъ некрологъ, посвященный покойному профессору, двѣ статьи по техническому образованію и блестящая статья публициста и члена нижней палаты Кудо.

Въ ней обвиняется японскій государственный совѣтъ въ томъ, что онъ нарушаетъ принципы конституціи.

Четвертый отдѣлъ—«Интервью».

Ректоръ философской академіи въ Токіо, Иноуэ Индіо интервьюируется на тему «Пороки японцевъ». Главный и чуть ли не единственный порокъ японцевъ, по мнѣнію профессора, непостоянство, неумѣніе долго сосредоточиваться на одномъ дѣлѣ, неспособность довести до конца то, что сразу не удалось.

«Солома вспыхиваетъ ярко, но скоро гаснетъ. Такъ и энергія японца».

Второй интервьюируемый—Фукучи, первый издатель газеты, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, въ Японіи и первый по времени журналистъ.

Эта газета вышла 33 года тому назадъ и называлась «Синономэ», т. е. «Заря». Въ ней 25 лѣтъ тому назадъ Фукучи энергично проводилъ мысль о необходимости для японцевъ вести завоевательную войну не съ Россіей, а съ Китаемъ.

Фукучи теперь, какъ и 25 лѣтъ тому назадъ повторяетъ, что настало время раздѣла Китая.

Пятый отдѣлъ—«иностранная корреспонденція»—изъ Перу, Висконти и Германіи.

Шестой отдѣлъ «беллетристика».

Здѣсь романъ изъ жизни артистовъ. Описывается трогательная судьба сначала гейши, а потомъ актрисы Сада-Якко и мужа ея Каваками, прославившихся своей поѣздкой за границу. Эти знакомые и русской публикѣ персонажи выведены въ романѣ не

подъ настоящимъ ихъ именемъ, но ни для кого не тайна, что рѣчь идетъ о нихъ.

Каваками знаменитъ не только тѣмъ, что познакомилъ заграницу съ японскимъ театромъ, но и тѣмъ, что познакомилъ Японію съ заграничнымъ театромъ.

Въ Европѣ онъ путешествовалъ со своей, правда, отвратительной труппой, которой въ Токіо никто не хотѣлъ смотрѣть, и съ такими старыми пьесами, которыя уже давно сняты съ репертуара... Въ этихъ пьесахъ—легендарная Японія. Японія рыцарей, которые то и дѣло, по непонятнымъ для современнаго человѣка соображеніямъ, устраивали себѣ хара-кири: разсердится, обидится на какой нибудь пустякъ и распоретъ себѣ животъ.

— На смѣну этихъ нелѣпыхъ пьесъ Каваками познакомилъ насъ съ европейскимъ репертуаромъ. У насъ идетъ Шекспиръ, Горькій, Шиллеръ... Да вотъ слѣдующая статья этого отдѣла—переводъ «Ромео и Юліи» Шекспира...

Седьмой отдѣлъ—«Спортъ». Преобладаютъ шахматы и гонки яхтъ-клубовъ.

Японцы—страстные спортсмены и положительно нѣтъ такой школы, общества, деревушки, гдѣ не было бы нѣсколькихъ гоночныхъ яхтъ.

Восьмой отдѣлъ «Литературно-театральный фельетонъ». Во-первыхъ «Исторія китайской драмы», во-вторыхъ статья о японской «чайной церемоніи» (чаноэ).

Семейный бытъ японцевъ сложился очень сѣро, буднично, мѣщански. Музыки—почти нѣтъ, танцевъ—тоже. Несостоятельные классы заняты работой, а состоятельные—скукой.

Чтобы чѣмъ-нибудь наполнить скучный день, чтобы развлечься, японцы выдумали себѣ нѣчто вродѣ нашихъ petits jeux—«чайную церемонію».

Затѣмъ идетъ переводная статья: Короленко «Изъ сибирскихъ впечатлѣній»; воспоминанія о покойномъ романистѣ Кооіо, замѣчательнаго послѣдователя Баки—Пушкина японской литературы. Его лучшій философскій романъ «О восьми собакахъ».

Затѣмъ идутъ стихи.

Китайскіе стихи не знаютъ рифмы. Они состоятъ изъ хореевъ и бываютъ трехъ родовъ, смотря по количеству слоговъ заключающихся въ строчкѣ.

1) Стихи «семь и пять», гдѣ семисложная строчка чередуется съ пятисложной.

Примѣръ изъ послѣдняго номера «Солнца».

Осенній вѣтеръ.

А си та́ ка га́ ми не́
Му ка и те ва́
А а ва́ ре а́ ма ди
О и та́ ли на́...

Стихотвореніе не лишено меланхолическаго настроенія:

«Однажды утромъ я сидѣлъ передъ зеркаломъ.

«Боже мой! Какъ я постарѣлъ!

«Худыми трясущимися руками хотѣлъ я пригладить волосы а осенній вѣтеръ растрепалъ ихъ...

«И стало холодно... Тоскливо...»

2) Самый старинный размѣръ стиха называется «31». Происхожденіе его таково: 2564 года тому назадъ дядя перваго Микадо японскаго изрекъ сентенцію, въ которой былъ «ровно 31 слогъ».

Съ тѣхъ поръ японскіе поэты упражняются въ томъ, чтобы въ 31 слогѣ излить душу, выразить блестящую мысль или дать эффектную игру словъ.

Эти 31 слогъ располагаются въ пяти хореическихъ строкахъ (5+7+5+7+7).

Вотъ наиболѣе популярное изъ стихотворенія въ 31 слогъ:

«Если тебя спросятъ, что такое душа японца, отвѣчай: это вишневое дерево, которое подъ лучами восходящаго солнца распускается такъ удивительно пышно, но цвѣтетъ такъ недолго».

Японская вишня символъ духа Японіи. Ея цвѣтокъ находится въ гербахъ, въ шитьѣ мундировъ военныхъ и штатскихъ, на рукояткахъ почетныхъ шпагъ. Она славится необычайно пышнымъ цвѣтомъ, но цвѣтетъ только два дня.

Сопоставьте это стихотвореніе съ изреченіемъ профессора Иноуэ Индіо (о соломѣ)!

3) Стихотвореніе въ «17» слоговъ, гдѣ строки чередуются по три (5+5+7).

Такъ переведенъ «Парусъ» Лермонтова и многіе стихи Пушкина.

Девятый отдѣлъ—«Современныя извѣстія». Тутъ интересно обозрѣніе европейской литературы за 1903 годъ.

«Изученіе новѣйшей европейской литературы является у насъ въ настоящее время, пишетъ одинъ критикъ какою то модой. Это

уже не изученіе, а какое то комическое благоговѣніе слѣпой молодежи. Она восхищается эпитетомъ «новѣйшій». Она кричитъ; прошло время изученія Золя, Толстого и Ибсена, наступила эпоха Горькаго, Меттерлинка и Д. Анунціо. Кто изъ насъ не читалъ и не изучалъ Чехова, Андреева! Съ наводненіемъ такъ называемой новѣйшей европейской литературы, въ нашихъ журналахъ и сборникахъ появились портреты и переводы Горькаго, Меттерлинка, Чехова и другихъ. Мало того,—нѣкоторыя изъ произведеній названныхъ авторовъ поставлены уже на токійской сценѣ...»

Критикъ горячо возражаетъ противъ увлеченія японцевъ русскою литературною молодежью:

«Хотя у Чехова и Андреева есть уже не мало произведеній, но ихъ таланты еще не развернулись и не успѣли еще показаться во всей полнотѣ...»

Смѣшно, конечно, ждать, чтобы Чеховъ «развернулся». Но въ высшей степени симпатично читать горячія строки въ защиту Толстого:

«Великъ Толстой! Онъ, находясь среди искусства, порицаетъ его; отрицая религію—отдаетъ ей свою жизнь»...

А другой критикъ пишетъ:

«Наполеонъ говорилъ: «если кто-нибудь будетъ составлять всемірную исторію, ему потребуется 1000 страницъ для меня». Мы же скажемъ: если кто-нибудь будетъ составлять исторію всемірной литературы, тотъ по крайней мѣрѣ 5 страницъ отведетъ Толстому и Горькому»...

Десятый отдѣлъ «Исторія и географія». Первая статья—«Русская исторія», вторая —«Путешествіе на Формозу».

Одиннадцатый отдѣлъ «Наука и искусство» Двѣнадцатый—обозрѣніе печати...

Вотъ какъ интересно, разнообразно составленъ номеръ журнала.

Весь вечеръ мы провозились надъ одной только книгой, да въ нѣсколькихъ другихъ журналахъ отмѣтили, что перевести для слѣдующей бесѣды.

Сколько интереснаго матеріала для изученія Японіи представляетъ изъ себя это море печатныхъ листовъ.

Копаешься въ нихъ съ двумя гидами, любуясь этими портретами гейшъ, пейзажами, жанрами, этой кипучей жизнью и словно путешествуешь по Японіи.

И все время убѣждаешься въ томъ, что мы Японіи не знаемъ.

ВЕЧЕРЪ ТРЕТІЙ.

«Русь» 18 Марта.

Газетная пресса. — «Дзи-Дзи». — Фукузава-fils. — Объявленія. — Могущество прессы. — Фукузава-pére. — Японскій Иловайскій. — Скандалъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. — Фельетоны о миролюбіи. — Репортажъ. — Дешевизна жизни.

— Если такъ жива и подвижна, такъ отзывчива и демократична японская журнальная пресса, то какова должна быть газетная пресса?..

— Она обогнала въ этомъ отношеніи даже американскую печать. Да вотъ, вы сами увидите. Проанатомируемъ этотъ номеръ «Дзи-Дзи» такъ же, какъ третьяго дня анатомировали «Солнце».

Мы разложили громадный номеръ въ 20 страницъ газетнаго формата. Лишь при томъ колоссальномъ распространеніи, какое имѣетъ «Дзи-Дзи», можно продавать это море древесной бумаги за 2 копейки. Даже дешевле—съ доставкой въ годъ газета стоитъ 5 р. 60 коп., а въ мѣсяцъ—50 коп.

А распространеніе ея въ мирное время превышало 500,000 экземпляровъ, теперь же, въ военное время, приближается къ милліону номеровъ въ день.

— Да и немудрено, что газета чуть не на 50% повысила свой тиражъ. Вотъ вы увидите, что за 2—3 дня до начала военныхъ дѣйствій она сумѣла подать правительству нѣсколько благоразумныхъ совѣтовъ, и всѣ они были приняты. Это очень подняло престижъ газеты. Да и во время войны она ведетъ себя въ высшей степени корректно, не поддѣлывается подъ тонъ правительственныхъ сообщеній, а даетъ министрамъ совѣты и указанія, словно редакторъ ея Фукузава—самъ министръ, или членъ тайнаго совѣта. Фукузава, указывая правительству его промахи, однако, не допускаетъ такой вольности въ обращеніи, какъ «Нирокко». Редакторъ послѣдней, членъ парламента нижней палаты Акіяма, дошелъ до того, что его пришлось упрятать въ тюрьму, а газету его закрыть. Онъ въ своей газетѣ такъ откровенно раскрылъ передъ лицомъ всего міра военную тактику японцевъ, что военный министръ возмутился. Статьи «Нирокко» и тоже запрещенная книга «Гибель Россіи»

выдали иностранцамъ военную тайну Японіи... Министру пришлось поневолѣ измѣнить тактику, обдуманную имъ раньше.

Впрочемъ, не однимъ личнымъ заслугамъ редактора обязана «Дзи-Дзи». Имя и прочное положеніе газетѣ далъ отецъ нынѣшняго редактора Фукузава, личность выдающаяся по той роли, которую ему пришлось сыграть въ исторіи европеизаціи Японіи.

Однако, приступимъ къ анализу газеты.

Вотъ первый листъ (какъ и книги, газеты листуются справа налѣво), гдѣ въ верхнемъ правомъ углу, сбоку, ютилось названіе газеты. Среди массы объявленій оно совсѣмъ затерялось, это заглавіе. Да и напечатано оно ничуть не отчетливѣе, чѣмъ весь остальной номеръ,—сбитый шрифтъ, тусклая краска и сѣроватая низкопробная бумага не дѣлаютъ внѣшности «Дзи-Дзи» заманчивой.

Но тусклость внѣшняго облика вполнѣ объяснима и оправдываема. Напечатать 1.000,000 оттисковъ съ одного набора хотя бы и съ нѣсколькихъ стереотиповъ—задача не легкая,—поневолѣ шрифтъ собьется и краска померкнетъ.

Итакъ, прежде всего бросаются въ глаза объявленія.

Въ Японіи крикливая, суетливая бьющая на рекламу жизнь. Вотъ почему, несмотря на дороговизну объявленій, купцы не скупятся на нихъ. На первой страницѣ платятъ по 50 коп., на остальныхъ—по 25 коп. за строку вдвое короче нашей.

О чемъ только не объявляютъ!

Вотъ объявленіе «о капляхъ для желудка, которыя приводятъ въ игривое расположеніе духа».

Всѣ въ Японіи понимаютъ, что это за «капли». Это скабрезныя карточки, до которыхъ такъ падки японцы, а въ особенности иностранцы-путешественники.

Вотъ въ черныхъ траурныхъ рамкахъ... вы думаете «покойники»?.. Нѣтъ, это адреса достойныхъ вниманія гейшъ.

Вотъ этотъ столбецъ цѣликомъ занятъ объявленіями въ одну строчку:

«28 лѣтъ, безъ денегъ, умѣю торговать, хочу жениться на дѣвушкѣ не старше 22 лѣтъ. Условія въ редакціи».

«Товарищи рекомендуютъ такого-то, приличнаго молодого человѣка, 27 лѣтъ, желающаго жениться. Предложенія и фотографіи присылать по слѣдующему адресу».

«Хочу жениться въ первыхъ числахъ ноября. Имѣю аттестатъ отъ торговой фирмы»... и т. д.

Зато объявленія о кухаркахъ отсутствуютъ. Для нихъ и дженерикшей такса высока.

А вотъ это—театральныя объявленія. Написаны они въ рекламно-зазывающемъ тонѣ, какъ у насъ въ опереткѣ.

«Большой успѣхъ! Безпрерывный смѣхъ! Съ куплетами, пародіями, имитаціями! Ново! Оригинально»!

Особенно рекламируется передѣланный для сцены романъ Марка Твена «Принцъ и нищій».

Много объявленій, начинающихся словами «На случай войны»...

Вѣдь передъ нами лежитъ номеръ, который вышелъ за 4 дня до начала военныхъ дѣйствій. Если-бы мы читали «Дзи-Дзи» для насъ война не была-бы неожиданностью!

На первой страницѣ пустое отъ объявленій мѣсто заполняется мелкими провинціальными корреспонденціями, чтобы не отвлекать отъ объявленія.

Дальше идетъ передовая статья. Въ ней авторитетно доказывается, что, въ виду серьезности наступающаго момента, нужно поступиться личными самолюбіями и сплотиться въ организацію, безупречно стойкую и стройную. Въ этой организаціи «сучкомъ» былъ бы нынѣшній министръ финансовъ гр. Инобуэ. Для мирнаго времени это вполнѣ порядочный министръ. Пороха онъ не выдумаетъ, но для мирнаго времени и не нуженъ порохъ. Для военнаго же времени онъ прямо вреденъ со своею нерѣшительностью и медлительностью. Необходимо его смѣнить и на его мѣсто поставить графа Матцуката. Врядъ ли въ надежныхъ рукахъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Необходимо отдать этотъ портфель маркизу Ито.

«Если мой совѣтъ примутъ, я могу сказать, что народъ согласенъ на войну», заканчиваетъ статью передовикъ.

И что же?.. Мы знаемъ, что оба совѣта эти уже приняты.

Правда, у гр. Иноуэ не отнятъ портфель министра финансовъ, но надъ нимъ поставленъ въ роли сверхъ-министра графъ Матцуката, назначенный членомъ тайнаго совѣта по финансовымъ дѣламъ

Какъ не подивиться такому могуществу прессы!

Затѣмъ идетъ статья «Парламентскіе выборы», гдѣ критикуются кандидаты изъ провинціи.

Затѣмъ—«Четвертая годовщина смерти Фукузава», отца редактора.

Его заслуги велики. Онъ первый заговорилъ о необходимости

введенія въ Японіи европейскаго образованія, первый подвергъ жестокой критикѣ устои китайской цивилизаціи, первый основалъ европейское по программѣ училище, превратившееся со временемъ въ первый частный университетъ, давшій Японіи больше знаменитыхъ ученыхъ и государственныхъ дѣятелей, чѣмъ всѣ казенные университеты вмѣстѣ. Его заслуги и при жизни были оцѣнены, молодежь боготворила его, а микадо предложилъ титулъ графа. Но Фукузава отклонилъ почести.

Затѣмъ идетъ романъ изъ морской жизни съ иллюстраціями въ текстѣ и крикливымъ бульварнымъ заглавіемъ вродѣ «Морской чертъ».

Романъ фельетонъ тянется по цѣлому году, по мѣрѣ развитія интриги, прикрѣпляющей къ газетѣ подписчика.

Собственные корреспонденты телеграфируютъ лишь изъ Лондона, Нью-Іорка, Бомбея и изъ японскихъ провинцій. Преобладаютъ телеграммы агентства Рейтера.

Слѣдующій отдѣлъ - Политическая хроника.

Здѣсь —«Аудіенція у микадо».

Статья «мѣстонахожденіе судовъ русской и японской эскадры»

«Чума на Формозѣ» (трое умерло, пятеро захворало).

Извѣщеніе министерства путей сообщенія о запрещеніи иностраннымъ отправителямъ посылать шифрованныя телеграммы.

«Безпорядки въ Кореѣ».

Отдѣлъ общественной хроники открывается статьей по поводу колоссальнаго скандала, разыгравшагося недавно въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

По закону, въ Японіи для каждаго учебнаго округа (а тамъ что ни городъ то округъ) учебники и учебныя пособія рекомендуются и одобряются губернаторами. Въ школахъ и гимназіяхъ не могутъ быть въ употребленіи иныя книги, кромѣ попавшихъ въ губернаторскій списокъ данной мѣстности.

Случайно, въ одномъ округѣ открылось, что губернаторъ ввелъ въ свой учебный округъ учебникъ исторіи прямо позорный по безграмотности и по архаичности. Произвели слѣдствіе оказалось, что онъ взялъ съ сочинителя взятку.

Его посадили въ тюрьму. Но на судѣ онъ заявилъ, что «всѣ берутъ».

Произведенная внезапная ревизія дѣйствительно посадила на скамью подсудимыхъ до 500 человѣкъ губернаторовъ и инспекторовъ

по учебной части, уличенныхъ, что за взятки они начиняли головы школьниковъ такими учебниками, передъ которымъ исторіи Иловайскаго и географія Смирнова — свѣжая роза и благовонная фіалка.

Теперь изъ всей этой компаніи 50 чиновниковъ уже отсидѣли въ тюрьмѣ и заплатили штрафъ.

Въ этой статьѣ «Дзи-Дзи» критикуетъ новый списокъ учебниковъ, который составилъ самъ министръ народнаго просвѣщенія.

Достается и учебникамъ, и... самому министру!..

Дальше статья о городскомъ самоуправленіи.

Въ думу выбираются на 3 года. Ценза почти не требуется. Да оно и немудрено. Вѣдь даже для того, чтобы попасть въ парламентъ, и то достаточно прожить годъ на одномъ мѣстѣ и заплатить 10 рублей государственнаго налога.

Вотъ коротенькая параллель: «Кассуга» и «Ниссинъ» и «Ослябя» и «Дмитрій Донской».

На мой вопросъ, что означаютъ по-русски названія главнѣйшихъ японскихъ боевыхъ судовъ, Такаки отвѣчалъ:

— Большинство изъ нихъ носятъ имя въ честь родины. На японскомъ языкѣ существуетъ восемь словъ для наименованія нашей родины. Какъ у васъ всего три — Московія, Русь и Россія... Названія Сикисима, Акицусимао (островъ стрекозъ), Яшима (восемь острововъ), Фусо (страна тута), Ямато, Ниппонъ (по китайскому произношенію Японъ) — все это

въ разное историческое время значило то, что теперь Японія (страна Восходящаго Солнца, или буквально «Колыбель Солнца»)... И всѣ эти названія носятъ наши броненосцы и крейсеры.

«Ниссинъ» и «Кассуга» названы въ честь родоначальниковъ японскаго флота.

Это было 41 годъ тому назадъ. Враждующіе феодальные князья Хизинъ и Сацума пріобрѣли себѣ двѣ голландскихъ канонерки, тоннъ по 300 — не болѣе и назвали ихъ «Ниссинъ» и «Кассуга».

Когда 37 лѣтъ тому назадъ разразилась революція, суда эти изъ частныхъ рукъ перешли въ руки нынѣшняго микадо Муцухито. Они и составили основу японскаго флота, къ которому въ томъ же году микадо прикупилъ еще 6 судовъ по 300 тоннъ.

— Память «Ниссинъ» и «Кассуга» японцамъ такъ же дорога, какъ ботикъ Петра Великаго русскимъ.

Идемъ дальше по «Дзи-Дзи». Вотъ подробное описаніе бала въ германскомъ посольствѣ въ Токіо.

Вотъ о табачной монополіи, недавно введенной и давшей въ этомъ году всего 8.000,000 іенъ.

А вотъ и фельетонъ абзацами на разныя темы.

Тутъ и о погодѣ, и о политикѣ, и о землетрясеніи.

Оканчивается онъ многозначительными словами:

«Весь міръ называетъ Русскаго Императора миролюбцемъ!

«Весь міръ называетъ микадо Муцухито (т. е. миролюбіе)!

«А все же, слушайте вы, министры и весь міръ: война будетъ раньше, чѣмъ зацвѣтутъ вишни»...

Предсказаніе фельетониста сбылось.

Вишни еще не зацвѣли, а ужъ воды Дальняго Востока обагрились...

Затѣмъ идетъ провинціальный отдѣлъ — корреспонденціи отовсюду.

Особенно подробная — изъ Дальняго, гдѣ говорится о тревогѣ населенія.

Массу мѣста занимаетъ спортъ вообще, а въ особенности борьба.

Затѣмъ идетъ театральный отдѣлъ.

Большая статья посвящена дѣтской труппѣ мальчиковъ въ Токіо. Авторъ съ пѣной у рта старается доказать, что это учрежденіе слѣдуетъ запретить, что оно позорно, безнравственно и нигдѣ въ Европѣ не имѣетъ мѣста.

Онъ не зналъ о труппѣ дѣвочекъ Чистякова въ С.-Петербургѣ.

Затѣмъ извѣщается, что подробная рецензія объ «Отелло» Шекспира будетъ помѣщена въ слѣдующемъ номерѣ.

Особенно полно составлена городская хроника вообще и уличная въ частности.

Нигдѣ не развита такъ уличная жизнь, какъ въ Токіо. Всѣ живутъ на распашку. Стѣны частныхъ домовъ раздвигаются на день, и домъ сливается съ улицей въ органическое цѣлое.

Вотъ почему нигдѣ такъ не живутъ сплетней, какъ въ Японіи. И главныя сплетницы — газеты.

Репортеръ долженъ быть виртуозомъ сплетни и сыска.

— Когда молодой человѣкъ идетъ съ трепетнымъ біеніемъ сердца на свиданіе къ своей милой, онъ оглядывается во всѣ стороны, боясь, какъ бы его не увидалъ репортеръ. Иначе на завтра въ газетахъ появится: «Родители дѣвушки, живущей въ такомъ-то домѣ, такого-то квартала, такой-то улицы, приглашаются посматривать за своей дочерью, 23 лѣтъ отъ роду. Вчера мы замѣтили въ такомъ-то часу вечера крадущагося молодого человѣка (имя рекъ). Наружность его (идетъ описаніе наружности и одежды) дѣлаетъ честь вкусу барышни, но она не знаетъ, что этотъ молодой человѣкъ вотъ уже второй годъ долженъ 25 іенъ господину (имя рекъ), живущему тамъ-то и тамъ-то»...

Отправляясь на добычу, воръ, каторжникъ или убійца, не боится никого такъ, какъ репортера.

— Большинство преступленій репортеры обнаруживаютъ рань-

ше, чѣмъ полиція, не смотря на то, что полиція у насъ образцовая. При отсутствіи паспортной системы они совершаютъ такія чудеса, которыя возможны, по мнѣнію иностранцевъ только при строгой регламентаціи населенія. Иностранецъ теряетъ кошелекъ, кольцо, часы (это работа карманниковъ), а черезъ два-три дня ему полиція доставляетъ похищенное. Найти вора въ полутора-милліонномъ населеніи—мудреная задача. Но все же большинство убійствъ репортерами раскрывается раньше, чѣмъ сыщиками, и описывается такъ подробно, какъ будто они сами были участниками убійства. Пожаръ репортеромъ описывается такъ точно, детально, словно онъ самъ былъ поджигателемъ. Репортеръ ведетъ списокъ прелюбодѣевъ, хронику незаконныхъ дѣтей (отъ такого-то и такой-то, при такихъ-то обстоятельствахъ, тамъ-то), хронику подкидышей, скандалы на улицѣ и въ чайныхъ домахъ...

Не успѣетъ еще затихнуть боль отъ синяка подъ глазомъ жены, побитой мужемъ, или мужа, побитаго женой, а ужъ въ газету онъ попалъ.

— Для газеты различія между частной и общественной жизнью не существуетъ. Она пишетъ, что хозяинъ скверно обращается съ прислугой—хозяина судятъ и приговариваютъ къ тюрьмѣ. Она пишетъ, что прислуга обкрадываетъ хозяина, судя по тому, какъ она держалась въ мелочной лавочкѣ... Хозяинъ гонитъ прислугу прочь... Она пишетъ, что такая-то гейша оставалась въ чайномъ домикѣ до часу ночи,—штрафуютъ и гейшу, которая позже 12 часовъ ночи не должна засиживаться, и содержателя чайнаго домика... Репортеръ знаетъ все, видитъ все... и это за 15 рублей въ мѣсяцъ!..

— Какъ за 15?..

— Максимумъ за 20 іенъ!.. Это у насъ вполнѣ приличное вознагражденіе.

— Сколько же получаетъ фельетонистъ?

— Рублей 20—25 тоже... И за это онъ обязанъ писать ежедневно!.. Вы увидите, что при нашей дешевизнѣ это большія деньги.

И мы заговорили о той дешевизнѣ, которая иностранцу кажется положительно сказочной.

Все дешево. Втрое, вчетверо, въ десять разъ,—рабочія руки, время, продукты.

Дороги только деньги. Онѣ въ нѣсколько разъ дороже русскихъ,—за 3 р. 40 к. японецъ на мѣсяцъ снимаетъ цѣлый домикъ съ садомъ; объ окладѣ въ 10—15 рублей мечтаютъ, какъ о тепленькомъ мѣстечкѣ...

— Какое же непомѣрно великое лишеніе для Японіи потеря каждаго броненосца, каждаго крейсера!.. Вѣдь то, что для Россіи только милліонъ рублей, для Японіи по крайней мѣрѣ, десять милліоновъ!

Среди всеобщей дешевизны броненосецъ Японіи дорогъ такъ, какъ будто бы онъ стоилъ не 10.000,000 руб., а 100.000,000 рублей!..

ВЕЧЕРЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

«Русь» 22 Марта.

Цвѣты Токіо и рыцари огня. — Поджоги. — Харакири виновника. — Пожарныя поминки. — Пожарный праздникъ. — Полиція. — Кварталъ веселья. — Шооги и гейши. — Семейные будни. — Прейсъ-курантъ гейшъ.

Вчера разговорился съ японцами на пожарныя темы. Несчастіе Маріинскаго рынка произвело на нихъ большое впечатлѣніе.

— У васъ, вѣроятно, немыслимы такіе пожары съ человѣческими жертвами, домики одноэтажные, всегда выбѣжать успѣете...

— Но вы забываете, что это за домики! Они выстроены изъ сухого дерева и бумаги, — вспыхиваютъ, какъ солома... Пожаръ 1890 года уничтожилъ 4,251 домъ!.. И это пятый большой пожаръ за послѣднее время!..

— Вы говорите «нѣтъ человѣческихъ жертвъ!..» Я захватилъ съ собой на всякій случай вотъ эту книгу — «Японская хронологія»... Сейчасъ я найду историческій пожаръ, который унесъ свыше 100,000 жертвъ!.. Вотъ онъ, онъ былъ 201 годъ тому назадъ: выгорѣло полъ-Токіо, сгорѣло 102,000 человѣкъ!.. Но теперь мы съ гордостью можемъ сказать, что человѣческія жертвы уже рѣдки... И это только благодаря устройству нашей пожарной организаціи...

Много поучительнаго въ этой организаціи.

Каждый день Токіо горитъ въ двухъ—трехъ мѣстахъ. Но пожары эти уже не тѣ, они быстро локализируются и обходятся безъ человѣческихъ жертвъ.

Токіо съ его 300,000 домовъ раздѣлено на 40 пожарныхъ частей,

на части высится каланча. Дома низкіе, такъ что дежурному пожарному съ каланчи на далекое пространство виденъ каждый подозрительный дымокъ. Пожарные каждой части составляютъ изъ себя нѣчто вродѣ клуба. У нихъ свое знамя, свои порядки, своя корпоративная честь и удаль. На свое ремесло они смотрятъ какъ на благородный, рыцарскій спортъ, относятся къ нему съ любовью, съ соревнованіемъ. Пожарные, составляющіе часть, не живутъ вмѣстѣ. Каждый пожарный живетъ въ районѣ своей части, въ своемъ собственномъ домикѣ. Но каждый изъ нихъ въ каждую данную минуту готовъ кинуться на пожаръ и водрузить на крышѣ горящаго зданія свое знамя. Гдѣ бы ни показался подозрительный дымъ или пламя, а ужъ пожарные ближайшихъ частей тутъ какъ тутъ. И вы видите, какъ крыша неблагополучнаго дома уже подѣлена между представителями разныхъ обществъ: одну половину тушитъ одна часть, другую—другая; кто раньше пріѣхалъ, за тѣми остается честь бороться съ огнемъ, а тѣ части представители которыхъ опоздали, принуждены занимать не столь почетныя мѣста—спасать еще не горящія зданія по сосѣдству, т. е. попросту ихъ ломать... Карточность домиковъ, дѣлая ихъ легко воспламеняющимися, даетъ имъ передъ европейскимъ зданіемъ то преимущество, что сломать ихъ ничего не стоитъ. Всѣ пожарные спортсмены въ душѣ и гимнастику довели до виртуозности. Вооруженные своими длинными баграми, они показываютъ чудеса легкости, ловкости и безстрашія. Одежду ихъ составляютъ панцыри изъ прессованной ваты, пропитанной какимъ то составомъ. Такой панцырь не только дорогъ своею нетеплопроводностью, но и своею упругостью,—онъ позволяетъ пожарному падать безъ ушиба на всегда готовую сравнительно мягкую подстилку... Каждый пожарный кромѣ искусства владѣть багромъ долженъ выдержать экзаменъ и по искусству лазить съ быстротой бѣлки по длинной бамбуковой лѣстницѣ. Такихъ лѣстницъ, легкихъ и портативныхъ до того, что ее можетъ нести одинъ человѣкъ, у пожарныхъ частей множество. Онѣ не вѣчны, могутъ сгорѣть, но зато онѣ такъ дешевы, что и жалѣть о нихъ не приходится. Каждый пожаръ—конкурсъ для рыцарей огня. Каждая часть старается затмить другую пожарными доблестями. Часть-побѣдительница, часть, которая по общему признанію болѣе всего содѣйствовала прекращенію пожара, получаетъ почетное право на крышѣ спаленнаго дома водрузить, въ назиданіе потомству, свое знамя. Домовъ, разукрашенныхъ такими знаменами, по Токіо раскинуто великое множество. И каждое знамя напоминаетъ

окружающимъ: «берегитесь огня» и еще бы не беречься, когда страхованіе домовъ до того дорого, что недоступно обывателямъ. Въ 12 часовъ ночи по улицамъ раздается своеобразный звонъ. Это ходитъ особый пожарный сторожъ хиноіодинъ и кричитъ—«Тушите огни! Тушите огни!» А полицейскіе на улицахъ каждого проходящаго останавливаютъ словами: «откуда куда и зачѣмъ». Нигдѣ въ мірѣ не легки такъ поджоги, какъ въ Токіо,—чиркнулъ спичку и готово. И нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такъ много поджигателей. Большая часть пожаровъ—поджоги, это любимая месть вспыльчиваго японца, месть, за которую самому мстителю придется расплачиваться галерами безъ срока. Вѣдь поджигателя сыщики всегда найдутъ, и законъ къ нему особенно строгъ. Но большая часть пожаровъ—слѣдствіе неосторожности.

Удивительнымъ для европейца можетъ показаться поведеніе во время пожара лица, по чьей неосторожности начался пожаръ. Онъ не принимаетъ въ тушеніи своего дома никакого участія. Онъ не выноситъ своихъ вещей изъ пламени, молитъ пожарныхъ чтобы они оставили его домъ горѣть и догорать до тла.

Для японца нѣтъ большаго позора, какъ быть виновникомъ пожара. Раньше не переживали этого позора и харакири прекращала жизнь того, чья неосторожность причинила горе сосѣдямъ. Теперь харакири не въ модѣ, но до сихъ поръ чувствующій себя виновнымъ въ неосторожности самъ себя казнитъ, не дозволяя спасать своего добра. Мало того, послѣ пожара, когда кварталъ застраивается новыми домами на мѣстѣ погорѣвшихъ, виновный не позволяетъ себѣ выстроить домъ раньше другихъ. Онъ строитъ свой домъ или послѣднимъ, или выбираетъ себѣ совсѣмъ другой кварталъ...

Японцы боятся пожара и вмѣстѣ съ тѣмъ любятъ любоваться «цвѣтами Токіо», какъ называютъ поэты пожары. Любопытныхъ сбѣгается масса.

Но любоваться дѣйствительно есть чѣмъ. Помимо своеобразной красоты, которую представляетъ изъ себя пожаръ самъ по себѣ безплатный спектакль даютъ гимнасты—пожарные.

Въ честь ихъ пишутся стихи, какъ въ Испаніи въ честь торреадоровъ.

Пожаръ всегда окруженъ толпой. Но въ этой толпѣ не одни любопытные. У японцевъ есть такой симпатичный обычай:

Чуть раздается звонъ пожарной тревоги, чуть на каланчѣ вывѣсятъ извѣщеніе, что пожаръ въ такомъ-то кварталѣ, каждый япо-

нецъ, въ какой бы части 16-ти верстнаго въ длину и ширину квадрата, который называется Токіо, ни находился,—вспомнаетъ:

— Нѣтъ-ли у меня тамъ знакомыхъ?

Если знакомый есть, онъ приказываетъ своей женѣ немедленно приготовить калабашки изъ риса, картофель или еще что-нибудь съѣстное и несетъ это вамъ, посылаетъ съ какимъ-нибудь изъ членовъ своей семьи въ неблагополучный кварталъ.

Гдѣ же обывателю, у котораго горитъ, или того и гляди загорится домъ, помнить о томъ, что нужно угостить пожарныхъ по окончанію работы.

И вотъ, знакомые благополучнаго въ пожарномъ отношеніи квартала въ видѣ внимательности, симпатіи къ чужому горю присылаютъ это угощеніе.

Такъ устраиваются на пожарищѣ своеобразныя пожарныя поминки. Но не о рисѣ единомъ сытъ японскій торреадоръ огня.

Онъ получаетъ и денежное вознагражденіе, при чемъ платятъ сами домовладѣльцы спасенныхъ домовъ.

— А если домовладѣлецъ бѣденъ?

— Каждый платитъ, что можетъ... Какъ-бы ни былъ бѣденъ японецъ, а онъ никогда не пожалѣетъ для пожарнаго и для учителя. Взносомъ въ школу, какъ и взносомъ въ кассу пожарной дружины, японецъ даже хвастаетъ...

Разъ въ годъ въ Токіо устраивается пожарный праздникъ. Со знаменами, въ своихъ расшитыхъ форменныхъ плащахъ, съѣзжаются рыцари огня всѣхъ сорока частей и начинается у нихъ публичное соревнованіе въ гимнастикѣ.

— Былъ я у васъ въ циркѣ. По ловкости наши пожарные не уступятъ тѣмъ артистамъ, которыми вы любуетесь тамъ за деньги. Хожденіе по проволокѣ, по канату, лазанье по шесту, по лѣстницѣ бамбуковой, которая ни къ чему не приставлена... Лѣзетъ пожарный по ней и все время нужно сохранять равновѣсіе, чтобы лѣстница не упала. А прыжки, какіе прыжки сверху внизъ можетъ совершать пожарный!..

Чемпіону—выдается награда и дѣлается почетная нашивка на форменный плащъ.

— Имѣются же у васъ законы, запрещающіе устраивать въ домѣ склады взрывчатыхъ и, вообще, небезопасныхъ въ пожарномъ отношеніи веществъ?

— Въ сущности говоря, каждый тамъ домикъ представляетъ изъ себя такой складъ взрывчатыхъ веществъ,—все бумага и дерево. Но въ настоящее время полиція обязана слѣдить, чтобы въ частномъ домѣ не хранились запасы пороха и... целлулоида...

Впрочемъ, за чѣмъ только не слѣдитъ наша полиція.

Вслѣдствіе отсутствія паспортной системы, полиція должна была развить въ высшей степени шпіонство.

Шпіоновъ такъ много, что для насъ совершенно понятно то, что такъ удивляетъ иностранныхъ путешественниковъ,—какимъ образомъ полиціи удается въ полуторамилліонномъ населеніи найти вора, укравшаго кошелекъ, или поджигателя.

Иностранцы не знаютъ, напримѣръ, что всѣ ресторатора, хозяева трактировъ и чайныхъ домиковъ обязаны доводить немедленно по телефону до свѣдѣнія полиціи, если какой нибудь японецъ у нихъ «чрезмѣрно раскутится», т. е. израсходуетъ болѣе десяти рублей въ вечеръ.

Такого субъекта полиція немедленно допрашиваетъ, какъ подозрительную личность. Особый надзоръ учрежденъ за кварталами веселья. Такихъ кварталовъ—четыре. Въ нихъ около 1,000 домовъ. Въ каждомъ домѣ 10—15 несчастныхъ дѣвушекъ, которыя не имѣютъ права выходить изъ квартала въ городъ ни днемъ, ни ночью.

Этихъ несчастныхъ, прикрѣпленныхъ контрактами къ своимъ кварталамъ (расположеннымъ, кстати сказать, вокругъ лечебницы венерическихъ болѣзней), не должно смѣшивать съ гейшами.

Тѣхъ несчастныхъ зовутъ шооги. Ихъ унизительное ремесло не даетъ имъ права называться гейшами.

Гейша—значитъ буквально «дѣва искусства», артистка.

Назначеніе ея—скрашивать будничную сѣрую жизнь японца—пляской, пѣніемъ, музыкой и остроумной бесѣдой.

Чтобы сдѣлаться гейшей, нужно пройти особую школу гейшъ, гдѣ дѣвушекъ развиваютъ въ наукахъ и искусствахъ.

Нужно стать веселой, подвижной, находчивой и занимательной говоруньей, нужно умѣть писать и читать стихи, нужно быть граціозной, хорошо одѣтой, хорошо причесанной, словомъ—нужно умѣть воплощать въ себѣ тѣ качества, которыми искони вѣковъ японскіе писатели надѣляли классическихъ гейшъ.

Тѣ гейши имѣли что-то рыцарское въ душѣ. Онѣ спасали героя, совершали подвиги, дѣлали политику...

И теперь нѣтъ-нѣтъ да и вспыхнетъ подвигъ, совершенный гейшей, и портретъ ея облетитъ всѣ журналы.

За примѣрами ходить не далеко. Теперешняя маркиза Ито была гейшей. Она дважды спасла жизнь маркизу Ито въ самый разгаръ борьбы политическихъ партій, и онъ въ благодарность женился на ней.

Многія гейши кончаютъ выгодной партіей.

Гейши это гетеры древнихъ временъ.

Дѣвушка-японка прежде всего скучна. Приличія требуютъ, чтобы въ присутствіи мужчины она краснѣла и молчала.

Вотъ почему молодой человѣкъ въ Японіи не добивается свиданія съ барышней. Не велико удовольствіе глядѣть на молчаливую куклу съ опущенными глазами, молчаливую даже во время чайной церемоніи.

Вотъ почему половину жизни японецъ проводитъ вдали отъ этой семейной скуки,—у гейшъ.

— Женщина должна быть утѣхой воина!—сказалъ Ницше.

Гейши это поняли, какъ никто.

Онѣ сконцентрировали въ себѣ ту поэзію женскаго обаянія, котораго въ семьѣ японецъ не находитъ.

ВЕЧЕРЪ ПЯТЫЙ.

«Русь» 26 Марта.

Маленькая полемика съ «Новымъ Временемъ». — Мечтанье цифрами. — Китайская и японская медицина.

Вчера Такаки подалъ мнѣ вырѣзку изъ «Новаго Времени».

— Вотъ какъ отдѣлываютъ насъ въ русскихъ газетахъ. Мы съ большимъ интересомъ читаемъ статью г-жи Смирновой «Японцы у себя дома». Видно, что она добросовѣстно подобрала свой матеріалъ. Жаль только, что собирая свои данныя, она ничуть не критикуетъ своихъ источниковъ, и поэтому... поэтому въ статьѣ больше невѣрнаго, чѣмъ серьезнаго... Прослушайте, напримѣръ, такой клочокъ:

«Японскій студентъ работаетъ много, но какъ онъ работаетъ! Онъ слушаетъ лекцій у иностранныхъ профессоровъ и записываетъ ихъ, ничего въ нихъ не понимая. У Дюмолара изъ ста студентовъ, посѣщавшихъ его аудиторію, не было троихъ, которые могли бы говорить по-французски, а лекціи читались на французскомъ языкѣ. Студенты все-таки записывали ихъ, т. е. записывали не знакомые имъ звуки, потомъ къ экзамену заучивали это наизусть и отвѣчали слово въ слово. У нѣмецкихъ и англійскихъ профессоровъ было то же самое. Память у японцевъ феноменальная. Они ее выработали, упражняясь съ дѣтства на заучи-

ваньи китайскихъ знаковъ. Головоломный письменный языкъ ихъ приучаетъ ихъ къ этимъ акробатическимъ упражненіямъ, въ которыхъ они достигли удивительной, непостижимой для европейцевъ ловкости».

Ловкость нужна дѣйствительно большая, но неужели г. Дюмоларъ, французскіе, нѣмецкіе и англійскіе профессора такъ непостижимо просты, что ихъ можно провести этимъ фонетическимъ способомъ! Хороши же и въ Европѣ университеты, если, по словамъ г-жи Смирновой, ихъ профессора способны выдавать, хотя бы и подъ чужимъ небомъ, дипломы попугаямъ!.. Да и мыслимо-ли по-попугайски, не зная языка, вызубрить ту массу лекцій, которую записалъ и прослушалъ японецъ. Нѣтъ, въ чемъ другомъ можно упрекнуть насъ, но только не въ незнаніи языковъ тѣхъ странъ, куда мы ѣдемъ. Англійскій языкъ—обязателенъ въ гимназіи. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ обязателенъ и еще по выбору французскій или нѣмецкій языкъ. Много нашихъ видныхъ государственныхъ людей женаты на нѣмкахъ (—учились въ Германіи, тамъ и женились), въ ихъ домѣ дѣти съ малыхъ лѣтъ говорятъ по-нѣмецки. Въ газетахъ то и дѣло видишь объявленія учителей и учительницъ нѣмецкаго, французскаго, англійскаго и даже русскаго языка... Правда, намъ трудно изучать грамматику, но хорошая память позволяетъ заучивать быстро лексическій матеріалъ... Русскій языкъ считается самымъ труднымъ изъ европейскихъ языковъ, а между тѣмъ вотъ передъ вами японецъ, который всего полтора года въ Россіи...

И Такаки показалъ на Сараторп.

Послѣдній настолько порядочно говоритъ и пишетъ по-русски, что положительно не вѣрится, что это сдѣлано въ полтора года.

— Но вернемся къ г-жѣ Смирновой. Она уже въ самомъ началѣ своей статьи дѣлаетъ непростительно грубую ошибку:

«До появленія европейцевъ они не знали слова милліонъ. У нихъ было китайское слово «манъ», обозначавшее одинаково и десятокъ тысячъ, и несмѣтное число. Манъ это былъ предѣлъ, дальше котораго ихъ счетъ не шелъ. И вдругъ пришли европейцы и стали считать на милліоны. Въ странѣ, гдѣ все носитъ миніатюрные размѣры, гдѣ маленькіе домики стоятъ въ крошечныхъ садикахъ съ карликовыми деревьями, гдѣ маленькаго роста люди, вмѣсто стѣнъ, отгораживаютъ себя ширмочками, милліонъ долженъ былъ внести страшный переполохъ».

— Это конечно только фразы для того, чтобы выяснить, какъ некультуренъ былъ нашъ народъ... Европейцы пришли къ намъ только тридцать лѣтъ тому назадъ и до тѣхъ поръ, по увѣренію г-жи Смирновой, въ ариѳметикѣ мы были не искуснѣе папуасовъ. Это глубокое заблужденіе! Вѣдь до европейскаго у насъ было китайское образованіе, а его въ чемъ угодно можно упрекнуть только не въ неумѣніи считать. У насъ школьникъ- искони вѣковъ умѣетъ считать до такихъ предѣловъ, которые практическаго примѣненія, иначе какъ въ богословіи да философіи, и имѣть не могутъ... Искони вѣковъ школьникъ знаетъ, что 1.000,000—хякуманъ, 10,000,000—семь манъ, 100.000,000—ити оку, 1.000.000,000—итчо, 10.000.000,000—иккіо... дальше идетъ итти гай и т. д., и до безконечности еще далеко. Мало того, у китайцевъ (и слѣдовательно у насъ) понятія о безконечности перваго порядка, второго порядка, существовали раньше, чѣмъ оно появилось въ еврепейской высшей математикѣ. Любой школьникъ вамъ отвѣтитъ и отвѣтилъ бы сотни лѣтъ тому назадъ, что 0,1,—фун; 0,01—лонъ; 0,001—мо; 0,000001—би и т. д. санъ, ша, цзенъ... чуть не до минусъ безконечности включительно...

Японца можно было бы упрекнуть въ противоположной крайности, что онъ слишкомъ увлекается игрою большихъ чиселъ... Онъ любитъ математику... Вотъ почему мы такъ искусны въ прикладныхъ наукахъ...

Въ странѣ, гдѣ все миніатюрно, японецъ, если можно такъ выразиться, мечтаетъ цифрами.

— Мы привели двѣ типичныхъ напраслины г-жи Смирновой... А не типичныхъ тутъ сколько угодно... Г-жа Смирнова тщательно выбрала все, чѣмъ Японія еще диссонируетъ съ европейской культурой. Какъ большинство русскихъ писателей, она подчеркиваетъ эти диссонансы, между тѣмъ въ Японіи найдутся и свои созвучія съ прогрессомъ науки и мирной культуры Европы.

Такъ же, какъ военное искусство, по свидѣтельству самыхъ компетентныхъ источниковъ, шагнула и медицина.

На дняхъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ русскимъ докторомъ Ланге, видѣвшимъ въ прошломъ году японскія больницы. Онъ увѣряетъ, что по чистотѣ и приспособленности къ самымъ строгимъ требованіямъ науки токійскія больницы превосходятъ во многихъ отношеніяхъ... петербургскія. Особенно развита у японцевъ хирургія.

Японскіе хирурги за послѣднее время обогатили медицинскую литературу міра нѣсколькими замѣчательными операціями...

Теперь во время войны чрезвычайно интересно услышать объ этомъ.

Всѣ мы знаемъ, что въ Японіи есть свой Красный Крестъ. Но всѣ мы должны знать, что въ этомъ учрежденіи русскаго раненаго будутъ лечить не по правиламъ китайской медицины.

Китайская медицина, господствовавшая въ Японіи еще 30 лѣтъ тому назадъ, врядъ ли принесла бы пользу европейцу.

Надо быть китайцемъ, чтобы вѣрить въ китайскаго доктора, лечащаго по книгѣ «минъ-и», т. е. «Свѣтъ врачеванія».

Насколько нелѣпой является медицинская теорія, изложенная въ этомъ самомъ авторитетномъ и распространенномъ сочиненіи, покажетъ хотя бы слѣдующій отрывокъ изъ него:

«Человѣкъ имѣетъ въ себѣ пять членовъ, или управителей: сердце, легкое, печень, селезенку и почки.

Сіи члены любятъ вкусы: сердце—горькій, легкое—пряный, печень—кислый, почки—соленый.

Не любятъ: сердце—жира, легкое—стужи, селезенка—сырости, почки—сухости.

Утруждаемы бываютъ: сердце—излишнимъ смотрѣніемъ, портится кровью духъ; легкое—излишнимъ лежаньемъ, слабѣетъ и тратится духъ; селезенка—излишнимъ сидѣньемъ, слабѣетъ тѣло и тратится аппетитъ; почки—излишнимъ стояніемъ, слабѣютъ кости и портится кровь; печень—излишнимъ хожденіемъ, слабѣютъ сухія жилы и тратится жизненный сокъ.

Страждутъ: печень—отъ частыхъ вымышленій, оказывается слабость въ сухихъ жилахъ; сердце—отъ завязчивыхъ и хитросплетенныхъ мудрствованій, оказывается слабость въ кровяныхъ жилахъ; селезенка—отъ частыхъ задумчивостй, оказывается слабость въ тѣлѣ; легкое—отъ многихъ заботъ и попеченій, оказывается слабость въ духѣ; почки—отъ чрезмѣрныхъ строгостей, уваженій, наблюденій, оказывается слабость въ костяхъ».

Все это еще недавно примѣнялось къ леченію больныхъ въ Японіи, и вмѣсто всего этого теперь европейски обставленныя больницы и клиники, не только устроенныя, но и прогрессирующія собственными силами.

Я нарочно привелъ свидѣтельство о японскихъ больницахъ не изъ устъ Саратори или Такаки, которые, во-первыхъ, петербургскихъ больницъ не видали, во вторыхъ, могутъ быть заподозрѣны въ пристрастіи, а изъ устъ русскаго доктора, который только годъ тому назадъ былъ въ Японіи и на дняхъ уѣхалъ на Дальній Востокъ.

ВЕЧЕРЪ ШЕСТОЙ.

«Русь» 27 Марта.

Настроеніе умовъ. — Японо-Китайская реклама. — Завѣтъ Петра Великаго. — Вопросъ жизни и смерти. — Духъ Японіи. — Пословицы и изреченія.

Чтобы очертить настроеніе умовъ въ Японіи, мои собесѣдники привели мнѣніе одного изъ самыхъ вліятельныхъ и здравомыслящихъ съ японской точки зрѣнія журналиста, сотрудника «Хейзанъ-Засси» («Политическая Экономія»), Мочидзука.

«Японія существуетъ уже двѣ тысячи пятьсотъ шестьдесятъ четыре года! Но, между тѣмъ, эта старинная страна даже за послѣднія десять лѣтъ была совершенно никому неизвѣстна. Она считалась страною, въ которой только рѣзвятся съ гейшами, да устраиваютъ надъ собою «Харакири». Въ 1894 г. на небѣ Восточной Азіи блеснула молнія войны между двумя старинными странами—Китаемъ и Японіей. Благодаря этому огненному крещенію войны, Японія заявила о своемъ существованіи всему міру.

«Для чего же она истратила такую сумму на объявленіе о своемъ существованіи?

«Платежъ за рекламу Японо-Китайской войны, обошелся намъ страшно дорого, числу различныхъ налоговъ конца нѣтъ! Но эта же реклама привела насъ къ блестящему англо-японскому союзу. Неужели мы, въ числѣ сорока-пяти милліоновъ братьевъ, при наличности этого союза можемъ допустить сѣверное могущество, посягающее на тѣ имперіи, ради которыхъ онъ составился?

«Мы, какъ нація, увеличивающаяся съ каждымъ годомъ, имѣемъ полное право существовать на земномъ шарѣ и совершенно готовы участвовать въ вихрѣ всемірной жизни».

Японскаго политико-эконома особенно тревожитъ ростъ Россіи за послѣднія 50 лѣтъ: съ 36.000,000 человѣкъ до 129,000,000.

«Если бы такой ростъ населенія былъ причиною естественнаго увеличенія, то мы приняли бы и его спокойно, смотря на Россію, лишь какъ на спутника по жизненному пути. Но, къ великому сожалѣнію, такое увеличеніе населенія въ Россіи происходитъ отъ

присоединенія къ ней территорій слабыхъ странъ. Такое увеличеніе можетъ не играть роли въ развитіи нашей расы. Море всегда управляетъ сушею (исключенія только Суэцъ, Гибралтаръ, и Панама). Россія, не имѣющая хорошаго моря, всячески старается овладѣть какой-либо землей, омывающейся водами океана. Таковъ исконный завѣтъ русскихъ для развитія славянской расы. Гдѣ оно, это море? Нигдѣ его нѣтъ у Россіи, кромѣ Желтаго и Японскаго морей».

Мочидзука вполнѣ понимаетъ это стремленіи Россіи и «вовсе не порицаетъ ея поведенія», но считаетъ что оно тѣмъ не менѣе недопустимо:

«Намъ нельзя ждать до тѣхъ поръ, пока Корея превратится во вторую Манчжурію, и мы не должны удовольствоваться пресловутыми обѣщаніями Россіи по поводу корейскаго вопроса. Такія обѣщанія она неоднократно уже давала намъ. Послѣ заключенія такого договора, Россія непремѣнно будетъ требовать у корейскаго правительства стратегической станціи на южномъ берегу Кореи,—въ этомъ нельзя сомнѣваться. Не забывайте, что послѣ укрѣпленія базы въ Манчжуріи второй ударъ сѣвернаго гиганта будетъ направленъ на голову Корейской имперіи. Въ концѣ концовъ кто изъ насъ двоихъ—Россія или Японія—сможетъ овладѣть Кореей, тотъ и будетъ владыкой Азіи, *а кто потеряетъ владычество Кореей, тотъ погибнетъ*».

Видный политическій дѣятель М. Кояма доказываетъ въ «Солнцѣ», что Корея—для Японіи—«вопросъ жизни и смерти», что, «укрѣпляя южный берегъ Кореи, Россія непосредственно угрожаетъ оборонѣ острова (Тсусима), почему владычество «надъ Азіятскимъ моремъ» всецѣло перейдетъ Россіи. А это—смерть Японіи».

Передовикъ «Дзи-Дзи» напоминаетъ всѣмъ знакомымъ съ русской исторіей, что «движеніе Россіи на Востокъ есть исполненіе завѣтовъ Петра Великаго. Но для насъ оно недопустимо, смертельно» что «нельзя терять времени, пока мы занимаемъ болѣе выгодное стратегическое положеніе, чѣмъ Россія», что «весь народъ готовъ на всякія жертвы войны»...

Такъ пишутъ наиболѣе благоразумные журналисты.

Какъ пишутъ наиболѣе неблагоразумные, судите сами.

Между ними есть и такіе, которые дописались до того, что микадо суждено играть роль Наполеона, «съ тою разницей, что, повторивъ его побѣды, онъ не повторитъ его ошибокъ и не отступитъ отъ стѣнъ пылающаго Петербурга».

Но, какъ бы то ни было, и наиболѣе, благоразумные и наименѣе благоразумные всѣ журналисты въ одинъ голосъ считаютъ войну съ Россіей *отечественной войной*, т. е. войной, отъ исхода которой зависитъ судьба Японіи.

Газеты думаютъ, что онѣ сумѣли это доказать народу и вызвать у него такой подъемъ духа, котораго не было и тѣни въ войнѣ съ Китаемъ.

Но такъ ли это?

Что такое народный духъ Японіи?

— Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ,—отвѣчалъ Сиратори,—слѣдуетъ уйти отъ настоящаго времени... Духъ народа—въ прошломъ. Чтобы его постичь, нужно познакомиться съ исторіей, былинами легендами, искусствомъ Японіи, то есть со всѣмъ тѣмъ, съ чѣмъ Европа даже по наслышкѣ не знакома.

Я познакомился съ этимъ и увидалъ, что духъ Японіи это духъ мирнаго, терпѣливаго народа прежде всего, хотя конечно не нужно забывать и того, что нынѣшнее время для него есть время не только политическаго но и духовнаго кризиса, когда черты народнаго характера могутъ быть обстоятельствами времени искажены до каррикатуры.

Я говорю о знакомствѣ съ духомъ японскаго *народа*, а не съ духомъ японской интеллигенціи. Міровоззрѣніе простолюдина, жителя деревни, конечно, существенно разнится отъ міровоззрѣнія жителя Токіо, пульсъ общественной жизни котораго бьется такъ лихорадочно.

Въ чемъ же сказывается это міровоззрѣніе?

Прежде всего въ пословицахъ и поговоркахъ. Многія изъ нихъ перешли изъ Китая, насчитываютъ двухтысячелѣтнюю давность, но живы въ устахъ японскаго народа, какъ будто бы созданы только вчера. Но есть, конечно, и много отмершихъ, отжившихъ пословицъ.

Ихъ мы не тронемъ. А изъ наиболѣе употребительныхъ приведемъ слѣдующія:

«Судно, на которомъ много капитановъ, разбивается о скалы».

«Живя въ мирѣ, помни о войнѣ».

«Излишество то же, что недостатокъ».

«Бѣднѣешь—глупѣешь».

«Лучше быть клювомъ пѣтуха, чѣмъ хвостомъ быка».

«Лягушка, сидя въ колодцѣ, не знаетъ океана».

«Ненавидишь бондзу—ненавидишь и ризу его».

«Спросить—минутный стыдъ, а не знать—вѣчный стыдъ».

«Если не войдешь въ берлогу тигра, не поймаешь тигренка».

«Хорошее лекарство—горько».

«Родить дѣтей легче, чѣмъ думаютъ (—не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ»).

«Со смиреннымъ лицомъ занимаешь, съ угрюмымъ возвращаешь».

«Опытная кошка не показываетъ мышамъ своихъ когтей».

«Нельзя одержать верхъ надъ плачущимъ ребенкомъ и надъ начальникомъ».

«Если у тебя есть хоть три фунта отрубей, не иди въ пріемыши (т. е. будь самостоятеленъ)».

«Какъ только прошла черезъ горло горячая пища, ея жаръ забывается».

«И обезьяна падаетъ съ дерева».

«Насчетъ денегъ всѣ люди чужіе».

«Ученый, который пахнетъ ученымъ, не настоящій ученый».

«У основанія маяка всегда темнота».

«Сердце женщины измѣряется деньгами».

«И у стѣнъ есть уши, и у камней языкъ».

«Драгоцѣнный камень не блеститъ, если его не полировать».

«Не поклонишься—не подымешься (т. е. не выйдешь въ люди».

«Если переполнится, станетъ убавляться (т. е. знай мѣру)».

«Рука достанетъ до того мѣста, гдѣ чешется».

«Не бей щеку пирожками (т. е. не объѣдайся до потери вкусового ощущенія, до механическаго набиванія живота)».

«Не ударяй кусты—вызовешь змѣй».

Нѣтъ въ Японіи мальчика, который не распѣвалъ бы переложенныхъ въ стихи афоризмовъ великаго Шогуна Токугавы:

«Жизнь человѣка подобна движенію съ тяжелой ношей въ дальній путь: нельзя торопиться.

Если будешь считать бѣдность дѣломъ обыкновеннымъ, не будешь чувствовать ни въ чемъ недостатка.

Если явится у тебя прихоть, вспомни время, когда ты былъ еще бѣднѣе, чѣмъ теперь.

Терпѣніе—основаніе продолжительной и спокойной жизни.

Считай гнѣвъ своимъ врагомъ.

Если знаешь только побѣды, не испытавъ пораженій, ожидай бѣды.

Порицай себя, будь снисходительнымъ къ другимъ.

Знай во всѣмъ мѣру: недостатокъ лучше излишества».

Этотъ символъ вѣры, символъ жизни японецъ узнаетъ на разсвѣтѣ жизни. Его же повторяютъ уста простолюдина всю жизнь... Его твердятъ и на закатѣ жизни...

Въ это изреченіе—нехитрое, но безусловно нравственное даже съ нашей точки зрѣнія—выкристаллизовалась мудрость японскаго народа.

Саратори и Такаки напереводили мнѣ чрезвычайно много однородныхъ съ вышеприведенными пословицъ. Я привелъ лишь наиболѣе удачныя и характерныя.

Частая повторяемость въ нихъ однихъ и тѣхъ же темъ даетъ возможность заключить, что ихъ идеи лежатъ въ духѣ японскаго народа, и даетъ возможность дѣлать выводы.

Среди массы симпатичныхъ пословицъ-сентенцій находишь и грубыя, черствыя («бѣднѣешь, глупѣешь» и т. п.), но всѣ онѣ объяснимы условіями быта японскаго крестьянина.

Многія пословицы твердятъ о терпѣніи, о развращающемъ вліяніи излишества, о довольствѣ самымъ малымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о свободолюбіи.

Не о рабствѣ китайскаго кули говоритъ пословица о «трехъ фунтахъ отрубей», о «клювѣ пѣтуха» и др.

Много пословицъ говоритъ о любознательности японскаго простолюдина. Но пословицу: «спросить—минутный стыдъ, а не знать—вѣчный», нельзя не признать чрезвычайно характерной и для современнаго интеллигентнаго японца.

Мы привыкли считать, что хитрость, коварство, злопамятство—основныя черты японскаго простолюдина.

А между тѣмъ народная мудрость въ массѣ аналогичныхъ пословицъ гласитъ: Считай гнѣвъ своимъ врагомъ, будь снисходительнымъ къ другимъ.

Это дипломаты хитры, коварны, злопамятны, а народъ въ общемъ простъ и добродушенъ.

Правда, безконечныя, междусобныя войны феодаловъ должны-были выработать и изъ простого народа до нѣкоторой степени «дипломатовъ». И мы находимъ дѣйствительно нѣсколько дипломатическихъ пословицъ: о когтяхъ умной кошки, о мѣстѣ, которое чешется, о поклонахъ какъ ступенькахъ къ возвышенію, о ненависти къ ризѣ бондзы, а главное о томъ, что, живя въ мирѣ, нужно помнить о войнѣ.

Но общее впечатлѣніе о народѣ по пословицамъ все же получается симпатичное.

Сказки, былины и легенды раскрываютъ передъ нами духъ народа съ другой стороны: любовью къ родинѣ, рыцарствомъ (вѣрнѣе—самурайствомъ), а главное, что для насъ совсѣмъ неожиданно, сантиментальною, слегка философствующею поэзіею вѣетъ отъ нихъ.

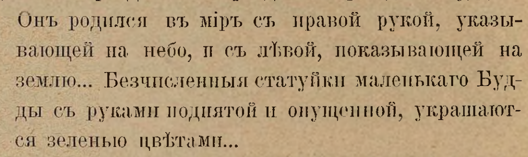
ВЕЧЕРЪ СЕДЬМОЙ.

Русь» 28 Марта.

Праздниковъ праздникъ. — «Вишневый садъ». — Рожденіе Будды. — Новый годъ. — Подарки. — Визиты. — Игра въ стихи. — Турниръ поэтовъ. — Изъ новогоднихъ номеровъ.

— У насъ, Сираторп-Санъ, праздниковъ праздникъ...

— Да... И вотъ на всѣхъ афишныхъ столбахъ висятъ объявленія о «Вишневомъ садѣ»... И у насъ на родинѣ теперь большой праздникъ,—вишни зацвѣли... Праздниковъ праздникъ—рожденіе Будды... Онъ родился въ міръ съ правой рукой, указывающей на небо, и съ лѣвой, показывающей на землю... Безчисленныя статуйки маленькаго Будды съ руками поднятой и опущенной, украшаются зеленью цвѣтами...

— А вы о чемъ задумались Такаки-Санъ?

— Тоже о вишневомъ садѣ взгрустнулось...

— Ну у васъ, господа, тутъ явное недоразумѣніе. Между нашимъ праздникомъ празниковъ и «Вишневымъ садомъ» нѣтъ никакой внутренней связи. Простое совпаденіе... «Вишневый садъ»—это новая пьеса Чехова...

— Непремѣнно, ее надо перевести на японскій языкъ!—воскликнули въ одинъ голосъ мои гости,—ужъ одно заглавіе будетъ имѣть колоссальный успѣхъ... Вишня—національный цвѣтокъ, нашъ любимый символъ молодости, возрожденія, восходящаго солнца... Наша эмблема юной свѣжей красоты... Но неужели пьеса Чехова дышетъ молодостью, свѣжестью, весною?..

— «Вишневый садъ» не дышетъ весною... Это—осенняя пьеса, поэзія грусти, цвѣтовъ, которые осыпаются, вишенъ, которыя вырубаются...

— Все равно нужно перевести эту пьесу... Быть можетъ «Виш-

невый садъ» будетъ тѣмъ же для Чехова, чѣмъ «Мѣщане» для Горькаго, то есть пьесой, наиболѣе понятной для японца, пьесой, двинувшей назрѣвшій вопросъ...

— Но какъ бы то ни было у насъ господа, праздниковъ праздникъ. Разскажите, какъ проводится вами праздниковъ праздникъ.

— У насъ два главныхъ праздника въ году. Духовный праздниковъ праздникъ это, какъ я уже сказалъ—рожденіе Будды, свѣтскій—рожденіе новаго года... Современная Японія страна свѣтская по преимуществу, поэтому неудивительно, что въ городахъ популярнѣе новый годъ, чѣмъ праздникъ Будды. Въ день рожденія послѣдняго, храмы наполняются преимущественно дѣтьми, которые еще достаточно наивны, чтобы вѣрить въ буддійскія сказки, и стариками, которые уже достаточно наивны для этого... Будда помѣщенъ посрединѣ большого бассейна, наполненнаго сладкимъ чаемъ. Посредствомъ погруженія статуйки въ чай происходитъ освященіе чая... Молельщики, присутствующіе при чаесвятіи черпаютъ маленькими чашечками святой чай и разносятъ его по домамъ... Раньше все населеніе города, бывало, высыпаетъ изъ церквей на улицу бережно, благоговѣйно разнося домой драгоцѣнный напитокъ, обладающій цѣлебною силою... Теперь,—годъ отъ году хуже,—населеніе предпочитаетъ проводить время въ цвѣтущемъ вишневомъ саду и встрѣчать настоящую весну а не ея глиняный символъ,—новорожденнаго Будду...

Другое дѣло новый годъ. Вотъ это для всей страны—праздниковъ праздникъ. Дней за пять шесть до новаго года обыватели погружены въ хлопоты. Непремѣнно каждому нужно вспомнить всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ и послать имъ новогодніе подарки.

Не думайте, что эти подарки такъ безцѣльны и нелѣпы, какъ въ Европѣ, гдѣ дарятся никому ненужныя бездѣлушки да конфекты. Нѣтъ, японецъ даритъ преимущественно закуски и кушанья, которыми въ новый годъ можно угощать знакомыхъ. Не брезгуютъ ни соленой кетой, ни сахарнымъ пескомъ, ни чаемъ... Кто чѣмъ богатъ, тотъ тѣмъ и дѣлится со своими знакомыми, но за то ото всѣхъ своихъ знакомыхъ получаетъ тоже подарки.

Такимъ образомъ наканунѣ Новаго года всѣ обыватели Токіо обмѣниваются съѣстными припасами, закусками и винами. Происходитъ перераспредѣленіе цѣнностей, которое иногда принимаетъ и нежелательныя формы.

Напримѣръ, вамъ можетъ такъ не повезти, что всѣ ваши зна-

комые, точно сговорившись, принесутъ вамъ сахарнаго песку или одной только соленой кеты!..

У васъ получится запасъ сахару или кеты, достаточный для того, чтобы открыть лавочку, но у васъ не будетъ чѣмъ угостить въ новый годъ визитеровъ.

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ объяснять гостямъ:

— Не обезсудьте, господа! По странной игрѣ судьбы, у меня въ этомъ году, по милости знакомыхъ, ничего кромѣ кеты и сахару, нѣтъ...

Особенно деликатнымъ является вопросъ, что послать въ подарокъ начальнику.

Нужно и свое достоинство соблюсти, т. е. послать вещь, которая свидѣтельствовала бы о вкусѣ, уваженіи, благорасположеніи подчиненнаго.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно соблюсти достоинство начальника,— т. е. послать вещь, которая была бы не слишкомъ цѣнной, чтобы дѣло не походило на *взятку*.

Взяточничество—смертный грѣхъ. Насколько оно развито въ Китаѣ и Кореѣ, настолько оно искоренено теперешнимъ микадо въ Японіи.

Да, деликатная, головоломная задача выбрать подарокъ начальнику. Многихъ безсонныхъ ночей стоитъ это подчиненнымъ. Нѣкоторые даже хвораютъ отъ этого.

Уже канунъ новаго года—Омисака—считается праздникомъ, но праздникомъ дѣла, а не бездѣлья.

Всѣ магазины отперты и торгуютъ до 12 часовъ ночи. Вездѣ вывѣшены фонари съ гербами, передъ домами натыканы вѣчно-зеленыя сосны и бамбуки.

Между деревьями, этими символами вѣчной жизни, протянулись веревки съ разноцвѣтными бумажками.

Раньше эти бумажки нужны были для того, чтобы пугать злого духа Акума, а теперь они—просто украшеніе.

Улицы переполнены, оживлены. Все спѣшитъ, хлопочетъ, торопится. Еще бы, вѣдь по обычаю, къ новому году нужно успѣть покончить всѣ старые счеты.

Спѣшите прикупить закусокъ и вина, если полученныя отъ знакомыхъ подарки страдаютъ неполнотой или односторонностью.

Спѣшите купить подарки для визитовъ,—бездѣлушки, objects d'art которыя визитеры оставляютъ на память вмѣстѣ съ карточкой.

Тутъ вѣера, карточки, почтовая бумага, открытыя письма, сушеные листочки морской капусты (деликатессное лакомство) и т. п.

Къ 12 часамъ всѣ лавки и магазины заперты. Всѣ торопятся домой. На улицахъ только мальчишки бѣгаютъ, кричатъ „съ новымъ годомъ!“, ломаютъ сосновыя вѣтки и размахивая ими, отгоняютъ Акума.

А взрослые уже дома. Хорошо встрѣчать новый годъ на постели, въ теплѣ, безъ тревогъ,—такъ и весь новый годъ проживется.

Въ полночь съ колоколенъ прозвучитъ 108 ударовъ колокола,—буддійское мистическое число.

Въ два часа ночи, въ предразсвѣтной прохладѣ, молодой человѣкъ, выбранный наканунѣ по жребію цѣлымъ кружкомъ сосѣдей и знакомыхъ, идетъ за водой за городъ,—за свѣжей новогодней водой, которая обладаетъ животворящими свойствами.

Въ награду за исполненіе этой почетной миссіи молодой человѣкъ получаетъ подарки со всего околодка и дѣлается героемъ новогодняго дня.

Утромъ вся семья собирается кушать новогодній куличъ изъ рисовой муки—моти, похлебку изъ свѣжей зелени и пить мадеру, въ которую для аромата опущены мѣшечки съ пряностями.

Начинаетъ пить мадеру самый младшій членъ семьи, и всѣ поздравляютъ его съ новымъ годомъ. Затѣмъ по старшинству рюмка переходитъ ко всѣмъ членамъ семьи до самаго старшаго.

Затѣмъ накрывается новогодній столъ для визитеровъ. Мужчины ѣдутъ—кто во фракахъ, кто въ сюртукахъ, но чаще всего въ роскошныхъ шелковыхъ гербовыхъ халатахъ (вышиты шелками и золотомъ гербы владѣльца на спинѣ, груди и рукавахъ). Дамы—принимаютъ визитеровъ и угощаютъ своихъ гостей французскими и американскими винами.

Это единственный праздникъ, когда позволяется женщинамъ и мужчинамъ видѣться, разговаривать, ухаживать, смѣяться, шутить другъ съ другомъ.

Жизнь японки — житіе отлученной отъ общества и его интересовъ. Мужчины видятъ ее только за чайной церемоніей, гдѣ она представляетъ изъ себя какую-то заведенную тысячелѣтнимъ этикетомъ куклу.

Она улыбается, кланяется, присѣдаетъ, наливаетъ воду, завариваетъ зеленый чай, взбалтываетъ его палочкой до пѣны,—и все это дѣлаетъ по указанному тысячу лѣтъ тому назадъ ритуалу.

Эмансипація дѣлаетъ первые шаги. И первый шагъ японской дѣвушки—на телефонъ.

Въ Токіо уже появились телефонныя барышни, надъ которыми юмористы трунятъ неустанно.

Итакъ, въ новый годъ, почти во весь первый мѣсяцъ новаго года молодые люди и дѣвушки имѣютъ право видѣться и играть вмѣстѣ.

И любимая игра молодости—въ стихи.

Въ Японіи есть чрезвычайно популярный сборникъ сотни лучшихъ стихотвореній въ 31 слово, ста лучшихъ японскихъ поэтовъ.

Эти шедевры корифеевъ всѣ говорятъ о радостяхъ и горестяхъ любви, и ихъ наизусть знаетъ каждый японецъ.

Каждый стихъ разбитъ на двѣ части, напримѣръ:

«1) Я страдаю. Никто не знаетъ причины моей грусти. Намокшіе отъ слезъ рукава мои никогда не высохнутъ.

«2) Скалы моря сохнутъ во время отлива».

Или:

«1) Я пришелъ увидаться съ тобой и сказать тебѣ, моя милая какъ томитъ меня одиночество.

«2) Я пришелъ, чтобы посочувствовать тебѣ... Я вѣдь знаю, что и ты страдаешь тѣмъ же, чѣмъ и я»...

Или:

«1) Всѣ надоѣли мнѣ съ вопросами, отчего я такъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ и осунулся.

«2) Не знаешь ли ты, какая тайна измучила меня, какая печаль измѣнила мое прежде красивое лицо?»

Или:

«1) Красавица, еще вчера я молилъ Бога, чтобы послалъ мнѣ скорую смерть и прервалъ безцѣльную, сѣрую жизнь.

«2) А сегодня я молю Бога, о красавица, чтобы онъ послалъ мнѣ долгую, долгую жизнь. Безконечную жизнь съ тобой. Милая моя, я—твой».

Начало каждаго стихотворенія напечатано на одной карточкѣ, конецъ—на другой. Такимъ образомъ въ игрѣ—200 карточекъ.

Карточки съ началами раздаются играющимъ дѣвушкамъ и мо-

лодымъ людямъ, а карточки съ концами стиховъ разбрасываются по полу комнаты.

Всѣ играющіе бросаются по знаку на поль и начинають отыскивать концы къ своимъ началамъ. Смѣхъ. Непринужденныя столкновенія между барышнями и кавалерами. Остроты. Споры.

Полуслова. Полунамеки. Встрѣча взглядовъ и рукопожатій... И у всѣхъ на устахъ любимые стихи любимыхъ поэтовъ, шедевры, достигающіе по изяществу и лаконизму прелести страничекъ изъ «Книги пѣсенъ» Гейне...

Кто первый собралъ всѣ концы, тотъ и выигралъ. Но не въ выигрышѣ дѣло. Играютъ не для того, чтобы выиграть а для того чтобы играть.

Это jeu d'esprit.

Если вы хотите веселья, одного только чистаго, непринужденнаго веселья,—вы соединяете не тѣ начала не съ тѣми концами. Вы комбинируете стихи такъ, что получается что нибудь уморительно смѣшное.

Вы острите, шалите, дурачитесь, смѣетесь и смѣшите другихъ... и благо вамъ будетъ.

Но если вы не поклонникъ чистаго веселья, веселья ради веселья, если вы ищете и въ весельи чего нибудь существеннаго, такъ у васъ есть тысяча способовъ завязать романъ, объясниться въ любви, устроить сцену ревности и т. д. и т. д. съ помощью тѣхъ же пропитанныхъ поэзіей карточекъ...

Среди этихъ игръ, въ веселой суматохѣ шуршащихъ по полу шелковыхъ одѣяній, въ атмосферѣ духовъ, подъ картечью черныхъ глазокъ, при мерцаньи шаловливыхъ улыбокъ, подъ шепотъ стиховъ, подъ всплески поэзіи завязалось начало половины японскихъ браковъ...

А во дворцѣ микадо—тоже журчатъ стихи.

Тамъ въ новый годъ раздаются преміи за лучшее стихотвореніе, написанное на тему, заданную императоромъ.

Каждый годъ объявляется съ высоты престола тема на конкурсъ въ 31 слово.

И со всей имперіи стекаются, журча стихи.

Пишутъ богатые, бѣдные, ученые, неучи, гейши, князья, гимназисты, бонзы, барышни, министры, служанки...

И въ новый годъ объявляются имена счастливыхъ побѣдителей. Читаются съ высоты престола стихи...

Микадо – знатокъ въ искусствѣ. Но особенной покровительницей и знатокомъ ея является нынѣшняя императрица...

И журчатъ, журчатъ стихи...

И каждый изъ десятка тысячъ пославшихъ мечтаетъ, что ему выпадетъ завидная честь быть увѣнчаннымъ лаврами Пиндара...

Вотъ два беллетристическихъ образчика изъ новогоднихъ номеровъ «Тайо» и «Дзи-Дзи».

Весеннія пѣсни.

I.

Я одинъ.

Товарищи моихъ юныхъ игръ и заботъ куда-то разбрелись.

Та, съ которой я клялся вмѣстѣ жить и умереть, покинула меня.

Какою-то новою, совсѣмъ неузнаваемою выглядитъ эта деревушка.

Неужели здѣсь протекли золотые часы моего счастья?

Да. Здѣсь. Я слышу ароматъ весны.

Это распустились вишневые цвѣты.

Расцвѣлъ тотъ самый вишневый садъ, который расцвѣталъ во дни моего счастья.

Тѣми же цвѣтами...

Зачѣмъ это? Неужели онъ обдалъ меня своимъ красивымъ ароматомъ, чтобы еще безжалостнѣе почувствовалъ я, что я—одинъ.

II.

Я исполнилъ твою просьбу, красавица...

Я принесъ тебѣ первые весенніе цвѣты...

Посмотри—на моихъ рукавахъ блестятъ слезы росы...

Первые цвѣты любви всегда наполняютъ очи слезами счастья.

(*«Тайо»*).

Любовь по телефону.

(Весенній разсказъ).

У одного милліонера былъ сынъ, по имени Таро-Санъ. Онъ былъ достаточно образованъ и даже кончилъ музыкальную академію. Тихій и добрый отъ природы, онъ былъ весьма недуренъ собой. По-

слѣднее время Таро казался нездоровымъ и даже, какъ будто, поблѣднѣлъ. Родители, безпокоясь за его здоровье, приглашали нѣсколько разъ доктора, но докторъ не помогъ.

Однажды къ Таро зашелъ его товарищъ Гинъ-Санъ, порядочный шутникъ.

Отецъ Таро встрѣтилъ его привѣтливою рѣчью:

— Смотрю я на васъ, Гинъ-Санъ, какъ вы всегда веселы и здоровы... А полюбуйтесь, что творится съ моимъ сыномъ. Похудѣлъ, поблѣднѣлъ, задумчивъ и грустенъ... просто, не знаю, что съ нимъ и дѣлать! Будьте такъ добры, узнайте какъ нибудь причину его грусти... Я увѣренъ, что онъ никому кромѣ васъ не откроетъ своей тайны.

— Постараюсь сдѣлать, все что могу, чтобы какъ нибудь отблагодарить васъ за всегдашній теплый дружескій пріемъ. Сейчасъ проинтервьюирую его!

Гинъ-Санъ отправился въ кабинетъ товарища. Таро сидѣлъ на диванѣ погруженный въ раздумье. Услыхавъ, что вошелъ Гинъ-Санъ, онъ проговорилъ.

— Ну, Гинъ-Санъ, садитесь.

— О чемъ вы все думаете? Вѣроятно, по обыкновенію тоскуете по той барышнѣ, которая ухаживала за вами тогда... помните... прошлое воскресенье въ саду «Хибія»?

— О нѣтъ, она мнѣ совершенно не нравится.

— Ну, такъ вы, значитъ, скучаете по той, съ которой познакомились въ театрѣ... какая у нея модная прическа... Просто—шикъ!

— Не болтайте глупостей... совсѣмъ не то...

— А что же? Такъ неужели вы влюблены въ эту толстую кормилицу?.. Впрочемъ, у нея такой бюстъ, что хватитъ на двоихъ...

— Отстаньте со своей кормилицей!..

— Ну, кто же васъ погубилъ? монашенка? акушерка? гейша? горничная? кухарка?.. Кто ваша «она»?..

— Кто вамъ сказалъ, что я влюбленъ?!. Вотъ ужъ вторую недѣлю мои глаза не видятъ ни одной особы женскаго пола!..

Да, да, я понялъ... Вы хотите купить какую нибудь модную вещицу, автомобиль, пару рысаковъ или, можетъ быть, даже дрессированную обезьяну?..

— Не острите... Мнѣ не до шутокъ... Я страдаю! Если ужъ на то пошло, я разскажу вамъ все... только не смѣйтесь надо мною и... помогите мнѣ.

— Даю вамъ слово, что не буду смѣяться...

— И никому не откроете мой секретъ?

— Никому въ мірѣ... Постойте, я догадался. Вы хотите получать 20 процентовъ съ выручки отъ продажи церковныхъ свѣчей, угадалъ?.. да?.. У васъ губа не дура!..

— Опять вы начинаете говорить глупости...

— Ну, такъ скорѣе же къ дѣлу, безъ обиняковъ и предисловій. .

— Хоть мнѣ и стыдно сознаться... а вы угадали... я—влюбленъ... но вы начинаете смѣяться... я влюбленъ въ голосъ, который слышу каждый день...

— И что же говоритъ вамъ этотъ голосъ?

— Онъ говоритъ всего два слова: «что угодно»?..

— Да, это смѣшно.

— Вотъ видите... Вамъ смѣшно... а мнѣ... грустно.

— Ну не буду больше... говорите дальше...

— Каждый разъ, какъ я подхожу къ телефону, я слышу нѣжный голосъ, который могу сравнить только съ соловьинымъ пѣніемъ или съ золотымъ колокольчикомъ... При словахъ «что угодно» я вспыхиваю и думаю, какъ былъ бы счастливъ, если бы могъ провести всю свою жизнь съ женщиной, обладающей этимъ голосомъ!.. Я не знаю, что со мной дѣлается... но съ каждымъ днемъ моя страсть все увеличивается... Дѣло дошло до того, что я безъ трепета не могу слышать звонокъ телефона... Я готовъ обнимать и цѣловать этотъ инструментъ...

— Неужели возможно страдать изъ-за такихъ пустяковъ? Чѣмъ портить поцѣлуями ни въ чемъ неповинный аппаратъ, гораздо проще пойти на центральную станцію и расцѣловать ту особу, которая говоритъ вамъ «что угодно» такимъ сводящимъ съ ума голосомъ!..

— Я готовъ жизнью пожертвовать, чтобы познакомиться съ ней и жениться на ней!..

— Бѣдный влюбленный!.. Однако, хоть вы и сильно влюблены въ ея голосъ, все же подумайте: неужели вамъ будетъ безразлично, какое у нея личико, какой характеръ? Въ женщинѣ, если она не гейша голосъ—послѣднее дѣло... А вы у вашей будущей жены ничего не знаете, кромѣ голоса...

— Когда слѣпые сидятъ въ театрѣ, они судятъ о наружности артистовъ по ихъ голосу... Такъ же и я... Я мысленно уже нарисо-

валъ себѣ ея портретъ... Это богиня красоты!.. Познакомьте же, познакомьте меня съ ней!.. Я не знаю, какъ это сдѣлать!.. Я такъ робокъ!.. Помогите мнѣ...

— Хорошо... Пойдемте туда, откуда выходятъ со службы всѣ телефонныя барышни, и тамъ мы ее подождемъ. Барышни, конечно, будутъ разговаривать другъ съ дружкой. Вы хорошенько прислушивайтесь къ ихъ голоскамъ и укажите мнѣ ту, которая произноситъ знакомыя вамъ слова «что угодно!» Закройте глаза и спрячьтесь за мою спину... Какъ услышите «ея» голосъ, толкните меня... Я ее остановлю и поговорю съ нею... Хорошо?

— Пожалуйста, сдѣлайте такъ!..

Таро моментально переодѣлся въ модный шелковый костюмъ.

Утѣшительныя слова Гинъ-Сана и роскошный костюмъ сдѣлали Таро чрезвычайно интереснымъ. Навѣрно, не одна дама заглядится на него.

— Ну, пойдемъ!

Товарищи вышли и направились къ Маруноучи, гдѣ находится центральная станція городского телефона.

Было какъ разъ время окончанія работъ. Изъ воротъ вышло много барышень съ разнообразными прическами; между ними царилъ шумъ и говоръ.

Таро и Гинъ-Санъ съ нетерпѣніемъ слѣдили за всѣми и ожидали героиню, издающую звукъ золотого колокольчика.

— Таро-Санъ, онѣ идутъ... не пропустите ея голоса...

— Да развѣ возможно его пропустить...

Но барышни проходили, а «ея» голоса не было слышно.

— Хорошенько слушайте, потому что онѣ всѣ болтаютъ заразъ... легко можно пропустить. Не открывайте глазъ, спрячьтесь за мою спину... Нѣтъ еще? не слышно?

— Нѣтъ.

— Вотъ еще идетъ цѣлая масса... Слушайте, слушайте...

— Слушаю... но ея не слышу...

Какъ вдругъ Таро вскрикнулъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Вотъ, вотъ она! Скорѣе заговорите съ нею.

— Что вы? Неужели это она?

И Гинъ-Санъ смотрѣлъ на нее во всѣ глаза, не вѣря себѣ. Что это за барышня? Ростъ чуть не саженный, толста, какъ бочка, а лицо лошадиное, да къ тому же еще покрытое рябинами. Волосы

взбиты такъ, что даже смотрѣть страшно. А голосъ, правда, красивъ, какъ музыка.

Она говорила:

— Господа, куда вы такъ спѣшите? подождите меня. Я хотѣла бы сегодня въ театръ пойти.

Гинъ толкнулъ локтемъ Таро и спросилъ:

— Вы увѣрены, что это та самая, которую мы ожидаемъ?

— Да, да... это она!..

Гинъ-Санъ пожалъ плечами:

— Ну, неужели... вотъ странно!..

— Я говорю—да... О, еслибы она сказала еще хотя одно слово!..

И снова прозвучалъ соловьиный голосъ, прозвенѣлъ золотой колокольчикъ:

— Куда вы идете сегодня?

Таро нетерпѣливо толкнулъ товарища въ спину.

— О, солнце! скорѣе, скорѣе!..

— Сейчасъ, сейчасъ... А вѣрнѣе это не она...

— Какія глупости!..

— Таро-Санъ! Знаете ли вы, что она не особенно-то красива?..

Да мнѣ все равно, какая бы она ни была... Я не помню себя, когда слышу этотъ голосъ... Все мое тѣло дрожитъ отъ страсти... Я готовъ расцѣловать вашу спину...

— Ахъ, Боже мой, какъ безобразна эта барышня,—думалъ Гинъ, не рѣшаясь сразу заговорить съ ней.

— Простите, сударыня...

Толстая барышня вопросительно взглянула на Гинъ-Сана и спросила:

— Что угодно?

Таро чуть не упалъ за спиной Гена.

— Да я имѣю къ вамъ одно... порученіе... поэтому и осмѣлился васъ побезпокоить такъ невѣжливо—на улицѣ...

— Что угодно?—повторила она.

— Позвольте васъ спросить, въ какую сторону вы идете?..

— Я? Къ мосту «Канда».

Таро все прячется за спину товарища и продолжаетъ дрожать.

Генъ разспрашиваетъ все въ томъ же духѣ: такъ ему неловко приступить къ главному вопросу. Но вотъ онъ собрался съ духомъ:

— Извините, мнѣ немного неудобно... Одинъ юноша, вотъ ко-

торый стоитъ за моей спиной,—мой хорошій знакомый... сынъ извѣстнаго богача, желаетъ съ вами познакомиться... Вашъ голосъ «что угодно»... свелъ его съ ума... Ему угодно... впрочемъ онъ самъ скажетъ, что ему угодно...

— Что вы шутите? Вы не смѣете меня обижать! Это наша обязанность говорить «что угодно» каждому, кто позвонитъ...

— Пожалуйста, не сердитесь... Клянусь вамъ, что этотъ молодой человѣкъ, услышавъ по телефону ваше «что угодно», сразу влюбился въ вашъ соловьиный голосъ, и теперь такъ страдаетъ... Спасите его...

— Что за глупости?

Таро-Санъ снова толкаетъ за спиною Генъ-Сана и шепчетъ:

— Мнѣ страшно нравится, какъ она съ тобой споритъ и сердится... и опять таки этимъ милымъ голоскомъ...

— Вотъ поглядите, онъ прямо готовъ пожертвовать вамъ свою жизнь... Отъ волненья онъ исковырялъ мнѣ всю спину, а вы такъ жестоки... не обращаете на него даже вниманія. Если вы еще никому не обѣщали своей руки, примите его предложеніе... Я, конечно, нахожу слишкомъ неудобнымъ говорить о такихъ серьезныхъ вещахъ на улицѣ. Но если вы согласитесь на мою просьбу, я немедленно пойду къ его родителямъ, и мы все устроимъ до завтрашняго дня... За средства для свадьбы не безпокойтесь: мы все, все приготовимъ сами. Согласитесь-же ради Бога... сжальтесь надъ несчастнымъ...

— Такъ, значитъ онъ серьезно хочетъ жениться на мнѣ?

— Онъ увѣряетъ, что у него нѣтъ больше никакого утѣшенія на свѣтѣ кромѣ васъ.

— Такого согласія я не могу вамъ дать безъ разрѣшенія родителей... Но, во всякомъ случаѣ, я хочу его видѣть, гдѣ же онъ?

— Да онъ страшно стѣсняется и все время прячется за мной. Вотъ онъ, этотъ господинъ...

— Но, все-таки, очень невѣжливо предлагать такую вещь при первой встрѣчѣ, да еще по дорогѣ... Я живу у родителей на Большомъ проспектѣ, № 86... Если хотите приходите къ намъ хоть сегодня и поговорите съ ними..,

— Благодарю васъ... а вы лично не будете ничего имѣть противъ моей просьбы?

— Это еще неизвѣстно... Я подумаю... погляжу.

— Таро-Санъ! Выходите-же наконецъ.

Таро-Санъ стоялъ съ низко опущенной головой.

— Ну, Таро, теперь вы сами смотрите на барышню и просите ее за себя...

Но едва лишь Таро открылъ глаза и взглянулъ на свою избранницу, какъ положительно испугался ея физіономіи.

— Вотъ рожа-то!—шепнулъ онъ пріятелю:—бѣжимъ отсюда.

— Таро-Санъ, теперь поздно!.. Вы сказали мнѣ, что вамъ безразлично, какова бы ни была ея наружность...

— Я понимаю, что вамъ неудобно... но... я не могу... это ужасъ! Страшно даже смотрѣть на нее!..

— Подумайте, что же мнѣ дѣлать? Какое бы чудовище она изъ себя ни представляла, все таки она женщина, да еще молодая,—барышня... Она, конечно, не въ состояніи была устоять при видѣ такого красавца, какъ вы.

И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего удивительнаго, что барышня съ перваго взгляда почувствовала влеченіе къ прекрасному юношѣ. Она густо покраснѣла и ея рябое лицо сдѣлалось еще некрасивѣе. Она достала изъ-за пояса карманное зеркальце и начала прихорашиваться. Потомъ, подойдя застѣнчиво къ дрожащему отъ испуга молодому человѣку, она долго любовалась имъ и, наконецъ заговорила.

— Послушайте, господинъ...

— . . . .

— Послушайте, господинъ...

— Таро-Санъ, отвѣчайте же,—проговорилъ Генъ-Санъ.

— Не могу, дорогой Генъ-Санъ, избавьте меня отъ мученій.

— Таро, бѣжать поздно!..

— Послушайте, господинъ...

— . . . .

— Слышите-ли вы мой голосъ!..

— Я васъ вызываю полчаса!.. А вы все молчите...

Тутъ Генъ-Санъ вступился за друга и воскликнулъ:

— Аппаратъ занятъ!.. Не могу соединить!..

(*„Дзи-Дзи“*)

ВЕЧЕРЪ ВОСЬМОЙ.

«Русь» 5 Апрѣля.

Подводныя лодки. — Департаментъ изобрѣтеній. — О Макаровѣ.

— Вопросъ о подводныхъ лодкахъ—одинъ изъ самыхъ любимыхъ въ японской прессѣ. Имъ занимаются и журналы, и газеты и споръ иногда разгорался до размѣровъ настоящей бумажной войны...

— У насъ въ Россіи то же самое. Все общество подѣлилось одно время на защитниковъ подводныхъ лодокъ и ихъ противниковъ.

Мои гости разсмѣялись.

— Противниковъ лодокъ!.. Ну, противниковъ подводныхъ лодокъ въ Японіи, кажется, совсѣмъ нѣтъ...

— Тогда о чемъ же спорятъ ваши журналисты?

— Спорятъ только о типѣ, который наиболѣе пригоденъ для нашего флота. Вопросъ о томъ, нужны-ли намъ лодки, никогда даже и не поднимался! Еще десять лѣтъ онъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ совѣтомъ военныхъ. Особенно горячо говорилъ за нихъ изобрѣтатель скорострѣльной пушки Арисака...

— А самъ этотъ изобрѣтатель не работалъ надъ усовершенствованіемъ подводной лодки?

— Не думаю. Его спеціальность пушка. Пушка Арисака теперь принята почти всюду. Почти весь флотъ вооруженъ ею.

— Къ какому же типу лодокъ склоняются?

— Вотъ статья Такида. Въ ней разсказана исторія лодки, на-

чиная съ 1626 года, когда она появилась у голландцевъ при Іаковѣ первомъ (лодка Корнелія ванъ-Дреббелэ), затѣмъ говорится объ американской лодкѣ Бюшнеля въ 1776 году. Авторъ останавливается на техническихъ преимуществахъ ея передъ голландской лодкой и переходитъ къ лодкѣ Фультона въ 1810 году и ея преимуществахъ и разновидностяхъ.

Изъ послѣднихъ онъ выдѣляетъ Вильгельма Бауэра въ 1860 году. Этотъ послѣдній, будто бы, устроилъ лодку и для русскаго флота (?). Затѣмъ подробно разбирается французская система лодокъ.

Критикуя французскую систему, авторъ настаиваетъ на системѣ американской и считаетъ послѣднюю особенно желательной для японскаго флота.

— Дебаты въ печати главнымъ образомъ и вертѣлись вокругъ этого вопроса. Журналисты раздѣлились на «американцевъ» и «французовъ»... Одни считаютъ необходимымъ заказать лодку американскаго образца, другіе—французскаго. Третьимъ же не нравится ни тотъ, ни другой и они предлагали департаменту изобрѣтеній открыть конкурсъ на такое усовершенствованіе которое дѣлало бы подводную лодку безшумной...

— Что это за департаментъ?

— Онъ помѣщается въ министерствѣ торговли и земледѣлія.

— Часто онъ объявляетъ конкурсы?

— Нѣтъ, главныя его функціи—выдача изобрѣтателямъ патентовъ и—въ случаѣ выдающихся заслугъ—медалей...

— Вы не знаете, брались-ли японцами патенты на какія-нибудь усовершенствованія по части подводнаго плаванія?

— Нѣтъ. Конкурса на подводныя лодки не было объявлено. Послѣднія медали были выданы изобрѣтателю пушки Арисака, изобрѣтателю пароходной дымовой трубы, изобрѣтателю магазиннаго ружья.

— Но вернемся къ лодкамъ. Отвѣтьте категорически, есть-ли въ Японіи подводныя лодки.

— До конца 1903 года не было. Это внѣ всякихъ сомнѣній, потому что до конца этого года споръ о томъ, какой системы купить лодку не прекращался. Но къ началу нынѣшняго года выяснилось окончательно, что всеобщія симпатіи склоняются скорѣе къ американскому образцу. «Дзи-дзи» въ каждомъ номерѣ торопила министерство съ покупкой...

— А министръ какъ относился къ этому вопросу?

— Ямомото высказался также сторонникомъ американскихъ лодокъ. Вотъ почему вполнѣ возможно. что съ «Ниссиномъ» и «Кассугой» дѣйствительно прибыли въ Японію первыя подводныя лодки американскаго типа. Онѣ могли, конечно, принять участіе и въ последнемъ бою, гдѣ палъ «Петропавловскъ», хотя я увѣренъ, что «Петропавловскъ» погибъ не отъ японской лодки...

Тутъ мои собесѣдники коснулись свѣтлой памяти адмирала Макарова.

— Въ первый разъ его портретъ и біографія появились на страницахъ японскихъ газетъ и журналовъ въ 1894 году, когда его эскадра показалась въ Тихомъ океанѣ... Съ тѣхъ поръ прошло только десять лѣтъ и вотъ теперь опять его портретами украшены всѣ газеты и журналы... Вѣрьте, что японцы посреди ликованій по поводу послѣднихъ событій никогда не забудутъ воздать должнаго личнымъ качествамъ героя. Въ Японіи какъ нигдѣ цѣнится личная доблесть и мы считаемъ, что нѣтъ выше доблести на свѣтѣ, какъ морская доблесть... Макаровъ—воплощеніе этой доблести...

Вопросомъ о потопляемости броненосцевъ въ Японіи занимается, между прочимъ, и теперешній министръ Ямомото. Однако военныя сочиненія Макарова на японскій языкъ не переведены.

Мысль отказаться отъ броненосцевъ въ пользу миноносцевъ—тоже не нова въ Японіи, но она практически не осуществима, по крайней мѣрѣ въ недалекомъ будущемъ.

ВЕЧЕРЪ ДЕВЯТЫЙ.

Русь 6 Апрѣля.

Верещагинъ. — Живопись. — Хокусай. — Лаконизмъ кисти. — «Христіанскіе мученики въ Японіи». — О. Никорай.

Мы разговорились о второй невознаградимой жертвѣ гибели «Петропавловска»—В. В. Верещагинѣ.

Имя Верещагина совершенно не знакомо японцамъ. Русскіе художники—войдутъ въ Японію послѣдними.

Ни въ одномъ иллюстрированномъ изданіи я не видалъ ни одной репродукціи съ русской картины, ни одного портрета русскаго художника.

Европейская живопись туго входитъ въ сознаніе азіатовъ, не смотря на то, что въ Токіо уже существуетъ европейская школа живописи.

Въ живописи японцы—поразительные техники, но техника у нихъ своя, своеобразная.

Глядя на развѣшанныя у меня въ кабинетѣ картины, Сираторн говоритъ:

— Вы, европейцы, стремитесь къ тому, чтобы кистью сфотографировать природу или лицо... У насъ цѣль—другая. Нашъ художникъ долженъ схватить въ предметѣ только его существенныя черты... Два удара кисти и... передъ вами птица, лошадь, женщина... У васъ на картинахъ позволительны всѣ пріемы, чтобы воспроизвести натуру,—краски, перспективу (цѣлая наука!), наложеніе тоновъ одинъ на другой, нагроможденіе деталей... Чѣмъ больше средствъ—тѣмъ лучше! А у насъ есть пословица: «краски не красятъ картины»... Если ты художникъ—творецъ, то ты совершишь чудеса посредствомъ одной туши и одной кисти... Мы цѣнимъ въ художникѣ только вкусъ, только искусство, не трудолюбіе... Это ремесленникъ можетъ быть трудолюбивымъ... Вотъ посмотрите въ этомъ альбомѣ... Вотъ эти десять ударовъ туши съ вашей точки зрѣнія не представляютъ изъ себя ничего цѣннаго, а по нашему это цѣлое откровеніе... Смотрите, какъ дерзко брошены эти мазки, а въ результатѣ—скала и сосна на ней... Главное достоинство въ томъ, чтобы кисть не смѣла два раза пройти по одному мѣсту...

哥麿筆

И я вглядывался въ эту странную живопись, гдѣ чуть не съ одного почерка рисуются цѣлыя картины.

Къ ней надо привыкнуть, въ нее надо всмотрѣться и тогда она будетъ вамъ нравиться эта виртуозная техника.

Она прежде всего удивительно лаконична. Она беретъ у натуры только самое характерное, самое лаконичное.

Если кисть два раза ударитъ по одному и тому же мѣсту,—это уже тавтологія.

Если кисть захватитъ деталь, безъ которой предметъ, какъ таковой, мыслимъ, понятенъ,— это уже непростительный плеоназмъ.

Есть, конечно, тысячи ремесленниковъ, которые не считаются съ этими условіями, но они только у иностранцевъ слывутъ художниками.

— Вотъ это немножко въ нашемъ вкусѣ! —сказалъ Сираторп указавъ на этюдъ Левитана «Деревня», висящій у меня надъ столомъ.

Видя, что ему нравится широкое письмо, я обратилъ вниманіе на «Одесскій портъ» Рылова и «Кіевъ» А. Васнецова, висящія на другой стѣнѣ кабинета.

— Нѣтъ, это все не то. Вотъ это лучше... Не могу объяснить почему, но это намъ ближе... Вы говорите это Левитанъ?..

И онъ записалъ въ свою книжечку незнакомое имя.

— Писать коротко, но ясно!—это непревзойденное искусство японскаго художника.

Европа знаетъ чуть ли не одного Хокусая и по нему судитъ о всей японской живописи.

Каррикатуры Хокусая—великая вещь, но онѣ только уголокъ, японской живописи.

Я читалъ удостоенный монтіоновской преміи и преміи Бордена (Academie des Beaux-Arts) трудъ Людовика Гонза («L'art japonais» par Louis Gonse) и вижу, что даже онъ представляетъ изъ себя недоразумѣніе.

Онъ составленъ по коллекціи Британскаго музея, собраніямъ какемоно и макимоно американца Фенелоза, Андерсона и берлинца Гирке,—по случайнымъ составленнымъ на европейскій вкусъ коллекціямъ!

Въ самой Японіи иностранцы видѣли только страну гейшъ и чайныхъ домиковъ, и въ живописи японской они видѣли и до сихъ поръ видятъ только гейшъ, птичекъ, да цвѣточки...

Это несправедливо—Японія—родина стилизаціи, символизма и того, что, мѣщански выражаясь, называютъ декадентствомъ.

Я вернусь еще къ японской живописи и постараюсь въ японскихъ репродукціяхъ показать нашимъ модернистамъ, что ничто не ново подъ луной.

Отъ искусства у насъ разговоръ перескочилъ на лежавшую на столѣ «Ниву».

Въ послѣднемъ номерѣ, движимый самыми возвышенными побужденіями, редакторъ журнала помѣстилъ трогательную картину «Христіанскіе мученики въ Японіи».

— На простой народъ должно произвести глубокое впечатлѣніе это зрѣлище. Миссіонеры распинаются на крестахъ!.. Народъ подумаетъ: «вотъ чудовищная страна, гдѣ вопросъ вѣроисповѣданія поставленъ такъ жестоко, такъ ужасно»... А на самомъ дѣлѣ въ Японіи полная вѣротерпимость... Картина, подобная этой, могла бы отнестись развѣ только ко времени открытія Америки... Уже 35 лѣтъ тому назадъ отмѣненъ даже законъ о господствующей религіи... У насъ законъ Божій не преподается ни въ школѣ, ни въ гимназіи... Каждый вѣритъ, какъ хочетъ, и учится вѣрѣ, гдѣ хочетъ. Къ христіанству не питается никакой непріязни. Напротивъ, такой миссіонеръ, какъ отецъ Николай, успѣлъ обратить въ православіе свыше 30,000 человѣкъ и разсѣялъ православныя церкви по всей Японіи.

— Вы знали о. Николая?

— Конечно. Кто же его не знаетъ. Японцы зовутъ его «Никорай», потому что на нашемъ языкѣ нѣтъ буквы *л*... Всѣ знаютъ «Никорая» и ту удивительную простоту въ обхожденіи съ посѣтителями, которая покоряетъ всѣхъ. Еще восемнадцатилѣтнимъ мальчикомъ я бывалъ у него, потому что уже тогда задумывался надъ принятіемъ православія,—пріятели уговаривали...

— Какъ пріятели?

— Да такъ... Случайно у меня было нѣсколько православныхъ товарищей. Они каждый праздникъ затаскивали меня въ свою церковь.. Молитвы и пѣснопѣнія переведены Николаемъ на японскій языкъ такъ хорошо, что каждое слово поражало своимъ глубокимъ мистическимъ смысломъ и трогало до глубины души... Вотъ я и пошелъ къ Николаю... Не смотря на сорокалѣтнее пребываніе свое въ Японіи, онъ не имѣетъ собственнаго дома и не имѣетъ почти никакого имущества. До сихъ поръ онъ живетъ въ одной маленькой ком-

наткѣ, которая служила ему спальней, столовой и кабинетомъ. Тутъ стоялъ столъ, кровать, комодъ, два стула и шкафикъ для маленькой библіотеки. Никакихъ украшеній ни въ квартирѣ, ни въ одеждѣ· Даже часы, даже очки—серебряные, а не золотые. Каждый день онъ встаетъ въ 6 ч. утра. Пьетъ чай. Съ половины седьмого занимается переводомъ на японскій языкъ священныхъ книгъ. Онъ отлично владѣетъ языкомъ, превосходно читаетъ, но... пишетъ плоховато, поэтому принужденъ диктовать секретарю или ученикамъ. Въ полдень—обѣдаетъ самымъ скромнымъ образомъ,—главное кушанье рисъ. До двухъ часовъ отдыхаетъ. Затѣмъ принимается за доклады конторщика просматриваетъ книги и газеты—«Дзи-Дзи», «Japan Mail», «Times» и русскую. Епископъ ведетъ обширную переписку въ Японіи со своими духовными дѣтьми и много времени удѣляетъ изученію буддизма и шинтоизма... Среди миссіонеровъ Николай занимаетъ исключительное положеніе и результаты его дѣятельности превосходятъ результаты англійскихъ и американскихъ миссіонеровъ... Еще бы... они только и дѣлаютъ, что круглый годъ пользуются минеральными водами да морскими купаніями...

ВЕЧЕРЪ ДЕСЯТЫЙ.

«Русь» 10 Апрѣля.

Смайльсъ. — Японскій Ушанскій. — Странички изъ «Родного Слова». — Подвигъ Малахида. — Жена Самурая. — Благоразумный Раммару. — Сиисп. — Стихотворенія Кобаякова.

Я обратилъ вниманіе моихъ собесѣдниковъ на одно мѣсто въ сочиненіи бывшаго преподавателя французскаго языка въ токійскомъ университетѣ Франсуа Нормана.

Онъ разсказываетъ, что генералъ Куропаткинъ, въ бытность въ Японіи, на вопросъ маркиза Ито, что онъ думаетъ о японской образованности, отвѣтилъ:

— Недостатокъ японскаго воспитанія, это развитіе ума въ ущербъ чувству.

И мы разговорились о воспитаніи молодежи.

— О воспитаніи души и воспитаніи характера у насъ особенно много писалъ профессоръ Ипатри Манжиро. Онъ настаиваетъ на крупныхъ реформахъ въ этомъ дѣлѣ и, какъ на авторитетъ, опирается на моралиста Смали многія произведенія котораго онъ перевелъ.

— Этотъ Смали—китайскій писатель?

Такаки посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Нѣтъ... Это знаменитый англійскій моралистъ...

— Не знаю такого...

— Да еще въ сегодняшнихъ телеграммахъ говорится о его смерти...

— Вы хотите сказать о Смайльсѣ?..

— Виноватъ... простите, у насъ его называютъ Смали... Покойникъ былъ очень популяренъ, хотя тотъ біографическій и историческій матеріалъ и чуждъ японцамъ... Дѣло, впрочемъ, не въ матеріалѣ, а въ выводахъ... Въ нашей школѣ принятъ искони вѣковъ тотъ же методъ учить нравственности, какъ и у Смайльса... Въ школѣ ен учатъ религіи, съ ея овлечными разсужденіями на этическія темы... Учатъ нравственности помимо религіи на конкретныхъ примѣрахъ... Вотъ учебная книжка, составленная изъ отдѣльныхъ разсказиковъ... Ученикъ долженъ прочесть разсказъ и, съ помощью учителя, или самъ лично, сдѣлать изъ него тотъ или другой выводъ.

Мы прочли нѣсколько наивныхъ разсказовъ на тему „люби ближняго“, „будь почтителенъ“, „будь великодушенъ“, „уважай старость“ и т. п., изъ которыхъ состоитъ японское „Родное Слово“.

Японскому автору далеко, конечно, и до Смайльса и до Ушинскаго, но тѣмъ не менѣе книга его расходится въ десяткахъ изданій Этотъ учебникъ введенъ въ низшую школу, такъ что проходится почти всѣми.

А простой народъ, который не попадаетъ въ среднюю школу, такъ и останавливается на всю жизнь только на тѣхъ правилахъ морали, которыя преподаны этимъ „Роднымъ Словомъ“.

Чрезвычайно интересно познакомиться съ образчиками этихъ разсказовъ. Мы выбрали и перевели изъ разныхъ мѣстъ книги пять статеекъ.

— Особенное вниманіе обратите на второй разсказъ. Изъ него вы увидите, какъ высоко цѣнитъ японецъ званіе самурая (солдата). Тесть гордится, что его зять—самурай. Жена готова нищенствовать, но ни за что не хочетъ истратить десять ріо золотомъ (100 рублей), которыя могутъ пригодиться для нужды самурая...

Первый разсказъ далъ возможность мнѣ спросить Сиратори á propos.

— У насъ зовутъ Японію страной гейши и харакири. Что гейши существуютъ это знаемъ. А существуетъ ли до сихъ поръ харакири?..

— Какъ у васъ дуэль, этотъ пережитокъ средневѣковыхъ временъ сохранился почти исключительно въ военномъ сословіи. Тамъ онъ практикуется въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно кровью смыть пятно съ чести самурая... Въ послѣднюю японско-китайскую войну много начальниковъ мелкихъ отрядовъ вмѣсто того, чтобы попасть

въ плѣнъ, или, не желая перенести... Въ тѣ же полуисторическія времена, о которыхъ говорится въ разсказѣ—харакири было обычною вещью. Шогунъ Одо—любимый изъ шогуновъ нашихъ школьныхъ учебниковъ. Шогуномъ первоначально назывался тотъ изъ феодальныхъ князей, который во время вѣчныхъ междоусобныхъ войнъ сумѣлъ сдѣлаться сильнѣе другихъ...

Предлагаю вниманію читателей образцы учебно-воспитательныхъ статеекъ японскаго Ушинскаго. Они заимствованы имъ изъ старинныхъ преданій.

I. Подвигъ Масахида.

Шогунъ Ода въ дѣтствѣ былъ несноснымъ ребенкомъ. Видя его дерзкія выходки, слушая его грубыя рѣчи, никто не заподозрилъ бы въ немъ сына шогуна и будущаго великаго завоевателя.

Въ его поведеніи не проскальзывало и тѣни рыцарства, которымъ пропитана исторія шогуновъ.

Онъ не хотѣлъ учиться и особенное отвращеніе питалъ къ стратегіи и литературѣ.

Его мудрый воспитатель Хирате Масахида выбивался изъ силъ, чтобы заставить своего избалованнаго воспитанника остепениться.

Но тщетны были увѣщанія, мольбы, даже слезы,—Ода не исправлялся.

Что оставалось дѣлать мудрому Масахида.

Испробовавъ всѣ возможные способы повліять на воспитанника, старикъ рѣшился на послѣдній...

Онъ сдѣлалъ себѣ харакири и послѣ себя оставилъ завѣщаніе въ которомъ заклинаетъ Ода измѣниться, заняться стратегіей и литературой и вести себя такъ, какъ прилично сыну шогуна, рыцарю, а не деревенскому мальчишкѣ.

Онъ написалъ и о томъ, что харакири учителя—это послѣдній способъ повліять на ученика.

Авось мертваго Ода послушаетъ лучше, чѣмъ живого.

И свершилось чудо.

Ода—переродился.

Онъ оставилъ всѣ свои мальчишескія увлеченія, энергично принялся за стратегію и литературу и снискалъ себѣ всеобщее уваженіе.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Ода завоевалъ чуть не половину всей Японіи.

И вотъ однажды кто-то изъ придворныхъ льстецовъ сановниковъ сказалъ ему:

Какимъ дуракомъ былъ Хирате Масахида! Онъ не могъ угадать въ васъ великаго человѣка и слишкомъ поторопился со своимъ глупымъ харакири!..

Ода вспыхнулъ и съ глубокимъ волненіемъ воскликнулъ:

— Замолчи!.. Ты не знаешь, что говоришь! Всѣ мои подвиги, всѣ мои побѣды—ничто передъ подвигомъ, на который ради любви ко мнѣ и отечеству рѣшился Масахида... Развѣ я могъ бы стать такимъ славнымъ и сильнымъ, еслибы не его харакири, надъ которымъ ты, несчастный, осмѣливаешься глумиться... О многихъ случаяхъ харакири говоритъ намъ исторія, но во всей исторіи ты не найдешь другого такого славнаго человѣка, который лишилъ себя жизни ради столь благородной цѣли... Нѣтъ на землѣ выше любви, какъ любовь учителя къ ученику!.. И надъ этою любовью ты осмѣлился глумиться!.. Отойди отъ меня и не смѣй никогда показываться на мои глаза!.. Оскорбивъ память Масахида, ты глубоко оскорбилъ меня...

Ода разрыдался.

Это былъ послѣдній разговоръ его съ этимъ сановникомъ. На утро его нашли съ распоротымъ животомъ. Придворный льстецъ не перенесъ изгнанія и харакири окончила его жизнь.

II. Жена самурая.

Самурай Ямагучи Кадзутоіо потерялъ своего патрона и впалъ въ нищету. Много разъ ему съ женой приходилось переживать такіе дни, когда въ домѣ не было ни зерна риса.

Наконецъ онъ поступилъ на службу къ шогуну Ода. Но у него не было главной гордости самурая—коня.

Въ это время въ Адзучи пріѣхалъ купецъ съ востока. Онъ продавалъ замѣчательнаго скакуна.

Всѣ восхищались имъ, но никто не могъ его купить, потому что онъ стоилъ страшно дорого. Купецъ назначилъ уже на завтра день отъѣзда изъ Адзучи вмѣстѣ со своимъ рѣдкостнымъ конемъ.

Всю ночь не смыкалъ очей Ямагучи. Тяжко вздыхалъ онъ, жаловался на свою судьбу:

— Проклятая бѣдность! О, если-бы я могъ купить этого скакуна, чтобы на первой-же аудіенціи у шогуна показаться на немъ!.. Какъ

возгордился-бы Ода, увидя у себя на службѣ такого самурая, какъ я, на такомъ конѣ...

Жена Ямагучи слышала эти жалобы и спросила:

— А дорого-ли стоитъ конь?

Грустно отвѣтилъ Ямагучи:

— Десять ріо золотомъ!—страшно дорого!

Жена положила ему руку на плечо и сказала:

— Не убивайся, самурай. У тебя будутъ эти деньги!..

— Откуда они могутъ быть!.. Мы задолжали всѣмъ сосѣдямъ. Никто не повѣритъ больше фунта риса, а ужъ объ деньгахъ и говорить нечего... не думаешь-ли ты, что мы съ тобой въ состояніи заработать десять ріо золотомъ!.. Да и когда успѣли-бы мы, если-бы и были въ состояніи найти выгодную работу,—вѣдь купецъ съ драгоцѣннымъ конемъ завтра уѣзжаетъ назадъ къ себѣ на востокъ...

Вмѣсто отвѣта жена открыла ящичекъ подъ зеркаломъ и положила передъ мужемъ десять ріо золотомъ.

Ослѣпленный неожиданностью Ямагучи радостно воскликнулъ:

— Милая моя! Откуда эти деньги?.. Какъ я счастливъ!

А потомъ подумалъ и печально и строго спросилъ:

— Какъ-же ты смѣла скрывать отъ меня эти деньги въ то время, когда мы съ тобой переносили такую нужду, что во всемъ домѣ не оставалось ни зерна риса!.. Я страшно недоволенъ твоимъ подозрительнымъ поведеніемъ...

— Эти деньги мой отецъ подарилъ мнѣ въ день нашей свадьбы. Тогда ты былъ самураемъ и отецъ сказалъ мнѣ: «Не трать эти деньги ради презрѣнной нужды бѣдняка, трать ради благородной нужды самурая». Мы нищенствовали съ тобой и я скрывала отъ тебя мои деньги, разсуждая такъ: какъ у нищихъ, у насъ столь скромныя потребности, что ихъ легко удовлетворитъ даже благотворительность сосѣдей и знакомыхъ,—горсточку ржи—всякій подастъ. А теперь, когда мы стали самураями, я раскрываю передъ тобой мой ларецъ, потому что самураю не прилично вымаливать деньги...

Со слезами благодарности обнялъ Ямагучи свою благоразумную жену. На слѣдующій же день знаменитый скакунъ сталъ его собственностью.

На смотру въ Кіото шогунъ Ода спросилъ у сановниковъ:

— Кто этотъ красивый всадникъ?

— Это Ямагучи Казутоіо только что поступившій къ тебѣ на службу.

Ода сдѣлалъ знакъ, чтобы Ямагучи къ нему подъѣхалъ и спросилъ:

— Откуда ты досталъ такую чудную лошадь.

Ямагучи разсказалъ шогуну все и этимъ разсказомъ очаровалъ сердце властелина:

— Я доволенъ тобою и жалую тебя двойнымъ окладомъ риса!..

III. Благоразумный Раммару.

У Шогуна Ода былъ пажъ Мори-Раммару.

Онъ былъ уменъ и справедливъ и Ода любилъ его.

Однажды, желая испытать его сообразительность, шогунъ приказалъ Раммару затворить дверь передней комнаты дворца.

Раммару пошелъ исполнять приказаніе повелителя. Но подойдя къ двери, увидѣлъ что она закрыта.

Онъ тихонько открылъ ее и тотчасъ же громко захлопнулъ.

Когда онъ возвратился къ шогуну, тотъ спросилъ его.

— Что, Раммару, была ли дверь открыта?

Пажъ скромно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, шогунъ, она была закрыта.

Шогунъ улыбнулся:

— Почему же даже здѣсь было слышно, какъ ты ее захлопнулъ?

Раммару низко поклонился и сказалъ:

— Получивъ твое приказаніе, повелитель, я пошелъ затворить дверь. Дверь была закрыта, но могъ ли я показать всѣмъ присутствующимъ у тебя приближеннымъ, что ты далъ напрасное и невыполнимое приказаніе... Я боялся, что послѣ этого твои подчиненные перстестануъ уважать твои приказанія и не всегда будутъ исполнять ихъ... Вотъ почему я тихо открылъ дверь, а затѣмъ закрылъ ее такъ сильно, чтобы всѣ окружающіе тебя знали, что она открыта..

Шогунъ разсмѣялся и щедро наградилъ находчиваго пажа.

IV. Сиси.

Нигдѣ такъ ни цѣнится старинный фарфоръ, какъ въ Токіо. Въ особенной цѣнѣ старинныя чашки изъ синяго фарфора, которыя употребляются для чайной церемоніи (чапоэ).

За такую чашку (сиси), если она достаточно стара. платятъ

тысячи іенъ. Не мудрено, что они представляютъ изъ себя такую дичь, за которой усердно охотятся антикваріи.

Сато честнымъ и упорнымъ трудомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ скопилъ себѣ въ Токіо всего на всего девять іенъ.

Неудачи послѣднихъ дней, застой въ торговлѣ заставили Сато призадуматься надъ своей участью.

— Стоитъ ли продолжать торговлю. Не лучше ли закрыть лавочку, бросить Токіо и попытать счастье въ деревнѣ.

Сказано-сдѣлано. Сато ликвидировалъ дѣло, заплатилъ долги и съ нѣсколькими іенами въ карманѣ отправился въ окрестности.

Въ первой же деревушкѣ Сендзи, гдѣ остановился Сато на постояломъ дворѣ, счастье улыбнулось ему.

Онъ увидалъ, что въ углу на полу стоитъ роскошнѣйшая сииси изъ синяго фарфора.

— Цѣны нѣтъ этой мискѣ!.. И изъ нее лакаетъ эта противная замухрышка Нико (кошка)!.. а мѣсто этой сииси въ изящной чайной комнаткѣ маркизы, а не въ углу грязнаго постоялаго двора!..

И у него блеснула мысль: купить эту сииси за грошъ и перепродать въ Токіо за тысячу іенъ.

Но какъ купить? Вѣдь въ карманѣ Сато нѣтъ и десятка іенъ а трактирщикъ Гомбэ, увидавъ, что Сато заинтересовался этой неказистой на видъ чашкой, смекнетъ, что очевидно это не спроста. Онъ догадается, что это рѣдкость и заломитъ цѣну...

Надо пуститься на хитрость. Не показывать и вида, что чашка интересуетъ.

И съ беззаботнымъ видомъ Сато позвалъ:

— Нико! Нико!

Кошка, противная кошка-дворняшка, подбѣжала къ нему. Сато взялъ ее на колѣни и сталъ ласкать.

— Какая прекрасная кошка у васъ, Гомбе... Превосходная кошка..' Я никогда въ жизни не видалъ кошки, которая больше бы пришлась мнѣ по душѣ, чѣмъ эта... Я страшно люблю кошекъ... Продайте мнѣ ее.

Гомбэ улыбнулся:

— Сато-Санъ шутитъ. Это самая обыкновенная деревенская кошка. Но она дорога намъ тѣмъ, что мы привыкли къ ней... Старуха ни за что не продастъ ее вамъ...

— Даже если бы я предложилъ вамъ за нее цѣлый іенъ!..

Старикъ отрицательно покачалъ головой.

— Даже два іена!..

Старикъ махнулъ рукой и отвернулся.

Удивленный такимъ поведеніемъ Сато набавилъ еще полъ іена:

— Ну куда вамъ эта кошка, Гомбе!.. А я привыкъ исполнять свои капризы и предлагаю за нее два съ половиной іена! Вы подумайте! Вѣдь этого хватитъ на то, чтобы нанять работника на цѣлый годъ на его рисѣ!..

Старикъ упорно молчалъ.

— Я даю три іена.

— Поговорите со старушкой. Кошка ея любимица. Я бы продалъ. Но старушка упряма.

Пришла жена Гомбэ и наотрѣзъ отказала продать кошку даже за $3^1/_2$ іена.

— Я даю пять іенъ! это цѣлое состояніе.

Дѣйствительно, для бѣднаго трактирщика 5 іенъ очень большія деньги. Старикъ пошушукался со старухой и кошка была уступлена Сато.

Сато заплатилъ деньги и небрежно сказалъ:

— Теперь дайте мнѣ какую-нибудь плошку, или чашку, чтобы я могъ кормить въ дорогѣ Нико... Да вотъ хоть эту... Куда вамъ эта безобразная синяя чашка...

— Старуха, достань гостю новую чашку изъ чулана...

— Мнѣ не надо новой... Дайте вотъ эту старую...

— Нѣтъ намъ стыдно отпускать васъ съ такой неказистой чашкой...

— Да вѣдь я ее все равно выброшу... Покормлю кошку въ дорогѣ, а потомъ выброшу... Новую чашку вы оставьте себѣ, а мнѣ уступите вотъ эту, чтобы мнѣ не жаль было ее выбросить...

Но старикъ и старуха упорно стояли на своемъ,—«возьмите новую чашку»...

Упрямство стариковъ взбѣсило Сато и онъ воскликнулъ:

— Ну не дураки-ли вы! не хотите мнѣ уступить чашки, которая ничего не стоитъ.

— Для васъ, Санъ, она можетъ быть ничего не стоитъ!—отвѣтилъ скромно старикъ;—а для насъ она дорога... Я не знаю почему, но эта чашка словно благословеніе нашего дома!.. Мы продаемъ проѣзжимъ вотъ уже седьмую кошку, которую кормили изъ нея...

На всякаго мудреца довольно простоты.

V. Стихотворенія Кобая-Кова.

Хороши весенніе дожди до той поры, пока вишневые цвѣты не облетѣли.

Хорошо ученіе Конфуція, пока милитаризмъ не ослабѣлъ.

Хороша стратегія, пока не забывается литература.

Хороша ѣда, пока хочется ѣсть.

Хорошо путешествіе, пока не забыта родина.

Хороша религія, пока не противорѣчитъ логикѣ.

Хорошо право, пока не обижаетъ подчиненныхъ.

Хороша разсчетливость, пока не забыто чувство долга къ обществу.

Хорошъ пиръ, пока не потеряно сознаніе.

ВЕЧЕРЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

«Русь» 12 Апрѣля.

Траурныя демонстраціи. —Адмиралъ Тинъ и адмиралъ Макаровъ. — Памятникъ войны — Четыре политикоэкономическихъ интервью.

Маленькая телеграмма о томъ, что въ Токіо были произведены траурныя демонстраціи въ честь адмирала Макарова, облетѣла весь цивилизованный міръ и вездѣ встрѣчена съ одинаковымъ чувствомъ недоумѣнія.

Коментировалась она на сотни ладовъ.

Одни видѣли въ холодномъ блескѣ бѣлыхъ фонарей грубое, циничное издѣвательство надъ врагомъ въ печальную для него минуту:

— Этотъ парадный трауръ не говоритъ-ли вамъ: вы русскіе, перенесли такую великую потерю, что даже мы, враги ваши, считаемъ это испытаніе для васъ черезчуръ тяжелымъ и хотимъ раздѣлить вашу печаль. Тѣмъ болѣе... ха-ха-ха... что это намъ... на руку..: Раздуваніе русской печали раздуетъ японскую радость...

Другіе говорили:

— Это одна изъ тѣхъ гримасъ, на которыя японцы такіе мастера. Они играютъ «въ цивилизацію» и хотятъ показать, какъ далеко ушли въ этой игрѣ: цивилизованнѣе самихъ европейскихъ цивилизаторовъ стали,—развѣ азіатъ былъ бы способенъ на оказаніе военныхъ почестей памяти врага полководца?

А третьи:

— Это самоуниженіе азіата. Обычная черта и у китайцевъ. У «цивилизованной» Японіи это—пережитокъ старины. Мои хроническіе гости—Саратори и Такаки не могли, конечно, обойти молчаніемъ этой телеграммы:

— Для насъ совсѣмъ не странно звучитъ эта телеграмма. Не такъ давно мы своими собственными глазами видѣли совершенно такую же демонстрацію. Это было во время послѣдней войны съ Китаемъ. Послѣ взятія японцами Вей-хай-вея китайскій адмиралъ Тингъ лишилъ себя жизни. Японцамъ было отъ чего ликовать:

明治三十七年一月三日　日曜日　時事新報　第七千二百四十五號　第三種郵便物認可　（七）

電報

（時事新報釜山特電）

○各國軍艦の入港

○釜山の元日

○松江の元旦

○八王子の元日

○絹綿陶紡績の前途

富士紡績會社專務取締役　和田豐治氏談

○米國の米獨開戰論

○獨逸皇帝の…

○清國海出入船舶

○坂垣伯の歸京

○築地仙の演説

○秋田縣會の成蹟

○新年皆面相

○横濱の元日

○横濱の初荷

тогда намъ удалось взять въ плѣнъ одиннадцать китайскихъ военныхъ судовъ. Но тогдашній японскій адмиралъ Ито приказалъ возвратить китайцамъ одинъ изъ завоеванныхъ крейсеровъ «Коосай». На немъ онъ позволилъ уцѣлѣвшему экипажу вернуться на свободу, и въ моментъ ихъ отплытія весь японскій флотъ салютовалъ имъ траурной церемоніей въ честь покойнаго адмирала. Одновременно съ этими салютами на морѣ, на сушѣ, во всей Японіи были вывѣшены траурные флаги и фонари. Населеніе искренно выражало печаль по поводу смерти врага, котораго японскій народъ и уважалъ и, пожалуй, даже боялся. Вся исторія безконечныхъ междоусобныхъ войнъ феодаловъ переполнена непонятными для европейца проявленіями этическихъ воззрѣній на доблесть самурая. Самурай долженъ уважать врага и надъ трупомъ благороднаго врага полулегендарный рыцарь рыдаетъ и до сихъ поръ на сценѣ народнаго театра. Дитя съ тѣхъ поръ, какъ помнитъ себя, слышитъ отъ дѣда и отца правила Конфуція:

«Будь вѣжливъ съ противникомъ».

«Острота орудій не ранитъ нравственности».

«Ненавидь вину, а не человѣка».

«Сражайся съ непріятельскимъ оружіемъ—оружіемъ, а не съ человѣкомъ—человѣкомъ».

«Подави преступную волю непріятеля, а съ нимъ самимъ будь въ мирѣ и т. д., и т. д.

Послѣ окончанія китайской войны у группы передовыхъ лицъ возникла мысль объ устройствѣ памятника въ память побѣды. Начались дебаты въ газетахъ. И что же? Проектъ былъ блестяще проваленъ. Народъ энергично запротестовалъ: «Война съ Китаемъ вовсе не означаетъ вѣчной вражды съ китайцами»,—говорили одни. «Не слѣдуетъ ставить памятника, который былъ бы оскорбительнымъ для побѣжденной страны»,—кричали другіе. И памятникъ не сооруженъ по причинамъ, которыя кажутся вамъ, европейцамъ странными. Адмирала Макарова японцы уважали еще больше, чѣмъ адмирала Тинга. Достаточно вспомнить, какія статьи посвящались ему японской прессой при его назначеніи въ Портъ-Артуръ... Что же удивительнаго, что его чествовали фонарями...

— Вижу у васъ новенькій журналъ. Что это?

— Это—«Тайхеіо», то есть «Тихій океанъ». Это самый уважаемый экономическій журналъ, такой же какъ «Тайо» политическій.

Въ немъ участвуютъ преимущественно профессора, и правительство очень считается съ его мнѣніями.

— Теперь, въ военное время, онъ врядъ ли представляетъ большой интересъ?

— Напротивъ, онъ чутко слѣдитъ за войной и предпринялъ разслѣдованіе, которое чрезвычайно заинтересуетъ и русскихъ читателей. Интервьюеръ журнала посѣтилъ нѣсколькихъ выдающихся дѣятелей въ области торговли и промышленности. Вотъ въ этомъ номерѣ помѣщены мнѣнія о войнѣ слѣдующихъ семи лицъ: директора банка звонкой монеты въ Іокагамѣ—Соома-Санъ, президента общества пароходства и торговли въ Осакѣ—Накабаси, директора акціонерныхъ обществъ—Икеда, извѣстнаго финансиста, милліонера и вице-президента комитета торговли и мануфактуръ—Оокура, директора общества электрическихъ трамваевъ и желѣзныхъ дорогъ—Амэномiэ, президента общества пароходства и торговли—Кондо и извѣстнаго финансиста, который долго прожилъ въ Петербургѣ—Симомура. Всѣ эти мнѣнія сходятся въ общихъ чертахъ и всѣ—противъ войны.

Икеда говоритъ между прочимъ:

«Война безусловно повліяетъ на экомическое состояніе Японіи, независимо отъ ея исхода. Сколько денегъ намъ нужно подготовить? Богъ знаетъ сколько! Конечно, для операцій въ Портъ-Артурѣ и Владивостокѣ пока хватитъ, но вѣдь война этимъ не кончится, а что тогда дальше будетъ въ финансовомъ мірѣ Японіи? Объ этомъ теперь говорить поздно. Развѣ мыслимо было затѣять войну съ Россіей безъ всякаго интереса? А интереса нѣтъ. Не будетъ Манчжурія японской. Она—чужая страна. Если намъ хотѣлось ссориться изъ-за чужой страны, то не лучше ли было бы начать изъ-за болѣе выгодной страны,—напримѣръ изъ-за побережья рѣки Янцзекіангъ или Америки? Можетъ быть, скажутъ, что тамъ уже опредѣлены права. А Манчжурія? Развѣ тамъ нѣтъ ни чьихъ правъ? Мы вполнѣ признаемъ, что Манчжурія въ сферѣ вліянія Россіи. Теперь она устроила тамъ желѣзныя дороги, учредила массу административныхъ зданій и переселила много своихъ людей. Намъ давно уже были ясны намѣренія Россіи. Почему же мы молчали до тѣхъ поръ, пока не стала осуществляться ея мечта?

«Это большая наша ошибка. Теперь мы рѣшили съ оружіемъ вытѣснить русскихъ изъ Манчжуріи лишь подъ тѣмъ предлогомъ,

что Россія не исполнила своего обѣщанія объ эвакуаціи войскъ. Но это вовсе не разрѣшеніе манчжурскаго вопроса. Его надо было бы разрѣшить во время японо-китайской войны. А теперь уже поздно, И начать войну съ Россіей нужно было тогда, а не теперь. Теперешней войной мы должны добиваться не завоеванія Манчжуріи, а лишь заключенія съ Россіей взаимнаго договора объ эксплоатаціи Манчжуріи. Куда лучше побѣдить Россію коммерческимъ вліяніемъ на Дальнемъ Востокѣ, чѣмъ играть въ такую азартную игру, какъ война»...

Накабасъ отвѣтилъ интервьюеру:

— Вы спрашиваете, хватитъ ли у насъ на войну денегъ? Мы, скажу вамъ, пользуемся небывалой до сихъ поръ свободой въ денежномъ отношеніи. Вѣдь теперь есть звонкой монетой на 300.000,000 іенъ—только въ банкахъ государственныхъ, да еще почти 100.000,000 іенъ лежитъ въ банкѣ острова Формозы. На начало войны конечно хватитъ. Мало того, война съ Россіей не особенно остановитъ нашу внѣшнюю торговлю;. стѣснится торговля только въ Сѣверномъ Китаѣ и Кореѣ. Торговлю же съ Соединенными Штатами, Европой и Южнымъ Китаемъ можно продолжать. Такимъ образомъ, намъ не грозитъ экономическій крахъ даже въ случаѣ затяжной войны... Внѣшній заемъ также не истощитъ финансовъ страны, потому что расходы на войну оставляютъ все-таки деньги внутри страны. Каковъ бы ни былъ исходъ войны, онъ намъ теперь уже не страшенъ. Намъ не слѣдуетъ обольщать себя какими-нибудь завоевательскими перспективами. Въ нынѣшнемъ разрѣшеніи манчжурскаго вопроса мы мы должны добиватся только «открытыхъ дверей»,—новыхъ прочныхъ договоровъ, а не новыхъ непрочныхъ территорій...

Директоръ іокогамскаго банка Соома всегда былъ горячимъ противникомъ войны съ Россіей. Первые успѣшные шаги не увлекли его. Перспектива захвата Манчжуріи не прельщаетъ его:

— Главный вопросъ, конечно, хватитъ ли у насъ денегъ. Я знаю, что вы всѣ увлечены тѣмъ небывалымъ экономическимъ благосостояніемъ, которое переживаетъ страна... Но вѣдь и расходы предстоятъ небывалые. Вѣдь это не съ китайцами воевать! Намъ немедленно понадобится еще 500.000,000 іенъ. Конечно, подъемъ народнаго духа великъ. Пожертвованія уже стекаются со всѣхъ сторонъ, хотя правительство и не выражало нужды въ нихъ. Я увѣренъ что они удесятерятся, едва голосъ правительства признаетъ ихъ не-

обходимость. Увѣренъ и въ возможности необременительныхъ внѣшнихъ займовъ... Словомъ, вопреки иностраннымъ толкамъ, я ничуть не боюсь что Японія окажется въ безвыходномъ финансовомъ положеніи. А все-таки я повторяю: не за чѣмъ было начинать войну съ Россіей только изъ-за манчжурскаго вопроса. Пусть говорятъ, что война не помѣшаетъ торговлѣ. Она уже помѣшала. Трудное время надвигается на насъ независимо отъ исхода войны. Пусть говорятъ намъ, что Россія заплатитъ громадную контрибуцію. Ну, а откуда мы возьмемъ денегъ на эксплуатацію завоеванной Манчжуріи? А если мы не успѣемъ вложить въ Манчжурію милліардовъ іенъ мы не сумѣемъ спасти, удержать ее въ нашихъ рукахъ,— русскіе не преминутъ сдѣлать на нее нашествіе... Мнѣ скажутъ: зачѣмъ милліарды, когда достаточно милліоновъ іенъ?.. Нѣтъ, недостаточно. Вы не забывайте, что у насъ будетъ сосѣдство такой сильной страны, какъ Россія... Въ газетахъ кричатъ: «Это война ради вѣчнаго мира». А я думаю, что это война ради вѣчной войны... Немыслимъ миръ, если Россія и Японія станутъ сосѣдями. Итакъ хотя и немыслимо было терпѣть лицемѣрную политику Россіи, но не слѣдовало слишкомъ поспѣшно бросать перо дипломата и хвататься за мечъ самурая.

Мнѣнія остальныхъ опрошенныхъ «Тихимъ океаномъ» финансистовъ варьируютъ тѣ же врядъ ли пріятныя для японскаго самосознанія мысли.

ВЕЧЕРЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

«Русь» 17 Апрѣля.

«Нитиро-Сенси.» — Выходъ эскадры изъ Сасебо. — Развѣдки «Читосе» — Военный совѣтъ. — «Наклоненныя» суда — Японскій варіантъ русской басни —Заграничные корреспонденты. — Японская Пуаре.

— Чѣмъ-то вы порадуете сегодня?

— Только-что получилъ номеръ журнала «Нитиро-Сенси», то-есть — «Русско-Японская война»... № 1, отъ 1 марта, самый свѣженькій.

На эфектной обложкѣ изображены орелъ и солнце. Орелъ—Россія, солнце—Японія. И съ первыхъ же страницъ глядятъ знакомыя фотографіи. Самые большіе портреты нашихъ Государя и Государыни. Затѣмъ идутъ небольшіе портретики Намѣстника Алексѣева, барона Розена, японскихъ принцевъ, принявшихъ командованіе во флотѣ, портреты японскихъ министровъ, Куропаткина и Макарова, виды Портъ-Артура, Владивостока, «Россіи» и «Громобоя».

Мы начали читать исторію войны. Интересно и поучительно заглянуть въ непріятельскій лагерь, посмотрѣть, какія чувства переживаетъ вражій станъ.

Какъ кстати, напримѣръ, описаніе чемульпскаго боя, какъ онъ рисовался противной сторонѣ, теперь, когда Петербургъ только-что проводилъ нашихъ героевъ.

Признаютъ ли подвиги варяжцевъ и корейцевъ сами враги наши?

Мы стали бѣгло перелистывать этотъ толстенькій томикъ журнала, представляющій изъ себя квинтъ-эссенцію японскихъ взглядовъ на войну и японскіе военные подвиги. И меня сразу поразило что въ этомъ распространеннѣйшемъ журналѣ я не нашелъ вовсе тѣхъ самохвальностей, той непомѣрной раздутости своихъ успѣховъ, въ которыхъ европейская пресса единодушно, но заглазно обвиняетъ японскую. Только въ описаніи боя у Чемульпо, Уріу старается всячески себя обѣлить, хотя все время чувствуется, что онъ считаетъ себя виноватымъ.

Вотъ манифестъ о войнѣ микадо. Вотъ нота японскому посланнику. Вотъ спокойное описаніе выхода эскадры изъ Сасебо съ тремя транспортными судами на 15,000 человѣкъ, 6 февраля. Вотъ задержаніе «Россіи» крейсеромъ «Тацуто». Вотъ 7-го, въ полдень, эскадра Того раздѣляется на четыре части: одна изъ нихъ идетъ въ Чемульпо подъ командой Уріу, а остальныя—къ Шантунгу.

Части обмѣнялись сигналами:

«Желаемъ вамъ потопить весь непріятельскій флотъ».

Отвѣтный сигналъ:

«Будемъ сражаться до смерти!»

Тогда же и миноноски были раздѣлены на четыре части; три четверти пошли къ Портъ-Артуру, а четверть—въ Дальній. Впрочемъ, послѣднія, не найдя въ Дальнемъ русскихъ судовъ, возвратились къ главной флотиліи. У Портъ-Артура японскіе якоря спущены впервые 8-го, къ 11 часовъ вечера. Русская эскадра была освѣщена. Но, несмотря на освѣщеніе прожекторовъ, японскимъ миноносцамъ удалось подойти близко вслѣдствіе непроницаемой темноты.

Въ 12 ч. съ миноносца раздался первый выстрѣлъ. Русскіе не сразу отвѣчали. Да и японцы до утра не знали, какой эффектъ произвели ихъ взрывы. Выпустивъ послѣдній выстрѣлъ въ 2 часа ночи, они вернулись на прежнія позиціи, не потерпѣвъ отъ нашихъ выстрѣловъ ни малѣйшаго урона.

9-го утромъ на развѣдки посланъ крейсеръ «Читосе». Онъ донесъ главнокомандующему Того, что замѣтилъ англійское судно съ японскими переселенцами изъ Россіи, а «около порта, у входа въ рейдъ, стоятъ два какихъ-то судна, сильно накренившихся».

Того сейчасъ же созвалъ военный совѣтъ изъ начальниковъ всѣхъ четырехъ частей эскадры: начальника штаба вице-адмирала Камимура и контръ-адмираловъ: Насива, Миссу, Дева и Уріу. Совѣтъ единогласно рѣшилъ немедленно напасть на Портъ-Артуръ, пользуясь переполохомъ въ русской флотиліи и тѣмъ, что, по донесенію «Читасе», она не успѣла еще сняться съ якоря. Въ одиннадцать часовъ было отдано приказаніе, и 15 лучшихъ японскихъ судовъ и миноноски выступили «походной колонной». На 8,000 метровъ отъ Портъ-Артура эскадра перестроилась и пошла къ Ляотешаню.

Приблизившись японцы увидѣли что русская эскадра уже въ полной боевой готовности, но среди входа въ открытый рейдъ находятся на боку два судна, сильно мѣшающія ея маневрамъ.

— Бан-зай!.. Бан-зай!... раздалось на японскихъ судахъ обычное восклицаніе въ честь микадо, значущее «многая лѣта» или замѣняющее наше «ура».

Въ отвѣтъ «одно изъ наклоненныхъ судовъ» послало выстрѣлъ. Японцы отвѣтили съ праваго фланга. Они страшно опасались русскихъ истребителей, и велика была ихъ радость, когда они убѣдились, что свѣдѣнія Того невѣрны, и истребителей у насъ не оказалось. Но за то «вдругъ появился какой-то неизвѣстный крейсеръ и, приблизившись на 4,000 метровъ къ японской эскадрѣ, сталъ сражаться изумительно храбро. Но встрѣченный нашимъ убійственнымъ огнемъ, смѣльчакъ принужденъ былъ вернуться въ портъ».

«Для насъ было чрезвычайно невыгодно держаться все время 8,000 метровъ, но русскіе, вѣроятно, зная, что у насъ значительно больше 6-ти дюймовыхъ, чѣмъ 8-ми дюймовыхъ пушекъ, ближе насъ не подпускали. Впрочемъ, и у нихъ ни одинъ снарядъ не попалъ въ наши суда, такъ что поврежденія наши незначительны».

Затѣмъ безъ комментарій перепечатаны извѣстныя донесенія Того и Алексѣева, списокъ убитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ при чемъ у себя японцы насчитали 4 убитыхъ, 2 умершихъ отъ ранъ и 40 раненыхъ.

Японцы сознаются, что сперва считали «Полтаву» жертвой японской мины, но потомъ убѣдились, что мина была русская.

Извѣстная басня о балѣ у высокопоставленной именинницы проникла и въ японскую печать. Но «Нитиро-Сенси» передаетъ ее въ совершенно иной редакціи.

«Въ то время когда мы напали на Портъ-Артуръ, въ городскомъ театрѣ шло веселое представленіе: «Русско-японская война». Безпечные офицеры-русскіе смотрѣли какъ разъ тотъ актъ, который назывался «Побѣда Россіи», и изъ-за бутафорской пальбы на сценѣ не слыхали, настоящей пальбы на морѣ. И вотъ, судьбѣ угодно было чтобы «Побѣда Россіи» способствовала побѣдѣ Японіи»

Можно ли возмущаться этою баснею послѣ того какъ наши собственныя русскія газеты стремились распространить еще болѣе «насъ принижающій обманъ»?

Послѣ всеподданнѣйшихъ донесеній идетъ высочайшая благодарность микадо и микадессы на имя Того «за истребленіе русскихъ судовъ и поднятіе японскаго духа.»

Затѣмъ,—телеграмма изъ Чифу о потопленіи «Аскольда» (?),

который по сообщенію американскаго парохода «Буріадэсъ» (?) пошелъ ко дну 13-го февраля, утромъ. Въ этотъ же день два миноносца «Хаятори» и «Ассачири», несмотря на штормъ, подошли къ Портъ-Артуру. Первый пустилъ мину, и слышенъ былъ взрывъ—навѣрно «Баяна».

Теперь перейдемъ къ интересному описанію боя подъ Чемульпо. Но предварительно коснемся вопроса о заграничныхъ корреспондентахъ.

Они играютъ большую роль въ современной политикѣ.

Поэтому небезъинтересно ознакомиться съ ихъ составомъ по даннымъ японскаго штаба:

англійскихъ корреспондентовъ—20,

американскихъ—15,

французскихъ—2,

нѣмецкихъ—2.

Всѣхъ остальныхъ, считая и китайцевъ,—7.

Не правда-ли, какія краснорѣчивыя цифры, въ особенности если ихъ сравнить съ данными нашего петербургскаго коресспондентскаго бюро.

На невольное сравненіе, pour la bonne bouche, напрашивается сообщеніе японскаго штаба о японской Пуаре.

Артистка Садо-Якко просилась у военнаго министра... въ русскія войска въ качествѣ военной корреспондентки! Она увѣряла, что ее русскіе встрѣтятъ съ распростертыми объятіями, потому что у нея есть какая-то медаль и часы, пожертвованныя ей во время пріѣзда въ Россію русскимъ Государемъ.

Министръ отвѣтилъ энергичнымъ отказомъ на эксцентричную просьбу экстравагантной актрисы, но не смогъ ей отказать, когда она черезъ нѣсколько дней пришла проситься въ японскія войска въ качествѣ корреспондентки какой-то англійской (sic!) газеты.

И вотъ, въ pendant къ г-жѣ Пуаре у насъ, въ Японіи, имѣется г-жа Сада-Якко. При послѣдней состоитъ супругъ ея Кавакамп.

По примѣру прежней японо-китайской войны, Каваками собираетъ на мѣстѣ матеріалъ для пьесы изъ быта войны. Во время японо-китайской войны имъ было сочинено цѣлыхъ пять обозрѣній и пьесъ-феерій на военные сюжеты.

Теперь вернемся къ бою у Чемульпо.

ВЕЧЕРЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

«Русь» 23 Апрѣля.

Брандеры. — Пушка Арисака. — Бой у Чемульпо. — Самурайство «Варяга». — Отъѣздъ барона Розена. — Выселеніе 3000 японцевъ изъ Владивостока.

Телеграммы полны самаго животрепещущаго интереса. Онѣ говорятъ о томъ мужествѣ, съ которымъ ведутъ войну обѣ стороны. Это мужество составляетъ такой общій характеръ дѣйствій и той и другой стороны, что не отличишь, гдѣ кончается побѣда, гдѣ начинается пораженіе.

Вдумайтесь въ бой подъ Чемульпо,—какой побѣдой духа является онъ!

Вдумайтесь въ кровавое отступленіе отъ Ялу... его подробности... Этотъ 11-й полкъ, который два часа продержался на своей ужасной позиціи и послѣ того имѣлъ мужество пробиться въ штыки... Этотъ крестоносецъ-священникъ впереди арміи... Эти карабкающіеся на горы подъ убійственнымъ огнемъ пушекъ Арисака солдаты, на себѣ пытающіеся проволочь пулеметы... Все это потрясающія картины, наталкивающія на широкія обобщенія...

Но вдумайтесь также и въ подробности послѣдняго японскаго пораженія такъ, какъ его рисуетъ русскій корреспондентъ—В. И. Немировичъ-Данченко.

Японскіе брандеры шли на вѣрную смерть... На первомъ изъ трехъ весь экипажъ собрался на носу и съ криками «банзай» пошелъ ко дну... На второмъ въ тѣ мгновенія, когда надо бы думать о пощадѣ, экипажъ забрался на мачты и оттуда даетъ сигналы... и опять «банзай!..» Ихъ шлюпки не выкинули ни одного флага пощады... Тонувшій японецъ въ тотъ моментъ, когда его спасали, пытается удавиться, а другой—спасенный офицеръ, дѣлаетъ надъ собой харикири...

О пушкѣ Арисака наши телеграммы говорятъ, какъ о какой-то удивительной новости. И въ той же группѣ телеграммъ, тѣснящихся вокругъ боя на Ялу, въ той же группѣ телеграммъ, гдѣ говорится объ этомъ открытіи, находится и такая телеграмма изъ Лондона.

«Изобрѣтатель орудій «Арисака» высказалъ мнѣніе, что русскія дальнобойныя орудія могутъ дѣйствовать съ успѣхомъ только при телескопическомъ прицѣлѣ».

Мы объ японскихъ пушкахъ ничего не знаемъ, а они объ нанихъ—даже подробности.

Читатели «Руси», можетъ быть помнятъ, что въ одномъ изъ «Японскихъ вечеровъ» я упоминалъ имя Арисака. При обзорѣ дѣятельности японскаго департамента открытій и изобрѣтеній это имя открывало списокъ премированныхъ лицъ.

Я спросилъ Такаки-Сана:

— Въ чемъ заключается усовершенствованіе Арисаки?

— Въ портативности пушки, въ ея дальнобойности и скорозаряжаемости... Болѣе подробно я вамъ и не могу, и не умѣю разсказать...

— А давно ли она изобрѣтена?

— Лѣтъ 6—8. О ней въ японской спеціальной литературѣ существуетъ цѣлая полемика, пока наконецъ она не была принята въ японскій флотъ и армію...

Больше ничего мои собесѣдники о пушкѣ не знали.

Но я думалъ:

Разъ пушка эта изобрѣтена 8 лѣтъ тому назадъ, не можетъ быть, чтобы о ней не знали мы, русскіе—сосѣди японцевъ!

И я въ бесѣдахъ кое съ кѣмъ изъ военныхъ авторитетовъ касался этого вопроса.

Одни отвѣчали:

— Что эта за пушка?—не знаю. Какое-нибудь пустячное усо-

вершенствованіе и о ней уже затрубили: вѣдь японцы это такіе любители рекламы, что изобрѣтутъ на пятакъ, а криковъ на цѣлковый...

Другіе говорили рѣзче:

— Никакого изобрѣтенія нѣтъ. Ну, могутъ ли изобрѣтать макаки? Они могутъ только передразнивать, а не изобрѣтать!..

Въ газетахъ о боѣ на Ялу появилось не мало и японскихъ телеграммъ.

Русская публика читаетъ донесенія генерала Куроки и думаетъ:

— Вѣрить или не вѣрить ему?

Чтобы показать, насколько соотвѣтствуютъ истинѣ донесенія японскихъ адмираловъ и генераловъ военному штабу, привожу изъ послѣдняго номера «Питиро-Сенси», описаніе боя подъ Чемульпо, составленное журналистомъ по донесеніямъ Уріу.

Вотъ какъ японскій журналистъ, сотрудникъ «Питиро-Сенси», описываетъ бой у Чемульпо.

«7-го февраля развѣдочный крейсеръ «Чіода» донесъ контръ-адмиралу Уріу о нахожденіи русской эскадры у Чемульпо и о томъ, что кромѣ русскихъ имѣются суда: американское, французское, итальянское, англійское и корейское.

«8-го, рѣшено было высадиться у Чемульпо, при чемъ Уріу запретилъ стрѣлять, такъ какъ это— нейтральный портъ. По сигналу

時事新報
世界第一ノ最良煉乳
謹賀新年
恭賀新年
大黒繻子

бронированнаго крейсера «Асама» десантъ былъ произведенъ весьма удачно. «Варягъ» и «Кореецъ» ничуть не пытались воспрепятствовать ему. Замѣтивъ, что «Кореецъ» хочетъ выйти изъ порта, три миноноски стали «слѣдить» за нимъ. Тутъ вдругъ «Кореецъ» внезапно выстрѣлилъ. Но Уріу на выстрѣлъ не отвѣтилъ. Онъ приказалъ только «Чіода» и «Такачихо» крейсировать около «Варяга» и «Корейца», отнюдь не дѣйствуя наступательно. «Варягъ» и «Кореецъ» вернулись въ портъ и встали между иностранными судами. А японская эскадра расположилась амфитеатромъ, чтобы не выпускать ихъ.»

Уріу все «слѣдитъ» да «крейсируетъ», а о трехъ выстрѣлахъ минами ни полслова... Очевидно, онъ отлично понимаетъ некрасивость этого поступка и помалкиваетъ о немъ.

«9-го, въ 7 часовъ утра, Уріу прислалъ командиру «Варяга» предложеніе оставить Чемульпо до 12-ти часовъ дня, съ угрозой въ противномъ случаѣ стрѣлять въ него. Остальные командиры иностранныхъ судовъ были извѣщены о перерывѣ мирныхъ отношеній между Японіей и Россіей и имъ предложено было очистить рейдъ. Англійское судно «Тальботъ» и французское «Паскаль» тотчасъ же отвѣтили, что ни въ какомъ случаѣ не покинутъ рейда.

Тогда «Варягъ» и «Кореецъ»,

въ надеждѣ на безумную удачу, пытались уйти изъ рта невредимыми. Но они не замѣтили, что за островомъ стоялъ громадный бронированный крейсеръ «Асама». Едва обогнули они берегъ, какъ наткнулись на него.

Увидя его, они все же, не потерявъ мужества, выстрѣлили въ него и пытались прорваться къ отрытому морю. «Асама» и «Чіода» отвѣтили на выстрѣлы, и завязался бой.

Остальныя суда сначала наблюдали, стоя кругомъ, а затѣмъ отошли отъ боя, и на аренѣ остался одинъ «Варягъ». Съ самурайской отвагой онъ сражался до сорока восьми минутъ перваго, когда вдругъ на немъ начался пожаръ. Тогда онъ прекратилъ стрѣльбу, и затонулъ. Съ японской стороны выстрѣлы продолжались до 15 минутъ второго.

Въ половинѣ пятаго видѣнъ былъ дымокъ «Корейца», а на другой день отъ него осталась только труба да мачта.

Транспортъ «Сунгари» забралъ экипажъ и перевезъ его на французское судно «Паскаль».

Вотъ и все.

Такъ описалъ японскій историкъ славное дѣло подъ Чемульпо...

Въ этомъ описаніи нѣсколько разъ нашими врагами воздается должное «самурайству» нашихъ героевъ.

Въ интервью же съ командиромъ «Чіода», печатаемомъ въ томъ же номерѣ журнала ниже, тотъ съ восторгомъ отзывается о командирѣ «Варяга», какъ о человѣкѣ беззавѣтно храбромъ, находчивомъ и симпатичномъ—«жаль, что онъ страдалъ отъ раны». Что же касается до командира «Корейца», то онъ почему-то кажется японскому капитану «не свѣтскимъ, суровымъ воякой».

Въ этомъ же интервью разсказывается, какъ во время страшныхъ тумановъ не было возможности различать сигналовъ, и пришлось русскимъ и японцамъ пользоваться безпроводнымъ телеграфомъ.

— Разъ былъ случай, что наше судно по ошибкѣ получило русскую телеграмму, но прочесть ея мы не смогли. Поняли только слово «Аскольдъ», которое встрѣчалось нѣсколько разъ!

Очень интересная статья, «Отъѣздъ барона Розена».

Русскаго посла провожали съ помпезною торжественностью. До 500 человѣкъ высшей знати собралось на вокзалъ. Тутъ были и

министры, и церемоніймейстеръ, и Ито, и Ямато, и послы и дже адъютанты .отъ микадо и микадессы съ драгоцѣнными подарками.

Баронъ Розенъ будто бы былъ растроганъ до слезъ и воскликнулъ:

— Все сдѣлалось не такъ, какъ я думалъ и хотѣлъ... Поэтому я немедленно выйду въ отставку (sic)!

«Изъ вагона онъ смотрѣлъ, будучи, видимо, тронутъ, и все кланялся». И народу было очень жаль его.

Еще трогательнѣе описано выселеніе 3,000 японцевъ изъ Владивостока. Русское населеніе будто-бы такъ полюбило и привязалось къ японцамъ, что со слезами на глазахъ разставалось съ ними.

Тутъ плачутъ русскія дѣти, у которыхъ отнимаютъ няньку-японку.

Тутъ—отнимаютъ младенца отъ груди японки-кормилицы.

Тутъ плачетъ мужъ, разставаясь на вѣки со своей «временной женой».

Тамъ—господа просятъ за прислугу.

Управляющій русскимъ банкомъ будто-бы пришелъ къ консулу съ нянькой. «Цѣловалъ руки»—просилъ остаться. И она осталась.

Вотъ что даетъ японская печать своимъ читателямъ о войнѣ.

Кстати изъ той же книжки журнала приведу не лишенныя интереса и маленькія, но характерныя подробности о японскомъ Красномъ Крестѣ.

Изъ иностранныхъ сестеръ милосердія въ немъ больше всего... американокъ.

Уже къ началу военныхъ дѣйствій въ Портъ-Артурѣ число японскихъ сестеръ милосердія превышало тысячу.

Европейскіе Красные Кресты, французскій, нѣмецкій, испанскій и итальянскій поспѣшили на помощь пожертвованіями.

При этомъ французскій Крестъ предложилъ пожертвованіе натурой—медикаментами и перевязочными матеріалами, а германскій—деньгами.

ВЕЧЕРЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

«Русь» 28 Апрѣля.

«Нитиро-Сенси-Дикко». — Какъ матросы готовились къ смерти. — Письмо матроса. — Русскіе раненые въ Машсу-Яма. — Выставка цвѣтовъ.

Въ Петербургъ пришла послѣдняя книга японскаго журнала, еще болѣе популярнаго, чѣмъ «Нитиро Сенси».

Одинъ изъ подписчиковъ «Руси» въ письмѣ выражаетъ недоумѣніе:

«Какимъ образомъ короткое заглавіе это вы переводите черезъ три слова «русско-японская война? «Сенси»—значитъ война, это я знаю. Но гдѣ вы въ словѣ «нитиро» находите Японію и Россію?»

Съ удовольствіемъ отвѣчаю любознательному корреспонденту. Слово «нитиро»—теперь самое модное въ Японіи. Произошло оно отъ слова «Нипонъ», т. е. Японія и слова «Россія». Отъ обоихъ этихъ словъ взято по первому слогу и соединено посредствомъ «ти». Такимъ образомъ «нитиро» буквально и точно значитъ «японско-русскій».

Это слово въ качествѣ эпитета прилагается теперь къ тысячамъ вещей и понятій, какъ у насъ когда-то слово «франко-русскій»: къ мылу, помадѣ, духамъ, къ галстухамъ... Въ каждой газетѣ есть отдѣлъ «нитиро». Новый журналъ, полученный вчера, называется «Нитиро-Сенси Дикки» т. е. «Русско-Японское Обозрѣніе».

Въ немъ глубокое впечатлѣніе производитъ статья «О брандерахъ»... Это описаніе относится къ первой попыткѣ запереть выходъ изъ Портъ-Артура, но все это повторилось на дняхъ...

До сихъ поръ мои друзья враги вели себя чрезвычайно сдержанно, безучастно, объективно переводя статьи. Но во время пересказа трогательныхъ подробностей приготовленія волонтеровъ къ попыткѣ затопить самихъ себя ихъ голосъ дрожалъ:

«Брандерами были назначены пять большихъ пароходовъ. Прежде всего для истребленія непріятельской эскадры должны были пойти эскадренные миноносцы. За ними—брандеры, а далѣе флотилія контръ-миноносцевъ для спасенія экипажа брандеровъ. Для прикрытія всѣхъ этихъ судовъ назначенъ былъ крейсерскій отрядъ.

Всей командѣ пяти назначенныхъ брандерами пароходовъ приказано хранить подготовку къ дѣйствіямъ въ строжайшемъ секретѣ. Поэтому они запасы угля произвели въ портѣ Модзи, а за взрывчатымъ веществомъ пошли въ Сасебо, предварительно выкрасивъ себя въ боевой цвѣтъ.

Главнокомандующимъ отряда былъ назначенъ адмиралъ Камимура.

Ему предстояла задача выбрать экипажъ для брандеровъ. И вотъ Камимура возвѣщаетъ командѣ всѣхъ 16-ти судовъ слѣдующее:

«Для того, чтобы погубить непріятеля, мы рѣшились заградить входъ въ Портъ-Артуръ.

Это самое трудное предпріятіе во флотской службѣ. Но, судя по теперешнему положенію вещей, оно является для насъ чрезвычайно важнымъ.

Господа, кто пожелаетъ изъ васъ принять на себя такое отвѣтственное и трудное дѣло?

Пусть откликнутся только тѣ, кто чувствуетъ въ себѣ готовность и силы умереть за родину.

Я не могу скрыть отъ васъ, что переступить бортъ брандера значитъ идти на вѣрную смерть».

И лишь только облетѣлъ этотъ призывъ всѣ суда, какъ командиры судовъ стали осаждаться предложеніями солдатъ. Каждый просился на брандеръ. Нѣкоторые матросы, видя, что желающихъ такъ много, а на брандеры потребуется не больше сотни человѣкъ, рѣшились на крайнюю мѣру, чтобы растрогать начальника и обратить на себя вниманіе,

Они сдѣлали то, что вычитали въ стародавнихъ самурайскихъ легендахъ:—отрѣзали мизинецъ и обрубкомъ приложили кровавую печать къ своему прошенію.

Въ десять часовъ утра стало извѣстно предложенiе Камимура, а къ полудню уже явилось около двухъ тысячъ волонтеровъ.

Камимура долженъ былъ выбрать 77 человѣкъ такъ, чтобы не обидить ни одного изъ 16 судовъ. И онъ взялъ по возможности по равному числу матросовъ съ каждаго. Среди волонтеровъ выбрано также пять офицеровъ и пять инженеровъ.

Черезъ нѣсколько дней пришли къ главной эскадрѣ уже совсѣмъ готовые брандеры.

При прощанiи съ волонтерами адмиралъ Камимура сказалъ задушевно и просто:

— Дѣти мои, я посаылю васъ въ самое опасное мѣсто, подъ самый страшный огонь непрiятеля. Своихъ собственныхъ дѣтей я бросаю въ жерло пушки... Да, вѣрьте мнѣ, что если-бы у меня были дѣти, они съ завистью-бы смотрѣли на васъ, а я не задумываясь послалъ-бы и ихъ съ вами... Идите, идите, мои дѣти, и покажите непрiятелю только одну вещь—мужество самурая страны восходядяшаго солнца!.. Если потеряте правую руку, дѣйствуйте лѣвой... Если лѣвую потеряйте, работайте ногами... Помните, что васъ всего только 70 человѣкъ, а дѣло вамъ поручено огромное, значитъ—на каждаго падаетъ большая отвѣтственность... Пока еще не поздно—откажитесь тѣ, кто чувствуетъ себя не достаточно хладнокровнымъ.. Позоръ не отказаться, а позоръ не неотказаться, когда въ душѣ есть хоть тѣнь сомнѣнiя въ своихъ силахъ!..

— «Банзай!»...—воскликнули волонтеры.

Камимура продолжалъ:

— Теперь я вамъ приказываю: умрите всѣ до единаго. Но пусть ни одна изъ вашихъ смертей не будетъ радостью для непрiятеля, пусть ни одна изъ смертей не будетъ безполезной, пусть смерть придетъ ужъ тогда, когда дѣло будетъ сдѣлано! На прощанье я не предлагаю вамъ шампанскаго, потому что дѣло ваше требуетъ яснаго духа и отчетливаго сознанiя въ каждомъ движенiи... Шампанское темнитъ ясность духа и мысли... Выпьемъ общую чашу чистой воды, герои страны вишневаго дерева!.. Выпьемъ и идите на свои корабли-могилы...

И адмиралъ зачерпнулъ кубкомъ, подаренным ему наслѣднымъ принцемъ, воды, отпилъ, и передалъ другимъ...

— Банзай!.. Банзай!..

И съ криками слилисъ звука оркестра...

Дальше идетъ описаніе боя. Не привожу его, потому что это значило-бы повторять описаніе боя съ брандерами, уже данное у насъ.

Приведу лучше письмо матроса, участника въ этомъ дѣлѣ, къ брату.

«Прости меня, что я тебѣ такъ долго не писалъ. На меня выпало счастье попасть на брандеръ, не смотря на то, что попасть на него было страшно трудно. Желающихъ было такъ много, что со всего нашего судна удалось добиться этой самурайской чести только четверымъ. Теперь я пишу съ броненоснаго крейсера «Якума», который спасъ меня, не знаю, къ счастью, или къ несчастью. Три мои товарища утонули. Когда брандеръ подо мной сталъ погружаться въ воду, я началъ взбираться по мачтѣ кверху. Брандеръ ниже,—я выше. Наконецъ брандеръ ушелъ въ воду весь, я же достигъ верхушки мачты. Сорвалъ съ вершины флагъ и съ флагомъ въ рукахъ, съ крикомъ «банзай»! я кинулся въ воду. Очнулся я на палубѣ «Якума». Я подалъ флагъ командиру, а онъ, съ дозволенія его высочества принца Ямасина разрѣшилъ мнѣ оставить его себѣ. И вотъ теперь, если вернусь домой живымъ, я покажу тебѣ это самое дорогое мое достояніе. Принцъ наградилъ меня золотомъ—25 іенъ, а командиръ угостилъ шампанскимъ. Всѣ кричали «банзай». А я отъ радости плакалъ».

Въ этомъ же номерѣ интересна статья: «Русскіе раненые въ Японіи».

Въ настоящее время 22 русскихъ раненыхъ при боѣ въ Чемульпо лежатъ въ госпиталѣ въ г. Матсу-Яма.

Первое время, вслѣдствіе незнакомства съ правами японцевъ, они безпокоились за свою судьбу. Но когда они были доставлены въ госпиталь, гдѣ имъ предложили чистыя комнаты, новыя постели и мебель, они мало по малу успокоились. Госпиталь устроенъ въ живописнѣйшей мѣстности, которая считается однимъ изъ самыхъ достопримѣчательныхъ видовъ въ Японіи.

Къ раненымъ всегда открыты двери для посѣтителей, поэтому ихъ почти ежедневно навѣщаютъ представители разныхъ благотворительныхъ обществъ, которые стараются утѣшить больныхъ.

Нерѣдко они являются съ гостинцами.

Такое вниманіе окружающихъ вліяетъ очень благотворно на настроеніе раненыхъ.

Когда больные были только что приняты въ лазаретъ Краснаго Креста въ Чемульпо, всѣ они были въ крайне тяжеломъ положеніи. Двумъ тяжело раненымъ изъ нихъ отняли ноги до бедра. Къ сожалѣнію, эта операція была уже произведена на французскомъ крейсерѣ очень неудачно, поэтому одному надо было рѣзать ногу вторично, такъ какъ она начала уже гнить. Затѣмъ на другой день двумъ раненымъ опять отняли ногу—одному до бедра, другому до колѣна. Всѣ эти операціи увѣнчались успѣхомъ, и теперь нѣкоторые больные совсѣмъ уже выздоравливаютъ.

Вслѣдствіе разрыва гранаты на мелкіе какъ дробь куски, одинъ больной имѣетъ до 168 ранъ, величиною отъ золотого іена до мелкихъ какъ зерна риса.

У остальныхъ тоже серьезныя раны: переломъ кости, вырванное тѣло и т. д. Еще при лазаретѣ въ Чемульпо осколки, проникнувшіе внутрь тѣла, вынимались при помощи рентгеновскихъ лучей Тѣмъ которымъ нельзя было проводить рентгеновскихъ лучей, вслѣдствіе весьма высокой температуры, сдѣлана была операція послѣ прибытія въ госпиталь Матсу-яма.

Долгое время непріятностью для раненыхъ было посѣщеніе ихъ офицерами. Больные смотрѣли на нихъ враждебными глазами, вспоминая конечно, бой подъ Чемульпо.

Когда раненые узнали о своемъ отправленіи изъ Чемульпо въ Японію, они было просили не везти ихъ туда, представляя себѣ, вѣроятно, что въ Японіи ихъ убьютъ. Но все-таки имъ пришлось отправиться въ Японію вмѣстѣ съ ранеными японцами, которые были привезены съ портъ-артурскаго сраженія.

Однако, на пути къ порту Модзи русскіе и японскіе матросы сошлись до того, что стали угощать другъ друга папиросами, чаемъ и разговаривать о боѣ.

Японскимъ матросамъ пришлось остаться въ госпиталѣ въ Модзи, а русскимъ слѣдовать дальше въ Матсу-яма. Послѣдніе опять начали было безпокоиться о своей судьбѣ.

Когда же докторъ извѣстилъ всѣхъ о томъ, какъ будетъ производиться операція, каково продовольствіе, о свободѣ корреспонденціи и т. д., въ русскихъ комнатахъ госпиталя все успокоилось.

Такъ сообщаетъ японскій журналъ.

* * *

— Были вы на выставкѣ цвѣтовъ въ Таврическомъ дворцѣ?

— Нѣтъ. Развѣ хороша очень?

— Выставка бѣдная, жалкая. Калхасъ бы воскликнулъ: Цвѣты!.. Слишкомъ мало цвѣтовъ!..

Но вамъ все-таки слѣдовало бы ее посѣтить и полюбоваться на выставленные тамъ С. П. Дурново замѣчательные экземпляры карликовой японской культуры!.. Представьте себѣ стодесятилѣтній кленъ высотою въ... 8 вершковъ!.. Или Evonimns asiaticus 150 лѣтъ отъ роду, ростомъ въ 10 вершковъ!.. Вы видите совершенно развитое, даже больше—дряхлое дерево, но такимъ, какъ будто бы вы разсматриваете его черезъ бинокль, перевернутый вверхъ ногами... А эта живописная столѣтняя старушка туя, помѣстившаяся на маленькомъ кусочкѣ туфа, — какимъ чудомъ достигнута ея миніатюрность· Какой волшебникъ взмахомъ магической палочки превратилъ великана въ карлика?..

Этотъ волшебникъ—голодъ. Вотъ этотъ кленъ цѣлыя сто лѣтъ держался впроголодь,—на самой адской діетѣ! Поливался самыми гемеопатическими дозами и росъ по полвершка въ десятилѣтіе!.. Какою адскою настойчивостью, терпѣніемъ, прилежаніемъ и искусствомъ нужно было обладать, чтобы въ теченіе 100 лѣтъ, то есть въ теченіе нѣскольких поколѣній изо дня въ день держать дерево чтобы онъ не могъ умереть, но и не могъ вырости... На такую культуру способенъ только желтолицый человѣкъ...

ВЕЧЕРЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

«Русь» 3 Мая.

Объявленіе о «Капитанской дочкѣ». — Хооци. — Какъ живетъ семейство адмирала Того. — Министерская поэзія. — О русскихъ силахъ. — Провозоспособность Россіи. — Провіантъ. — Бюро о раненыхъ. — Попечительство о семьяхъ воиновъ. — Обезпеченіе осиротѣвшихъ.

Въ газетѣ „Хооци", т. е. „Извѣстія" появилось напечатанное краснымъ такое объявленіе:

„Капитанская дочка"—романъ знаменитаго Пушкина. По этому сочиненію можно себѣ представить характеръ русскаго самураи и внутренній порядокъ русской арміи. Герой романа—молодой офицеръ, героиня—прекрасная дочь капитана. Эпоха—Пугачевскій бунтъ, подобный нашему «Теннуи бо», бывшему 300 лѣтъ тому назадъ при третьемъ шогунѣ."

— Уже по этой рекламѣ вы видите, что имѣете дѣло съ газетой для простого народа,.. Вѣдь „Капитанская Дочка" давнымъ давно переведена въ „Іомп-Мури" и не нуждается ни въ какой рекламѣ... Ее уже всякій интеллигентъ прочиталъ и всякій знаетъ, что по этому роману накакого заключенія о современной русской арміи дѣлать невозможно... Но этотъ книго-торговецъ въ данномъ случаѣ поступилъ совершенно такъ же, какъ большинство русскихъ издателей. Послѣдніе тоже рекомендуютъ знакомиться съ японской арміей по сочиненіямъ, не болѣе пригоднымъ, чѣмъ „Капитанская дочка"...

— Ну что же, тѣмъ лучше, если мы познакомимся и съ простонароднымъ органомъ...

Большинство статей въ немъ не превышаетъ сотни строкъ. Содержаніе почти исключительно военное. Типичной статьей можетъ быть сочтена „О семействѣ адмирала Того".

„Сотрудникъ нашей газеты посѣтилъ вчера семью адмирала Того и спѣшитъ подѣлиться впечатлѣніемъ, которое вынесъ изъ своего визита.

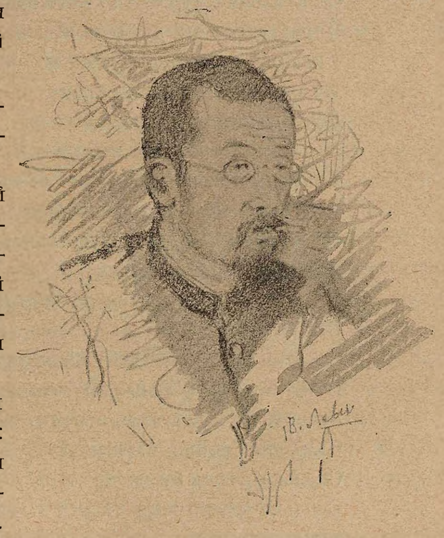
Супруга адмирала живетъ чрезвычайно скромно и всячески

старается забыться въ различныхъ домашнихъ хлопотахъ и заботахъ. Она изгнала всякую роскошь изъ своей обстановки.

До войны она принимала ванну ежедневно. А теперь въ знакъ траура купается черезъ два дня на третій.

До войны она покрывалась двумя одѣялами. А послѣ отъѣзда адмирала покрывается однимъ. Дѣлается это для того, чтобы въ ночномъ холодѣ сильнѣе чувствовать страданія, которыя перетерпѣваетъ ея супругъ, находящійся въ грозной военной обстановкѣ.

Если бы всѣ наши дамы подражали этой благородной особѣ!

Объ увеселеніяхъ адмиральша, конечно, и не думаетъ.

Но за то она каждый день, ходитъ въ патріотическую общину сестеръ милосердія, членами которой состоятъ принцессы, генеральши, супруги пословъ и вся знать Токіо.

Всѣ эти дамы заняты теперь спѣшной работой: наматываютъ въ клубки 300,000 кусковъ пожертвованной для бинтовъ ленты. Каждая изъ сестеръ обязана приготовить въ день по сто кусковъ.

Нечего и добавлять, что всего успѣшнѣе работа идетъ у г-жи Того. Проведя въ общинѣ 5—6 часовъ, она идетъ домой и дома все свободное время шьетъ колпаки для раненыхъ.

При этомъ она собираетъ троихъ своихъ дѣтей и разсказываетъ подробности о положеніи ихъ отца и о побѣдахъ надъ русскими.

До войны дѣти ѣздили въ школу въ экипажахъ. Теперь же адмиральша приказала имъ ходить пѣшкомъ, даже въ дождливую погоду.

Старшая дочь Того собирается на войну сестрой милосердія.

Если бы всѣ семьи наши брали примѣръ съ этой».

Въ этой газетѣ приведена патріотическая пѣснь, сочиненная

въ департаментѣ печати при военномъ министерствѣ. Во время манифестацій ее пѣла вся молодежь:

Поднялася буря съ Урала,—
Поднялся орелъ отъ востока,—
Захватилъ всю Сибирь вплоть до моря...
Не напился Сибири рѣками,—
Проглотилъ и Манчжурію тоже...
И все ширясь, орелъ этотъ дикій
Съ каждымъ годомъ на насъ наступаетъ,
Надругаться желая надъ миромъ...
Какъ ни страстно желали мы мира,
Не смогли просидѣть, сложа руки...
Развѣвайтесь знамена микадо!
Духъ воинственный вспыхни въ народѣ!
Вспомни ты, какъ коварно былъ отнятъ,
Самурайскою залитый кровью
Ляодунскій у насъ полуостровъ...
Незабвенная это обида,—
Въ десять лѣтъ мы ея не забыли,
Въ сотни лѣтъ мы ея не забудемъ...
Сахалинъ, гдѣ рычанье медвѣдя,—
Встарину былъ японской землею...
Зависть русская такъ протянулась,
Какъ въ Сибири теченье Амура!
Сколько снѣга въ сибирскихъ равнинахъ,
Сколько зависти въ сердцѣ Россіи!
Въ шестьдесятъ разъ обширнѣе Ниппона,
Говорятъ намъ, россійское царство!—
Ну, а сколько въ немъ тундръ и пустыней?...
Населеніе—вчетверо больше!—
Да не вчетверо-ль больше и розни,—
Шесть десятковъ племенъ разнородныхъ!..
Истощилась казна казначейства
И народъ бѣденъ тѣломъ и духомъ...
Насъ пугаютъ, какъ встарь, казаками,
Но отъ нихъ лишь одно вспоминанье...
Какъ ничтожна Россіи эскадра,
Какъ ничтожны твердыни Артура...
Укрѣпленная кровью народа,

Гордо рѣжетъ прозрачныя воды
Гордость Ниппона, флотъ нашъ могучій...
Въ каждой минѣ и въ каждомъ снарядѣ
Скрытъ духъ націи, духъ патріотовъ...
Предъ лучемъ восходящаго солнца
Ледяная эскадра Россіи
Вся растаетъ... О, братья, вставайте!..
Наступила пора для расплаты,
На высотахъ сѣдого Урала
Водрузите Японіи знамя!..

Не далеко отъ этого хвастливаго стихотворенія ушли и прозаическія статьи о русскихъ военныхъ силахъ.

«Въ русской арміи достойны вниманія только артиллерія и кавалерія. Ими Россія и хочетъ дать намъ страшный отпоръ.

Конечно, ея артиллерія не плоха. Но и не такъ ужъ хороша, чтобы можно было ею хвалиться. Она хороша только въ сравненіи съ другими частями русской арміи.

Въ самомъ дѣлѣ, русская скорострѣльная артиллерія состоитъ по большой части изъ полевыхъ орудій, которыя очень непортативны. Развѣ можно сравнить съ ними наши превосходныя горныя орудія новѣйшей системы «Арисака», съ ихъ великолѣпнымъ снарядомъ. Хотя Россія и имѣетъ хорошія полевыя орудія, но ихъ снаряды передъ нашими никуда не годятся. А какъ бы хорошо орудіе ни было, оно ничего не значитъ при неважныхъ снарядахъ. Вѣроятно, въ настоящее время (въ началѣ войны) въ русской арміи на Дальнемъ Востокѣ имѣется не болѣе 150 полевыхъ орудій. А мы можемъ выставить на театръ войны чуть не вдвое больше!

Что касается русской кавалеріи, которая прославилась на весь міръ своею львиной храбростью, то и она намъ нисколько не страшна. Она наглядно показала намъ свои недостатки еще въ 1900 г.

Какова бы ни была ея храбрость, она не сможетъ сдѣлать ничего передъ убійственными залпами нашей стойкой и не менѣе храброй пѣхоты.

Посмотримъ, что эти пресловутыя артиллерія и кавалерія покажутъ намъ. Чрезвычайно интересно намъ отвѣдать столь знаменитой русской арміи, какъ мы отвѣдали ужъ русскаго флота».

Мнѣ частенько приходилось читать о воинственномъ задорѣ японской уличной прессы. Но въ «Хооци» лишь впервые пришлось столкнуться лицомъ къ лицу съ этою хвастливою заносчивостью.

Въ другой статьѣ «Хооци» пишетъ:

«Чтобы вознаградить себя за неудачи на морѣ, Россія всячески старается дать намъ отпоръ на сушѣ.

Но на сушѣ для ея арміи существуетъ два великихъ затрудненія: во первыхъ перевозка войскъ, во вторыхъ провіантъ.

Россія можетъ передвигать поѣздъ только 8 разъ въ день между Европейской Россіей и Иркутскомъ, а къ востоку отъ Иркутска не болѣе четырехъ разъ.

Какъ ни старался министръ кн. Хилковъ, онъ не успѣлъ окончить кругобайкальской линіи. Это странно. Вѣдь русское правительство удивительно способно моментально осуществлять свои самыя внезапныя задачи; поэтому мы думали, что въ скоромъ времени оно сможетъ открыть и кругобайкальскую линію.

Такую энергію Россія показала намъ въ русско-турецкую войну, когда она сумѣла послать болѣе 300-тысячъ войска на Дунай; однако, и тогда ей нельзя было снабжать продовольствіемъ такое множество войскъ вслѣдствіе недостатка въ путяхъ сообщенія.

Что касается до запаса провіанта для нынѣ дѣйствующей въ Манчжуріи русской арміи, то онъ находится въ безусловно неблагопріятномъ положеніи.

Склады провіанта находятся во многихъ мѣстахъ Манчжуріи, особенно въ Цицикарѣ и Харбинѣ.

Въ первоклассныхъ складахъ находится по 5,000 пудовъ. во второклассныхъ по 3,000 пудовъ. Всего же въ настоящее время во всей Манчжуріи правіанта не болѣе 820,000 пудовъ.

Допустимъ, что въ Манчжуріи теперь находится войскъ 200.000 человѣкъ; тогда этого провіанта хватитъ только на три мѣсяца. Кромѣ того, надо принять въ разсчетъ, что на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ отъ озера Байкала тянется столь бѣдная мѣстность, что и для тамошняго неселенія запасовъ хватитъ не болѣе какъ на полгода. Скота въ Манчжуріи также мало, да и тотъ весьма плохого качества.

Россіи предстоятъ почти невыполнимыя задачи и это тогда, когда она будетъ совсѣмъ отрѣзана съ моря!»

Если выше приведенныя статьи имѣютъ интересъ курьеза, этого нельзя сказать о статьѣ, описывающей слѣдующую въ высшей степени интересную и симпатичную организацію:

Въ настоящее время въ военномъ и морскомъ министерствахъ

организованъ особый департаментъ подъ названіемъ: «Справочное бюро о раненыхъ и убитыхъ».

Это учрежденіе посылаетъ свой спеціальный отрядъ на поле брани для разыскиванія раненыхъ и убитыхъ и собиранія всякихъ свѣдѣній о нихъ. Добытыя всѣми путями свѣдѣнія этотъ отрядъ сообщаетъ черезъ штабъ дѣйствующей арміи въ главное бюро. Послѣднее же всѣ подробности о раненыхъ и убитыхъ опубликовываетъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Всѣ газеты обязаны, по приказанію правительства, немедленно перепечатывать безъ всякихъ сокращеній эти списки убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ. Мало того, нѣкоторыя газеты обязуются безплатно сообщать о положеніи раненыхъ и убитыхъ на запросы ихъ родныхъ, посредствомъ собственныхъ корреспондентовъ при арміи.

Военный и морской министры вознаграждаютъ каждое семейство убитыхъ нижнихъ чиновъ временнымъ вспомоществованіемъ и особыми похвальными листами.

Кромѣ того, учреждено общество попечительства о семьяхъ отправляющихся на войну нижнихъ чиновъ.

Это общество состоитъ изъ частныхъ лицъ, но вступило въ тѣсное сношеніе съ правительствомъ.

Въ первомъ параграфѣ устава этого общества сказано:

«Общество обязано считать оставшіяся семейства убитыхъ на войнѣ за самыхъ почетныхъ счастливцевъ, а также обязано облегчать безпокойства участвующихъ на войнѣ за свои семьи».

«Почетныхъ счастливцевъ» общество отличаетъ съ помощью правительства слѣдующимъ образомъ:

«а) Правительство раздаетъ всѣмъ семействамъ убитыхъ особенный жетонъ, дающій право на безплатный проѣздъ по трамваямъ, желѣзнымъ дорогамъ, пароходамъ, безплатный входъ въ театры, музыкальные вечера...

(Или совсѣмъ безплатно или съ уступкой 50%).

б) Семейства убитыхъ освобождаются отъ различныхъ налоговъ.

в) Смотря по условіямъ мѣстности, семействамъ убитыхъ даются отъ общества фруктовыя деревья, чтобы можно было пользоваться плодами дерева какъ вѣчнымъ доходомъ.

г) Несовершеннолѣтнія дѣти, братья и сестры убитыхъ пользуются безплатнымъ правомъ ученія до окончанія какого-либо высшаго учебнаго заведенія».

ВЕЧЕРЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

«Русь» 11 Мая.

Русскіе шпіоны — Дѣло руссофила. — редактора «Нироку» Якіяма. — Неприкосновенность военныхъ корреспондентовъ. — Газетный пароходъ Асахи. — Потоплена гласность! — Подпятіе Варяга. — Терпѣніе, терпѣніе, терпѣніе! .. — Просвѣщеніе, просвѣщеніе, просвѣщеніе! ..

Въ то время, какъ у насъ въ Кронштадтѣ народная молва чуть не каждый день ловитъ по японскому шпіону, въ Японіи тоже не дремлютъ. Тамъ такъ же усердно открываютъ русскихъ шпіоновъ.

Весьма интересно и злободневно привести описаніе засѣданія японскаго парламента 27 марта.

Послѣ разрѣшенія нѣкоторыхъ смѣтныхъ предположеній парламентъ совершенно неожиданно для многихъ перешелъ къ вопросу о наказаніи члена нижней палаты Акіяма, обвиняющагося въ шпіонствѣ.

Читателямъ «Японскихъ вечеровъ», вѣроятно, знакомо это имя. Помните, въ одномъ изъ номеровъ «Дзи—дзи» говорилось о закрытіи газеты «Нироку» въ Токіо и объ арестѣ ея редактора Акіяма.

Вотъ судъ надъ нимъ-то и описанъ въ «Асахи», т. е. въ «Восходящемъ Солнцѣ», распространеннѣйшей газетѣ въ Осако.

Торжественно всталъ предсѣдатель коммиссіи, спеціально назначенной для разслѣдованія «дѣла Якіама» и отчетливо во всеуслышаніе прочиталъ пункты, по которымъ редакторъ и членъ нижней палаты обвиняются въ шпіонствѣ:

1) Русско-японскій договоръ прежде всего появился въ экстренномъ приложеніи къ газетѣ Акіяма «Нироку», а оттуда перепечатанъ въ газетѣ «Шаа-Кіан-Поо». Послѣдняя газета издается въ Тян-Цзинѣ французскимъ подданнымъ и является вполнѣ русскимъ органомъ.

2) Акіяма обвиняется въ томъ, что между 22 и 24 іюня 1903 г. въ отелѣ «Шивоя» въ Сума, имѣлъ тайное свиданіе съ генераломъ Куропаткинымъ.

3) Въ Кіото генералъ Куропаткинъ послалъ своего адъютанта возложить вѣнокъ на могилу Осада, съ сыномъ котораго Акіама въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ.

4) Во время отправки японской арміи въ транспортѣ арестованъ корреспондентъ, заподозрѣнный въ русскомъ шпіонствѣ. Этотъ корреспондентъ оказался сотрудникомъ газеты «Нироку».

5) Акіяма имѣлъ два тайныхъ свиданія съ секретаремъ русскаго посланника разъ въ отелѣ «Метрополь», а разъ въ отелѣ «Сакурада».

6) Передовая статья въ газетѣ «Нироку» отъ 16 марта, озаглавленная «Упрекъ правительству», пренебрегаетъ интересами Японіи и служитъ вполнѣ интересамъ Россіи.

7) Акіяма въ короткое время получилъ изъ различныхъ банковъ до 35,000 іенъ, неизвѣстно за что.

Въ такомъ же духѣ составлены и остальные пункты обвиненія. При гробовомъ молчаніи выслушано было это чтеніе.

Предсѣдатель кончилъ, но никто не осмѣливался первымъ нарушить тишину.

Наконецъ всталъ депутатъ Кусуме и прочувствованно сказалъ;

— Господа, мы переживаемъ время необычайнаго подъема духа: Каждый изъ насъ различія пола, возраста, званія, состоянія, готовъ ради императора и отечества на какія угодно жертвы,—жертвы золота, жертвы крови и жертвы духа. И въ это время намъ говорятъ, что появился измѣнникъ отечеству... Гдѣ онъ, гдѣ этотъ чудовищный преступникъ?.. Какая среда вскормила его?.. Какая позорная корпорація считаетъ его своимъ членомъ? И вдругъ намъ говорятъ; эта среда—парламентъ, эта корпорація—мы!.. Измѣнникъ—членъ нижней палаты!.. Неслыханное преступленіе требуетъ и наказанія неслыханнаго... Но мы не можемъ не выслушать объясненія своего поведенія со стороны самого Акіяма... Акіяма!.. Обратитесь къ голосу своей совѣсти и повинитесь передъ нами...

И заговорили другіе ораторы и всѣ кончали рѣчь, требуя объясненій у Акіяма. А онъ сидѣлъ хмурый, понурый, сосредоточенный, принимая плашмя бьющія въ лицо тяжкія обвиненія.

Но вотъ онъ всталъ и грузно подошелъ къ кафедрѣ.

Шумъ нетерпѣнія пробѣжалъ по парламенту и стихъ. И молчаливая тишина напряженно впилась въ рѣчь Акіяма.

— Вы правду сказали, что мы переживаемъ подъемъ общественнаго самосознанія. Но это не только вслѣдствіе того, что намъ приходится рѣшать впервые такія сложныя, трудныя и отвѣтственныя стратегическія задачи, а и вслѣдствіе того, что намъ приходится передъ лицомъ всего цивилизованнаго міра держать экзаменъ по государственности... Вотъ сейчасъ засѣдаетъ нашъ парламентъ, и

глаза всего міра устремлены на него... Развѣ нами когда нибудь интересовались такъ, какъ теперь интересуются?.. Милліарды глазъ устремлены на насъ... и что же видятъ, эти милліарды глазъ?.. Съ изумленіемъ видятъ. какъ не доросли мы до самокритики... Что въ самомъ дѣлѣ представляетъ изъ себя инкриминируемая статья?.. Только критику, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ жестокую и страстную, но все же только критику нашего правительства... Васъ должна была бы остановить отъ обвиненія уже самая страстность тона моихъ рѣчей, которыя я привыкъ произносить и съ высоты этой парламентской кафедры, съ высоты которой я сейчасъ долженъ оправдываться въ томъ, что я,—страшно сказать,—русскій шпіонъ... и съ высоты той кафедры, которой являлось «Нироку», и «Нироку» тоже, увы обвиненное въ измѣнѣ отечеству... Я всегда зналъ, что у меня много враговъ, но никогда не подумалъ бы, что у нихъ хватитъ смѣлости возвести на меня столь тяжкое чудовищное обвиненіе... Вотъ они сидятъ здѣсь, мои враги, которыхъ я неоднократно обвинялъ въ измѣнахъ своему отечеству... Моя судьба почти въ ихъ рукахъ... Но это не заставитъ меня смягчить ихъ характеристикъ, которыя печатались въ «Нироку»... Какъ прежде, какъ въ той злополучной статьѣ, я повторяю: чтобы создать администрацію, которая соотвѣтствовала бы важности и величію переживаемаго момента, нужны великія и выдающіяся лица... А гдѣ у насъ такія?! Такихъ я не вижу въ нашемъ кабинетѣ...

И Акіяма бросилъ въ сторону министровъ взглядъ, полный гадливаго презрѣнія.

— Я самъ отлично сознаю, что статья моя отъ 16 марта была недоброжелательна къ правительству... Пусть парламентъ и судитъ меня за нее... Но пусть парламентъ не срамится передъ лицомъ всего міра, разыгрывая въ угоду министрамъ каррикатуру на дрейфусовскій процессъ... Судите меня за ту статью и вы увидите, продиктована ли она ненавистью къ отечеству или скорбною любовью... Судите,—я прошу!.. Я требую!.. И когда общество произнесетъ свой приговоръ я безропотно подчинюсь ему... Но не смѣшно-ли, не жалко-ли обвиненіе въ измѣнѣ отечеству!.. Измѣна министрамъ не есть еще измѣна отечеству!..

И Акіяма сошелъ съ кафедры.

Тогда иниціаторъ суда надъ нимъ Когава сталъ требовать баллотировки вопроса объ исключеніи Акіяма изъ списка депутатовъ.

— Хотя нижняя палата сама по себѣ имѣетъ право исключить Акіяма, но мы можемъ предложить ему добровольно выйти въ отставку.

Его смѣнилъ редакторъ «Чію-Оо» членъ парламента... Оока:

— Нужно сознаться, что коммисія не нашла точныхъ доказательствъ виновности Акіяма въ русскомъ шпіонствѣ. Ей пришлось оперировать только надъ косвенными уликами... Но и этихъ косвенныхъ уликъ, быть можетъ, вполнѣ достаточно...

Акіяма воскликнулъ:

— Угодно-ли парламенту заниматься сплетнями... Угодно-ли выслушать, зачѣмъ я ходилъ къ знакомому своему генералу Куропаткину... За что получилъ деньги изъ банковъ. Угодно-ли парламенту слушать дрязги?..

Но крики: «не нужно», «не нужно»—прекратили его рѣчь.

. . . .

И Акіяма былъ оправданъ.

Та же самая осакская газета «Асахи» поднимаетъ не безынтересный вопросъ о неприкосновенности военныхъ корреспондентовъ.

Въ началѣ войны эта газета зафрахтовала для своего спеціальнаго корреспондента небольшой пароходикъ, тоннъ въ сто.

Но съ предпріятіемъ газеты случилось несчатіие: пароходикъ этотъ утромъ 26 марта былъ потопленъ близъ острова Мяо-Дао русскою портъ-артурскою эскадрою.

Спастись удалось только капитану судна и двумъ матросамъ которые бѣжали на шлюпкахъ въ Чифу. Десять японцевъ и семь китайцевъ взяты русскими въ плѣнъ.

«Асахи», получивъ извѣстіе о такомъ несчастіи, сильно возмутилась «вѣроломствомъ русской эскадры» и помѣстила кромѣ ряда статей на японскомъ языкѣ, съ воззваніемъ къ японскому общественному мнѣнію, еще и статью на англійскомъ языкѣ:

«Пусть и всѣ живущіе въ Японіи иностранцы узнаютъ о вѣроломствѣ русскихъ моряковъ, не уважающихъ гласности!»...

Странно видѣть этотъ европейскій шрифтъ ни съ того, ни съ сего вкрапленный въ японскіе, азіатскіе газетные столбики:

«Мы взываемъ къ справедливому суду всего человѣчества по поводу возмутительнаго поступка у Мяо-Дао.

«Нами нарочно былъ зафрахтованъ самый маленькій пароходъ, который не могъ имѣть никакого военнаго значенія. Онъ былъ безо-

руженъ и на первый же взглядъ онъ производилъ самое безобидное впечатлѣніе.

«Въ одной изъ телеграммъ изъ Шанхая говорится, что русская эскадра затопила одинъ японскій пароходикъ подъ предлогомъ, что на немъ нашли будто бы мину Уайтхеда.

«Ну а на нашемъ пароходикѣ что нашли?

«Русскіе не потрудились даже произвести какъ слѣдуетъ осмотръ. Осмотръ, вѣроятно, предотвратилъ бы ужасную расправу.

«Но русскимъ захотѣлось повторить то самое варварство, которымъ они удивили міръ при «Накано-Урамару».

«Ими вновь совершено попраніе принциповъ международнаго права. Непростительное преступленіе! Потоплено судно гласности Потоплена гласность,—а гласность—достояніе всего міра.

«Пусть всѣ знаютъ, съ какими варварами мы имѣемъ дѣло, и пусть всѣ знаютъ, что погибшее судно называлось «Ханъ-ен-мару»

Далѣе развивается аналогія между прессой и Краснымъ Крестомъ. «Корреспонденты на войнѣ—это тѣ же братья милосердія. И необходимо, чтобы они получили и защиту наравнѣ съ послѣдними»

Не безынтересны подробности о покойномъ «Варягѣ».

Японцы, оказывается, не теряютъ надежды воспользоваться имъ, какъ военнымъ трофеемъ:

«Морское вѣдомство» послало спеціальный отрядъ для поднятія «Варяга». Всѣхъ рабочихъ 120 человѣкъ. Подъ командой контръ-адмирала Арай прибыли они на пароходѣ «Сантоомару».

«Сантоомару» крѣпко привязана къ «Варягу» и не отвяжется отъ него до тѣхъ поръ, пока не окончатся надводныя и подводныя работы.

«Во время отлива «Варягъ» лежитъ всего на глубинѣ пяти саженъ, такъ что треть его находится надъ водой. Лежитъ онъ, наклонившись на бокъ. Поэтому орудія праваго фланга совсѣмъ никуда не годятся и мы на нихъ не разсчитываемъ. Но за то лѣвофланговыя орудія хорошо сохранились и могутъ по исправленіи утилизироваться нами.

«Всѣхъ орудій, 6-ти и 12-ти дюймовыхъ, будетъ поднято 38 штукъ. По словамъ адмирала Арай, работа идетъ очень успѣшно и черезъ четыре мѣсяца, самое большее, «Варягъ» будетъ приведенъ въ Японію»...

Въ заключеніе приведу двѣ характерныя рѣчи Первая произнесена въ имперскомъ отелѣ извѣстнымъ политическимъ и финан-

совымъ дѣятелемъ, редакторомъ газеты «Майничи», Симода, вторая министромъ народнаго просвѣщенія.

Вотъ отрывокъ первой:

. . . «Благодаря достоинствамъ микадо и вѣрной преданности нашихъ войскъ, мы слышимъ теперь чуть не каждый день о блестящихъ подвигахъ и съ моря и съ суши. Мы благодаримъ отъ всего серда славныхъ защитниковъ своего отечества. Но мы не должны самообольщаться. Мы должны помнить, что японскому народу свойственно страстно стремиться къ достиженію цѣли, но скоро остывать. Это свойство какъ разъ противоположно качеству русскаго солдата,—настойчиво длящейся годами выносливости. Будемъ же развивать въ себѣ противовѣсъ этой русской доблести, и помнить, что война будетъ затянута на долгіе мѣсяцы, если не годы. Для Россіи Дальній Востокъ—капризъ, для насъ—вопросъ жизни и смерти. Но пусть не надѣются тѣ, кто говорятъ, что отъ каприза по капризу же можно и отказаться. Россія не отступитъ отъ своего каприза, хотя бы это стоило и не такихъ жертвъ, какія ею уже перенесены. Достоинство всякой страны, которая считаетъ себя великой, требуетъ настойчивости не только въ удовлетвореніи потребностей, но и въ удовлетвореніи капризовъ. Россія можетъ не такъ нервно относиться къ своимъ успѣхамъ и неуспѣхамъ,—въ этомъ ея преимущество. Не будемъ же нервничать и мы, хотя мы и поставили на карту все свое состояніе, а Россія лишь ничтожный, ненужный ей клочекъ земли. Не будемъ увлекаться побѣдами войска и побѣдою въ финансовыхъ сферахъ. Ликуютъ, что нынѣшній заемъ, который, кстати сказать, заключенъ безъ согласія парламента, народное воодушевленіе покрыло втрое,—а о томъ забываютъ, что скоро намъ предстоитъ новый заемъ! Какъ то мы покроемъ его, если въ то время счастье отвернется отъ насъ. А что будетъ съ нашими финансами, если насъ побѣдятъ? Какую панику переживаемъ мы? Да и переживемъ ли даже—не знаю! Намъ говорятъ, что и Россія не въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ,—что она также прибѣгла къ выгодному займу, что она ищетъ денегъ на заграничныхъ рынкахъ... Но нечего самообольщаться: заграничные рынки къ Россіи привѣтливѣе, чѣмъ къ намъ... Итакъ, поменьше ликованій и побольше терпѣнія, терпѣнія, терпѣнія»...

Министръ народнаго просвѣщенія сказалъ учащимъ и учащимся:

« . . . . Безпокоясь только о военныхъ успѣхахъ, не слѣдуетъ оставлять въ сторонѣ своихъ обязанностей, какими бы они мирными ни казались на первый взглядъ. Воспитатели юношества, вамъ пред-

стоитъ особенно трудная задача. Вѣдь во время войны происходитъ переоцѣнка всѣхъ моральныхъ цѣнностей. Вашъ же долгъ учить этическимъ основамъ, добру, красотѣ, человѣчности. Въ жестокую бы ошибку впалъ тотъ педагогъ, который, подъ вліяніемъ военнаго времени, сталъ бы учить дѣтей ненависти къ Россіи! Помните, что лишь временныя политическія осложненія кинули насъ въ пасть войны. Помните, что Японія мирный народъ и хочетъ остаться мирный народъ и хочетъ остаться мирнымъ народомъ. Наша культура и наши симпатіи всегда имѣли мирный характеръ, нашъ микадо носитъ имя миролюбца. Итакъ и въ военное время воспитывайте мирныхъ гражданъ! Будущее Японіи—миръ! И вы, молодежь, должны болѣе, чѣмъ когда либо, стараться изучать всѣ науки, чтобы создать будущую Японію»...

ВЕЧЕРЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

«Русь» 18 Мая.

Желтая опасность. — Желтое сочеталось съ бѣлымъ. — Письмо Ямомото къ русскимъ плѣннымъ. — Красный крестъ. — Котелъ Міабара. — Подвигъ Хиросе. — Интервью съ о. Николаемъ.

Изъ послѣдняго присыла японскихъ газетъ, весьма обильнаго интереснымъ матеріаломъ, приведу лишь нѣсколько характерныхъ статей:

Газета «Дзи-Дзи» въ статьѣ «Желтая опасность» говорить, что:

«Изо всѣхъ словъ европейскаго лексикона самыми странными являются эти два слова, которые еще такъ недавно повторялись особенно охотно не только въ Россіи, но и въ Англіи.

Но теперь, когда заключенъ англо-японскій союзъ, развѣ можно будетъ повторять европейцамъ эти нелѣпыя слова въ томъ обидномъ для насъ смыслѣ, который старалась придать имъ въ особенности Россія.

Нѣтъ. Теперь сочеталось желтое съ бѣлымъ. За спиной нашей стоитъ могущественная Англія.

И мы сами показали міру, что мы желты только тѣломъ, а душа наша, наше образованіе, наше мужество и изобрѣтательность—такого же самаго цвѣта и качества, какъ и у бѣлолицыхъ европейцевъ.

Правда, нечего обманывать себя разсказами о какихъ-то безкорыстныхъ симпатіяхъ, которыя мы, будто бы, завоевали своими подвигами,—не симпатіи, а совпаденіе интересовъ обѣихъ странъ привело Англію къ союзу съ нами.

И вотъ теперь модная фраза исчезнетъ изъ дипломатическаго лексикона».

Газета сознается, что еще совсѣмъ недавно нечего было и думать о союзѣ какой-нибудь уважающей себя европейской страны съ Японіей.

Англія сдѣлала первый и далеко не безразличный для ея самолюбія шагъ.

«Поблагодаримъ же ее за вѣру въ насъ и постараемся ее оправдать. Будемъ держать себя корректно во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы

Англія не чувствовала, что у нея рука объ руку—страна-«язычница» страна-азіатка.

«Хотя до настоящаго времени мы и не получили отъ нашей союзницы никакой матеріальной помощи и не можемъ надѣяться на нее въ скоромъ времени, однако, уже и теперь чувствуется нравственная сила англо-японскаго союза».

Въ газетѣ «Ман-Чоо-Хо», печатающейся на розовой бумагѣ и состоящей изъ коротенькихъ почти исключительно хроникерскихъ замѣтокъ, мы находимъ свѣдѣніе о томъ, что японскій морской министръ адмиралъ Ямамото послалъ письмо двумъ русскимъ раненымъ плѣннымъ со «Стерегущаго», находящимся въ госпиталѣ въ Сасебо.

Одного изъ нихъ зовутъ Федоръ Юрьевъ. У него переломъ кости ноги. Другой, Иванъ Филинскій, получилъ сильные ожоги.

Вотъ содержаніе письма министра.

«Вы, господа, сражались храбро за свое отечество и защищали его прекрасно. Вы исполнили свой тяжелый долгъ, какъ моряки.

Я искренно хвалю васъ. Вы молодцы! Не безпокойтесь за свои судьбу: нашъ морской госпиталь въ прекрасномъ порядкѣ и всѣ врачи—опытны.

Желаю вамъ полнаго скораго выздоровленія и благополучнаго возвращенія на родину послѣ окончанія войны».

Въ Сасебо же находятся два здоровые матроса, взятые со «Стерегущаго» Алексѣй Осининъ и Василій Новьевъ (?).

Та же газета приводитъ выдержки изъ только что вышедшаго отчета японскаго «Краснаго Креста».

Къ концу декабря прошлаго года число членовъ общества японскаго «Краснаго Креста» достигало 889,246 человѣкъ, что составляетъ $4^1/_2$ проц. всего населенія (47.838,248). Сумма пожертвованія въ прошломъ году—2.354,558 іенъ. Съ 1-го января по 10-е марта с. г. вновь поступило въ члены 21,051 человѣкъ, внесшихъ пожертвованій на 59,126 іенъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время наличный капиталъ общества «Краснаго Креста» въ Японіи достигаетъ 73.701,504 іенъ. Сюда не включены смѣтныя суммы для помощи раненымъ въ военное время, стоимость движимаго имущества и сберегательные капиталы всѣхъ отдѣленій.

По словамъ той же «Ман-Чоо-Хо», въ нынѣшнюю войну особенно зарекомендовалъ себя паровой котелъ Міабара.

«Это изобрѣтеніе старшаго морского инженера въ чинѣ контръ-

адмирала профессора Міабара по своимъ практическимъ достоинствамъ не уступаетъ пушкѣ Арисака и пороху Шимосе.

Котелъ этотъ былъ принятъ въ нашъ флотъ только въ апрѣлѣ прошлаго года.

Уже цифровыя отношенія покажутъ читателямъ, насколько оправдало себя это нововведеніе.

Обыкновенный приспособленный къ броненосцу котелъ въ 20,000 индикаторныхъ силъ занялъ бы мѣста на 1,600 тонъ изъ общаго водоизмѣщенія судна. Паровой же котелъ Міабара, имѣющій 20,000 индикаторныхъ силъ, почти вдвое меньше и занимаетъ только 800—900 тоннъ. Обыкновенный котелъ въ 20,000 индикаторныхъ силъ обходился намъ не менѣе 900,000 іенъ. Равносильный же котелъ Міабара стоитъ не дороже 500,000 іенъ. Кромѣ того, введеніе котла Міабара сокращаетъ расходы на топливо и пр. до 150,000 іенъ въ годъ на одномъ броненосцѣ, какъ выяснилъ предварительный четырехлѣтній опытъ».

Многіе въ Россіи помнятъ японскаго студента капитана Хиросе.

Онъ прожилъ въ Петербургѣ болѣе четырехъ лѣтъ, прекрасно изучилъ русскій языкъ и характеръ русскаго человѣка и у многихъ снискалъ любовь и уваженіе.

А теперь вся японская печать неустанно описываетъ его трагическую кончину и вся печать въ одинъ голосъ признала его самымъ выдающимся изо всѣхъ самурайски скончавшихся героевъ нынѣшней войны.

Приводятъ его портретъ, его автографъ послѣднія письма, стихи и отрывки изъ автобіографіи.

Чѣмъ же такъ выдвинулся капитанъ второго ранга Хиросе?

«Дзи Дзи» говоритъ:

«Въ первой атакѣ брандеровъ онъ безстрашно и находчиво командовалъ брандеромъ «Хоо-Коку-мару».

Избѣжавъ вѣрной смерти онъ и во второй разъ вызвался добровольцемъ въ слѣдующую атаку.

Когда «Фу-Куй-мару» получилъ минный ударъ отъ русскаго миноносца, вся команда успѣла пересѣсть на шлюпку. Вся, кромѣ одного матроса.

Капитанъ Хиросе, узнавъ, что не хватаетъ одного матроса, моментально выскочилъ со шлюпки на тонувшій брандеръ, не смотря на то, что онъ жестоко обстрѣливался непріятелемъ.

Онъ обѣжалъ вдоль и поперекъ палубу Фу-Куй-мару, вернулся на шлюпку узнать, не нашелся ли пропавшій матросъ.

Узнавъ, что матроса нѣтъ, онъ вторично кинулся на брандеръ

Въ третій разъ спустился въ шлюпку и въ третій разъ вернулся на брандеръ.

Но матроса не было. Онъ, вѣроятно спустился внизъ, чтобы поджечь взрывчатыя вещества...

А брандеръ все ниже и ниже.

И вотъ ужъ отъ него остались только однѣ трубы и мачты.

Хиросе приготовился сдѣлать скачекъ съ мачты въ шлюпку, но въ это время русскій снарядъ разорвалъ его въ куски.

Отъ капитана остался только его ремень, благоговѣйно поднятый командой, въ шлюпкѣ вернувшейся къ главной эскадрѣ».

Теперь въ морскомъ вѣдомствѣ подняли вопросъ объ сооруженіи памятника, литого изъ бронзы, въ честь Хиросе.

Сотрудникъ «Хоо-Чи» былъ у о. Николая. Привожу его бесѣду цѣликомъ.

«Въ настоящее время въ Токіо находятся двое русскихъ, выдающихся по своему общественному положенію.

Это епископъ Николай и преподаватель токійскаго университета, профессоръ Кеберъ.

На дняхъ нашъ сотрудникъ посѣтилъ отца Николая въ соборѣ въ Суругадай.

Епископъ сказалъ ему:

— Не смотря на то, что теперь Россія и Японія враждуютъ, дѣла нашей миссіи идутъ такъ же прекрасно, какъ и раньше. Не произошло никакихъ перемѣнъ: какъ и до войны, молодежь-семинаристы усердно занимаются своими дѣлами подъ моимъ личнымъ наблюденіемъ.

— Охотно ли посѣщаютъ православный храмъ японцы?

— Еще охотнѣе, чѣмъ прежде. Только я самъ пересталъ присутствовать на молебнахъ въ воскресные дни, потому что нахожу это для себя неудобнымъ.

— Почему это?

— До войны въ молитвѣ передъ причастіемъ и на молебнахъ православные японцы всегда молились о здравіи японскаго и русскаго императоровъ. Теперь же, въ военное время, молятся только о микадо и объ дарованіи ему побѣды. Само-собой разумѣется, мнѣ невозможно присутствовать при этомъ. Это не потому, чтобы я лично

относился враждебно къ вашему государству, а просто потому, что считаю для себя неудобнымъ.

— Довольны ли вы отношеніемъ японцевъ къ вамъ?

— Я нахожусь подъ покровительствомъ вашего правительства, и вполнѣ доволенъ его отношеніемъ ко мнѣ, вполнѣ корректнымъ и предусмотрительнымъ.

— А простой народъ?

— Гостей у меня почти не бываетъ теперь. На улицѣ безъ особой нужды я не показываюсь. Держусь въ сторонѣ отъ толпы, но знаю, что ко мнѣ у нея вражды нѣтъ.

— Слѣдите ли вы за войной по газетамъ?

— Мои ученики и знакомые предлагаютъ мнѣ читать русскія газеты. Но я отказывался отъ нихъ. Чья бы ни была побѣда: русскихъ или японцевъ,—мнѣ одинаково больно узнать о сотняхъ смертей... Вѣдь, въ Японіи я живу слишкомъ сорокъ лѣтъ, то есть болѣе, чѣмъ прожилъ въ Россіи. Японія—моя вторая родина. Въ Японіи я намѣренъ и умереть. А Россія—это моя первая родина, гдѣ я родился... Я молюсь объ одномъ, чтобы война какъ можно скорѣе окончилась».

ВЕЧЕРЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

«Русь», 25 Мая.

Китайскій нейтралитетъ. — Сахалинъ. — Игра словъ.

Одной изъ любимыхъ газетныхъ темъ въ Японіи теперь китайскій нейтралитетъ.

Внѣшній политикъ «Солнца» очень не одобряетъ поведеніе китайцевъ, которые сыграли труса въ то время, когда, по его мнѣнію они не имѣютъ права сидѣть сложа руки:

«Еще наканунѣ нынѣшняго недоразумѣнія съ Россіей я былъ увѣренъ, что если вспыхнетъ война изъ-за эвакуаціи Манчжуріи, Китай сочтетъ своимъ долгомъ быть авангардомъ Японіи.

«Но, увы! Это не оправдалось. Китай объявилъ строгій нейтралитетъ на время войны. Понятно, что всѣ государства согласились на признаніе Китая нейтральнымъ. Но не совсѣмъ понятно, какъ и наше правительство тоже признало этотъ комичный нейтралитетъ.

«Да. Онъ комиченъ. Разберемся въ положеніи вещей и вы увидите, что онъ не только позоренъ, но прямо таки каррикатуренъ, не говоря ужъ о томъ, что страшно не выгоденъ для Китая.

«Защитники Китая говорятъ, что онъ заставленъ въ силу необходимости отстраниться отъ военныхъ дѣлъ, потому что онъ слишкомъ слабъ и безпомощенъ для того, чтобы сдержать натискъ русскихъ войскъ на Пекинъ.

«Онъ боится подвергать опасности существующій государственный строй. Это разсужденіе мнѣ совсѣмъ непонятно.

«Если Китай боится за цѣлость Пекина, то ему тѣмъ необходимѣе воевать. Вѣдь въ случаѣ побѣдоноснаго окончанія войны Россія безусловно отниметъ у него безповоротно три громадныхъ провинціи.

«Тогда-то вотъ пекинскому кабинету будетъ грозить самая неминуемая опасность. Китай смотритъ на нынѣшнюю войну, какъ на пожаръ, происходящій гдѣ-то тамъ, на другомъ берегу...

«Пусть китайскіе мандарины вспомнятъ, что Манчжурія — колыбель и могила ихъ богдыхановъ,—это то же, что Москва для Россіи.

«Какъ бы ни было государство слабо, какъ бы ни сознавало свое безсиліе, оно все равно будетъ драться изъ-за колыбели и могилы своего монарха.

«Слыша бряцаніе оружія казаковъ на манчжурской территоріи, не можетъ не болѣть сердце манчжура—властителя Китая.

«У насъ, японцевъ—великія экономическія нужды заставили взяться за оружіе. Но что такое наши нужды передъ нуждами Китая!

«Китай—хозяинъ Манчжуріи. Мы съ Россіей—гости въ ней.

«Одинъ гость—гигантъ по наружному виду, желалъ нарушить права хозяина. Тогда другой гость, маленькаго роста, невидной наружности, вступился за хозяина и началась бабо.

«А хозяинъ объявилъ себя нейтральнымъ. Ну, не каррикатура ли это! Онъ, видите ли, слабъ.

«Онъ до того слабъ, что не въ силахъ прочитать въ міровой исторіи десятки примѣровъ, когда государства еще болѣе слабыя, чѣмъ Китай, вступали въ союзъ съ другой державой. Не слабѣй же Китай Италіи!..

«Я вовсе не желаю сказать моей статьей, чтобы китайскія войска пришли къ намъ на помощь. Напротивъ, помощь китайскихъ войскъ могла бы оказать намъ лишь медвѣжью услугу, стѣсняя быстроту нашихъ дѣйствій на полѣ брани.

«Я только хочу сказать, что небывалымъ позоромъ для Китая является нынѣшній нейтралитетъ и я не могу допустить, чтобы онъ былъ продолжителенъ».

Серьезной злобой японскаго дня является Сахалинъ—рыбная житница Японіи.

Въ прошломъ году на Сахалинѣ добыто сельди, кэты, горбушки и морской капусты 2.117,182 пуда, то есть на 2.872,011 іенъ.

Изъ этого числа русскими добыто на 1.679,607 іенъ, а японцами на 1.192,404 іенъ.

На побережьи Сахалина остается еще свыше 60 нетронутыхъ рыбнымъ промысломъ мѣстъ. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить еще китобойни въ Охотскомъ морѣ, ловлю камбалы въ Татарскомъ проливѣ и охоту на морскихъ бобровъ и котиковъ около острова Роппена.

«Все это—несмѣтныя сокровища, которыя отняла у насъ война» пишетъ сотрудникъ «Дзи-Дзи».

«Все это необходимо и для насъ самихъ и для нашихъ полей Чѣмъ еще мы можемъ удобрять наши поля, которыя привыкли къ сахалинской селедкѣ!..

«За одинъ прошлый годъ селедки на нихъ вывезено изъ Сахалина 1.729,000 пудовъ!

«Привозъ растительнаго удобренія (бобовъ) изъ Нью-Чуана нынѣ прекращенъ во время войны.

«Что будемъ дѣлать мы! Вотъ несносный ударъ нашему сельскому хозяйству! Какіе внутренніе или внѣшніе займы спасутъ насъ отъ него!..

«Необходимо принять самыя энергичныя, быть можетъ даже дерзкія на первый взглядъ, мѣры, чтобы отклонить эту грозу».

Съ этою цѣлью рыбопромышленное общество въ г. Отару обратилось къ правительству съ просьбой:

1) Пусть, занявъ необходимыя мѣста для ловли рыбы на Сахалинѣ, правительство присоединитъ его къ предѣламъ Японіи и разрѣшитъ заниматься рыбопромышленникамъ подъ его защитою и покровительствомъ.

2) Если правительство найдетъ невозможнымъ сдѣлать это, то, занявъ эти мѣста временно оружіемъ, пусть дастъ полную защиту рыбопромышленникамъ во время ловли.

3) Если не найдутъ возможнымъ осуществить ни первое предложеніе, ни второе, то рыбопромышленники сами будутъ защищать себя оружіемъ, на которое правительство дастъ разрѣшеніе.

Pour la bonne bouche.

Въ японскихъ газетахъ пользуются созвучіемъ фамилій *Куро. паткинъ, Куроки, Курино* для всевозможныхъ остротъ.

Куро—черный.

Патки—голубь.

Ки—дерево.

Но—поле.

Куропаткина изображаютъ въ видѣ чернаго голубя запутавшаго въ вѣтвяхъ чернаго дерева (Куроки), выросшаго на черномъ полѣ (Курино).

ВЕЧЕРЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

«Русь» 31 Мая

Русско-Японскія пьесы. — «Живыя корреспонденціи». — О подаркѣ корейскому императору. — Внѣшнее спокойствіе Японіи.

Въ то время, когда наши отечественные драматурги вперегонку плодятъ военныя пьесы («Портъ-Артуръ» Басанина, «Портъ-Артуръ» Лемана, «Манчжурская гіена» Манчжура, «Война Японіи съ Россіей» Трефилова и т. д.) или перефасониваютъ старыя («Сестра милосердія» Кирьяковой, переяпоненная изъ русско-турецкаго сюжета), въ это время японскіе драматурги не дремлютъ.

Главнымъ закройщикомъ по этой части является небезызвѣстный и въ Россіи мужъ Сада-Яко антрепренеръ, драматургъ, артистъ («и бездарность» подсказываетъ мнѣ Такаки-Санъ) Каваками.

Въ послѣднемъ номерѣ «Дзи-Дзи» разсказано содержаніе его обозрѣнія русско-японской войны, подъ названіемъ «Живыя корресподенціи».

Пьеса эта поставлена на сценѣ лучшаго театра въ Токіо, но по несуразности сюжета нисколько не уступаетъ балаганнымъ «Портъ-Артурамъ» гг. Басаниныхъ и Лемановъ.

Первый актъ происходитъ во второмъ этажѣ японскаго консульства въ Чемульпо. Дамы, во главѣ съ супругой консула m-me Като, занимаются приготовленіемъ бинтовъ, для раненыхъ. Сюда приходитъ маіоръ Того для того, чтобы проститься съ ними передъ отъѣздомъ въ Ы-чжу. Затѣмъ появляется англійскій консулъ Лей и дѣлаетъ дамамъ комплименты по поводу ихъ въ высшей степени патріотическаго настроенія. Вдругъ въ портѣ раздались громкіе выстрѣлы крупныхъ орудій. M-me Като опроситъ у англійскаго консула разрѣшенія помѣстить русскихъ раненыхъ въ англійскую больницу.

Второй актъ—госпиталь въ Чемульпо. Дамы посѣщаютъ русскихъ раненыхъ. Въ числѣ японскихъ дамъ находится и супруга русскаго консула—японка Тсубаши. Она прекрасно знаетъ русскій языкъ и производитъ на русскихъ раненыхъ обаятельное впечатлѣніе.

Третій актъ—въ саду ы-чжусскаго губернатора Бина. Собира-

ются корейскіе сановники и бесѣдуютъ о своихъ любовницахъ, темныхъ дѣлишкахъ, взяточничествѣ, карьеризмѣ. Этотъ актъ даетъ понять о полной разнузданности корейскаго чиновенства и рисуетъ нѣсколько жанровыхъ картинокъ.

Четвертый актъ. Во дворцѣ ы-чжусскаго губернатора русскій полковникъ Барскій бесѣдуетъ съ хозяиномъ. Онъ всячески старается очернить Японію въ глазахъ корейца и проситъ губернатора оказать помощь русскимъ войскамъ. Губернаторъ начинаетъ было соглашаться и успокоенный полковникъ Барскій уходитъ. Чтобы развлечься, губернаторъ приказываетъ привести любовницу своего сына, пѣвицу Сун-Коу. Происходитъ грубая сцена ухаживанія старика за пѣвицей. На самомъ интересномъ мѣстѣ она прерывается приходомъ маіора Того. Маіоръ раскрываетъ корейскому губернатору истинное положеніе вещей, разсказываетъ о коварныхъ замыслахъ Россіи и проситъ позволенія остаться во дворцѣ у губернатора на нѣсколько дней.

Пятый актъ—лирическое интермеццо. Свиданіе пѣвицы Сун-Коу съ сыномъ губернатора—своимъ любовникомъ. Ночь. Садъ. Луна· Пол ѣцуи. Tout comme chez nous.

Шестой актъ—снѣжный день на р. Ялу. Маіоръ Того въ сопровожденіи шести жандармовъ и одной переводчицы наткнулся на отрядъ полковника Барскаго. Происходитъ ссора, во время которой Того едва успѣваетъ спасти свою жизнь.

Седьмой актъ—торжество въ честь дня рожденія ы-чжусскаго губернатора. Масса гостей, въ томъ числѣ и полковникъ Барскій и маіоръ Того. Барскій не узнаетъ Того Губернаторъ заставляетъ пѣвицу Сун-Коу пѣть веселую пѣсню. А она запѣла такъ грустно, заунывно. Русскій полковникъ не выдержалъ, — разрыдался и влюбился въ нее. Онъ проситъ у губернатора, чтобы тотъ продалъ ему (sic) любовь пѣвицы. Губернаторъ рѣшительно отказываетъ ему и, между прочимъ, дѣлаетъ замѣчаніе, что недурно было бы, вмѣсто амурныхъ дѣлишекъ, заняться военными: «У меня остановился японскій маіоръ Того... Это—шпіонъ». Полковникъ вышелъ, чтобы позвать свой отрядъ арестовать Того... Пользуясь суматохой, пѣвица Сун-Коу и сынъ губернатора убѣгаютъ изъ Ы-чжу.

Восьмой актъ—батальная сцена. Дворецъ губернатора окруженъ казаками. Того энергично сопротивляется, но уже ничего не можетъ

сдѣлать и попадаетъ къ русскимъ въ плѣнъ. Покушается на харакири, но это ему не удается.

Эта пьеса—первая изъ цѣлой серіи «Живыхъ корреспонденцій», которыя ставитъ Каваками.

Слѣдующая пьеса называется «Маркизъ Ито въ Сеулѣ», или «Аудіенція съ корейскимъ императоромъ».

Чтобы собирать матеріалъ для своихъ обозрѣній, Каваками снова собирается уѣхать на театръ военныхъ дѣйствій.

Въ прошлый «японскій вечеръ» мнѣ пришлось привести интересную передовую «Солнца» о китайской политикѣ.

Еще интереснѣе передовая «Дзи-Дзи» отъ 22 апрѣля, посвященная корейской политикѣ.

Статья чрезвычайно характерна по тому откровенному тону съ которымъ дѣлятся своими совѣтами журналисты и дипломаты въ Японіи.

«Вчера въ Кобе прибылъ корейскій посолъ Ли; сегодня онъ ожидается въ Токіо. Его нынѣшній пріѣздъ не имѣетъ, конечно никакого политическаго значенія. Это просто отвѣтный визитъ ну визитъ маркиза Ито корейскому двору. Но мы должны воспользоваться этимъ актомъ вѣжливости для того, чтобы укрѣпить дружбу между обоими государствами».

Для этого журналистъ даетъ чрезвычайно дѣловитый, чтобы не сказать больше, совѣтъ:

— Предложимъ Ли субсидію на постройку недавно сгорѣвшаго корейскаго дворца.

Казалось бы, для Японіи совсѣмъ не время выбрасывать по 2—3 милліона на подарки корейскому двору. Но это кажется только на первый взглядъ:

«Положеніе корейскаго императора совершенно исключительное. Онъ совсѣмъ не пользуется сочувствіемъ своего народа. Мало того, въ народѣ распространено религіозное убѣжденіе, что императорская династія, къ которой онъ принадлежитъ, должна была процарствовать 500 лѣтъ. Эти пятьсотъ лѣтъ почти истекли. Крамольники пользуются этимъ пророчествомъ и пожаромъ дворца въ свою пользу. Смута растетъ. Чтобы успокоить встревоженное населеніе, слѣдуетъ немедленно доказать народу несокрушимое величіе императора, т. е. выстроить дворецъ. Мнѣ скажутъ: въ такое время, какое мы теперь переживаемъ, всякія затраты для насъ самихъ тяжкое бремя. Чуточку хладнокровія. Если мы не выстроимъ корейскому императору дворца въ 2—3 милліона іенъ,

онъ самъ будетъ принужденъ это сдѣлать. Его казна пуста. Слѣдовательно для постройки онъ повысить или установитъ новые налоги. Корейскій императоръ не знаетъ своего народа. Но мы знаемъ корейскій народъ и знаемъ, что на новые налоги онъ не согласится. Произойдетъ народное возстаніе. Подавить возстаніе придется намъ. А это будетъ стоить не 2—3 милліона іенъ!

Итакъ, во имя экономіи и во имя дружбы обѣихъ имперій мы должны подарить корейскому императору дворецъ».

За послѣдніе годы Японія положительно стала превращаться въ какой-то курортъ, куда пріѣзжаютъ развлекаться иностранцы, преимущественно англичане и американцы. Многіе русскіе, служившіе на Дальнемъ Востокѣ, тоже вмѣсто дачи отправлялись на житье въ Японію.

Разразилась война, и приливъ иностранцевъ сразу прекратился на столько, что японцы начали серьезно безпокоиться о сокращеніи того источника доходовъ, какимъ являлся кошелекъ янки и Джонъ-Буля.

И вотъ городскіе головы Токіо, Кіото, Оосака, Ногоя, Іокогамы и Кобе, по словамъ «Дзи-Дзи», телеграфировали въ столицы европейскихъ государствъ, что, не смотря на военное время, въ Японіи нѣтъ никакихъ внѣшнихъ перемѣнъ. Пассажирскіе поѣзда ходятъ по тѣмъ же росписаніямъ, какъ и прежде, и гостинницы, какъ и прежде, готовы радушно встрѣтить гостей. Никакой опасности для иностранцевъ, пріѣзжающихъ съ коммерческой или увеселительной цѣлью, нѣтъ.

«Дзи-Дзи» тоже скорбитъ по поводу отсутствія иностранцевъ.

«Напрасно они думаютъ, что русско-японская война—война жизни и смерти. Напрасно увѣрены, что всѣ поѣзда заняты перевозкой войскъ, а гостинницы превращены въ лазареты. Повѣрьте, что простой народъ даже и не чувствуетъ, когда и какимъ образомъ передвигаются войска. Если вы посѣтите Токіо, вы не повѣрите по внѣшнему виду, что это столица воюющей стороны. До того все спокойно. Купецъ торгуетъ, ремесленникъ занятъ ремесломъ. Манифестаціи, даже радостныя, и тѣ запрещены полиціей. Сельскій народъ, какъ и въ прошлые годы, празднуетъ свои сельскіе праздники. Добро пожаловать, иностранцы!..

ВЕЧЕРЪ ДВАДЦАТЫЙ.

«Русь» 1 Іюня.

Японская конница. — О казакахъ. — Англо японскій союзъ. — Каррикатуры.

Въ одной изъ англійскихъ телеграммъ я прочелъ, что японская конница поразила корреспондента своимъ великолѣпнымъ видомъ.

Между тѣмъ, объ японской кавалеріи давно уже составилось весьма нелестное мнѣніе. Стратеги ее считаютъ не только нулемъ даже величиной отрицательной.

Какъ на доказательство, опираются на факты изъ послѣдней китайской войны, гдѣ японская конница больше вреда причинила самимъ японцамъ, чѣмъ китайцамъ.

Съ большимъ интересомъ поэтому прочтется интервью, помѣщенное въ «Дзи-Дзи».

Сотрудникъ этой газеты бесѣдовалъ съ главнымъ японскимъ военнымъ ветеринаромъ Пмаезими.

— Въ виду того, что наша кавалерія много уступаетъ кавалеріи европейскихъ армій, какъ по качеству, такъ и по количеству давно уже поднялся вопросъ объ улучшеніи военныхъ лошадей въ Японіи. Какъ вы смотрите на это дѣло?

— Я думаю, что прежде всего необходимо рѣшить принципіальный вопросъ, такъ ли ужъ важна въ военномъ дѣлѣ кавалерія Не лучше ли затратить на флотъ тѣ деньги, которыя намѣрены израсходовать на пріобрѣтеніе лучшихъ лошадей и улучшеніе типа военной лошади?

— Но развѣ вопросъ о кавалеріи не разрѣшенъ уже тѣмъ, что ни одна европейская армія не обходится безъ нея?

— Для Европы –да. Но я сильно сомнѣваюсь, чтобы она была нужна для Японіи. Японецъ по природѣ своей мало привыкъ къ обращенію съ лошадью. Мы совсѣмъ не умѣемъ лошадей обучать, не умѣемъ ими управлять... Но хуже всего то, что японецъ,—будемте говорить откровенно,—боится лошади... Во время японо-китайской войны мы сильно надѣялись на изученіе дѣйствительнаго значенія манчжурской кавалеріи... Но она оказалась такъ слаба и

ничтожна, что изученіе это не дало никакихъ положительныхъ результатовъ. Идемъ дальше. Во время сѣверно-китайскихъ безпорядковъ въ 1900 году наша кавалерія положительно скомпрометтировала себя въ глазахъ европейцевъ. По словамъ послѣднихъ, наши лошади оказались дикими звѣрями... Но что же? Когда эти лошади были отданы на дрессировку хунхузамъ, тѣ укротили дикихъ звѣрей и въ два-три мѣсяца они стали послушны, какъ хорошіе кони европейцевъ... Но стоило отъ хунхузскихъ инструкторовъ этимъ лошадямъ снова попасть намъ въ руки, и снова онѣ сдѣлались никуда негодными... Въ каковомъ видѣ, откровенно говоря, пребываютъ и по сіе время... Значитъ не въ лошади дѣло, не въ ихъ улучшеніи, не въ ихъ недоброкачественности, а въ насъ самихъ... Нечего пенять на коня, когда самъ всадникъ плохъ... Любовь къ лошади и умѣнье съ нею обращаться чуждо намъ. Наша исторія сложилась безъ лошади... Вотъ почему я не жду ничего серьезнаго отъ командировки которую командиръ кавалерійской бригады генералъ Оокура получилъ еще въ позапрошломъ году... Онъ посланъ былъ въ Европу для научной постановки вопроса...Объ улучшеніи, японской лошади. Чему научится онъ тамъ? Не лучше-ли изучать значеніе конницы теперь слѣдя за военными дѣйствіями нынѣшней войны. Россія обѣщаетъ задавить насъ казаками. Всѣ мы знаемъ, что русская кавалерія пользуется міровою славою. Русскій народъ съ дѣтства до самой смерти живетъ подлѣ лошади. У него есть время изучить полюбить, приручить лошадь... А намъ некогда ни полюбить, ни приручить... Поэтому на войнѣ конница приноситъ намъ больше вреда, чѣмъ пользы... Вотъ если въ нынѣшней войнѣ мы устоимъ и противъ казаковъ, мы этимъ докажемъ, что конница намъ вовсе не нужна. Вообще эта война насъ многому новому.

Въ передовой статьѣ отъ 29 апрѣля «Дзи-Дзи» съ особенной любовью возвращается къ вопросу объ англо-японскомъ соглашеніи

«Значеніе нашего союза съ Англіей не активное, а пассивное Его значеніе не въ томъ, что Англія поможетъ намъ, а въ томъ что никто не поможетъ Россіи. Вотъ въ чемъ сила союза для насъ. А въ чемъ значеніе его для Англіи? Вѣдь въ Англіи большую силу имѣли сторонники осуществленія англо-русскаго соглашенія, чтобы облегчить громадные расходы на милитаризмъ преимущественно противъ вооруженныхъ силъ франко-русскаго союза. Вполнѣ естественно, что имъ казалось безуміемъ мѣнять Россію на Японію—союзъ, въ которомъ не было ни малѣйшаго риска, на союзъ

въ которомъ все—рискъ. Но теперь и у этихъ сомнѣвавшихся перемѣнился взглядъ. Они увидѣли, что и союзъ съ Японіей повліяетъ на европейскій милитаризмъ такъ же, какъ союзъ съ Россіей. Русскій флотъ парализованъ японскимъ флотомъ и это не могла не увидѣть Англія. А, между тѣмъ, она еще недавно стремилась къ увеличенію своихъ военно-морскихъ силъ, именно боясь союзнаго флота Россіи и Франціи. Теперь эта болѣзнь исчезла и бремя милитаризма облегчится само собой. Итакъ, намъ нельзя не радоваться, что въ настоящей войнѣ намъ не только не пришлось просить Англію о матеріальной помощи, но даже самимъ оказать ей матеріальную помощь, облегчить ея колоссальныя затраты на милитаризмъ».

Та же «Дзи-Дзи» энергичнѣйшимъ образомъ протестуетъ противъ обвиненія ихъ русскими въ злоупотребленіяхъ флагами Краснаго Креста.

Японцы чувствуютъ себя героями, на которыхъ глядитъ «вся Европа», и увѣряютъ, что этотъ слухъ пущенъ русскими, чтобы отвратить отъ страны Восходящаго Солнца всеобщія симпатіи:

«Но это не удастся Россіи, потому что симпатіи къ намъ все крѣпнутъ. Франко-англійскій союзъ—новое доказательство того, что даже Франція не противъ насъ! Даже Франція намъ другъ, потому что друзья нашихъ друзей—наши друзья.

Ужъ англичанъ-то японцы давно называютъ попросту «друзьями».

На-дняхъ въ русскихъ газетахъ я прочелъ сообщеніе, что въ Петербургѣ организуется патріотическая выставка.

«На выставкѣ этой будутъ собраны всѣ лубочныя изданія касающіяся русско-японской войны, карикатуры какъ русскія, такъ и японскія».

Врядъ ли патріотическая выставка получится, если собрать японскія карикатуры. Получая японскіе журналы, я насмотрѣлся на нихъ и думаю, что устроителямъ выставки не удастся выбрать и десятка шаржей, не оскорбляющихъ патріотическаго чувства русскаго человѣка.

Даже такія уважаемыя и въ Японіи лица, какъ адмиралъ Макаровъ, не избѣгли глумленія въ безчисленныхъ карикатурахъ.

Японцы—мастера-карикатуристы. Ихъ манера слегка напоминаетъ шаржи г. Щербова.

Даже крупнѣйшіе художники страны Восходящаго Солнца не брезгуютъ карикатурой. Хокусай, Іосай, Коринъ, Тоса, Чіокуадо-

Таніу, Митсуоки — въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ — карикатуристы.

Въ своихъ смѣлыхъ набросках они даже въ области животнаго эпоса достигли карикатуры.

Полны юмора и сатиры лягушки Митсуоки, рыбы, омары Гокусая, птицы Корина, львы Со-Шисеки, а въ особенности обезьяны Сосена, Генки, Шіухо, Окіо...

Это все карикатуры на животныхъ.

Еще совершеннѣе, конечно, карикатуры на людей.

Японскій художникъ не признаетъ фона. Все его вниманіе сосредоточено на рисункѣ. Не удивительно что онъ доведенъ до совершенства.

Совершенству рисунка въ Японіи помогаетъ и то обстоятельство, что съ дѣтства въ рукахъ каждаго грамотнаго (а въ Японіи 97% грамотныхъ) находится кисть.

Онъ привыкаетъ, сживается съ нею такъ, какъ мы съ перомъ. Японское письмо само по себѣ заставляетъ японца учиться рисованію.

Его гіероглифы почти рисунки,—почти карикатуры на то, что они должны изображать. Именно карикатуры: у понятія взятъ типическій признакъ и подчеркнутъ, раздутъ.

При всемъ своемъ мастерствѣ японскіе карикатуристы не церемонятся съ сюжетами. У нихъ есть карикатуры даже на боговъ даже на Будду.

Сравнительно безобидны карикатуры «Дзи-Дзи».

Тамъ уже который годъ тянется безконечный разсказъ въ карикатурахъ на такую тему:

Два японскихъ мужичка-простачка Мокубэ и Таго трунятъ надъ японскимъ франтомъ Кидоръ, побывавшимъ въ Европѣ и посему щеголяющимъ своею образованностью.

То франтъ сыграетъ злую штуку надъ простодушіемъ мужичковъ, то Мокубэ и Таго, эти Ѳомка и Еремка нашего балагана, въ отместку подведутъ Кидора.

Какъ образчикъ такой невинной карикатуры приведу слѣдующую серію изъ послѣднихъ двухъ номеровъ «Дзи-Дзи».

Мокубэ и Таго въ своихъ смѣшныхъ деревенскихъ балахонахъ и соломенныхъ зонтообразныхъ шляпахъ со своими обезьяноподобными профилями идутъ по городу. Навстрѣчу попадается человѣкъ, который торопливо раздаетъ прохожимъ какіе-то листки.

Мокубэ тоже получаетъ листокъ, но такъ какъ ни онъ, ни Таго не грамотны, то ловятъ на улицѣ франта Кидора. Тотъ въ котелкѣ, высочайшемъ вороротникѣ и моноклѣ пренебрежительно смотритъ въ листокъ: «Это—телеграмма о нашей побѣдѣ надъ русскими»

На третьей картинкѣ Мокубэ и Таго ликуютъ. Ротъ до ушей ногами выдѣлываютъ вензеля. Словомъ—манифестація.

Но уличныя манифестаціи запрещены. Не мудрено, что къ нимъ привязывается полисменъ:

— Чего вы орете, мужичье! Чему радуетесь!

— Какъ же намъ не радоваться. господинъ полисменъ, когда мы побѣдили!..

— Когда? Кого!

— Вотъ читайте телеграмму...

— Да это вовсе не телеграмма, а реклама о новомъ мозольномъ пластырѣ...

Простаки скребутъ въ затылкѣ.

По улицѣ проходитъ продавецъ телеграммъ, предлагаетъ имъ купить телеграмму.

Но наученные опытомъ, думая что и это реклама, мужички съ отвращеніемъ отмахиваются отъ нихъ.

Въ слѣдующемъ нумерѣ «Дзи-Дзи» тоже въ пяти карикатурахъ описывается какимъ образомъ простаки отомстили франту.

Въ первой картинѣ Таго покупаетъ географическую карту, показываетъ ее Мокубэ. У нихъ поднимается по поводу этой карты притворный споръ. Франтъ Кидоръ проходитъ недалеко и, заинтересовавшись, о чемъ это спорятъ мужички подходитъ къ нимъ.

На второй картинѣ кромѣ Кидора, Таго и Мокубэ изображенъ вдалекѣ иностранецъ въ цилиндрѣ.

Простаки объясняютъ франту:

— Вотъ тотъ иностранецъ обронилъ эту карту. Мы не умѣемъ говорить по иностранному и боимся его побезпокоить. Вы-же, Кидоръ-Санъ, обучены всѣмъ языкамъ... Потрудитесь объяснить этому иностранцу, что мы нашли его потерю и верните ее ему.

Кидоръ кое-какъ умѣетъ изъясняться по-англійски и, гордый своимъ превосходствомъ передъ мужиками, беретъ карту и догоняетъ иностранца.

Иностранецъ оказывается нѣмцемъ, не понимающимъ англійскаго языка. Видя, что франтъ предлагаетъ ему какую-то карту, онъ думаетъ, что тотъ ее продаетъ.

Сначала онъ всячески пытается убѣдить Кидора, что она ему не нужна, а потомъ, чтобы отдѣлаться, беретъ ее и кладетъ въ карманъ.

А Таго и Мокубэ не дремлютъ.

Они бросаются къ полисмену:

— Господинъ полисменъ, видите тамъ шпіонъ продаетъ русскому географическую карту.

На четвертой картинѣ полисменъ хватаетъ за руку франта, перепуганнаго до невозможности, и ведетъ въ «часть».

На пятой картинѣ—опять маленькая манифестація. Простаки пляшутъ отъ радости, что проучили умнаго франта.

Въ слѣдующемъ номерѣ снова франтъ отомстилъ простакамъ.

А въ слѣдующемъ—простаки франту.

Запрещеніе уличныхъ демонстрацій вызвало въ прессѣ взрывъ негодованія.

— Каждый имѣетъ право радоваться, пока есть чему радоваться Каждый имѣетъ право ликовать и не полиціи зажимать намъ ротъ

«Дзи-Дзи» на запрещеніе отвѣтила кромѣ горячихъ статей и карикатурой.

Изображенъ въ видѣ Гулливера полисменъ. Онъ стоитъ въ грозной позѣ и съ недовольнымъ лицомъ.

Въ рукахъ—жезлъ съ надписью:

— Смерть манифестантамъ!

Ноги его разставлены. А между ногъ лилипутики-японцы какъ ни въ чемъ не бывало, устраиваютъ манифестаціи съ флагами и фонарями.

На флагахъ надпись:

— А мы на зло полиціи все-таки радоваться будемъ!

ВЕЧЕРЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

«Русь» 11 іюня.

«Обсужденіе текущаго». — Письмо Л. Н. Толстого. — Письмо Герберта Спенсера. — Итоги конституціи. — Завоевасваніе Тибета. — «Раздѣлъ Китая и Россіи».

Предо мной журналъ, который производитъ странное впечатлѣніе.

На обложкѣ женская голова. Но это не голова японки съ ея кокетливымъ разрѣзомъ глазъ. Нѣтъ, это скорѣе головка въ стилѣ англійскихъ прерафаэлитовъ. Блѣдная, съ вычурной простотой овала.

Въ рукахъ—знамя, а на немъ какими-то стилизованными, модернизованными японскими іероглифами заглавіе журнала: «Дидай-Чоо-Лю».

Это самый передовой журналъ молодой Японіи,—«Обсужденіе текущаго».

Журналъ новыхъ путей, философскихъ исканій, европейскихъ вѣяній,—словомъ «Новый путь», помноженный на «Jugend» и раздѣленный на «Журналъ для всѣхъ».

Въ текстѣ много европейскихъ картинъ, много описаній музеевъ и достопримѣчательностей. И среди этихъ клише бросается въ глаза автографъ графа Л. Н. Толстого—его собственноручное письмо.

Оно написано по англійски, это письмо, и я тороплю Сиратори и Такаки перевести статью о немъ.

Статья о письмѣ Толстого принадлежитъ перу редактора «Дидай-Чоо-Лю» Іокою.

«Въ 1894—95 годахъ я былъ студентомъ англійскаго университета, зачитывался «Исторіей революціи Англіи» Ланге и погружался въ чистыя воды критики Канта.

Какъ разъ въ это время у насъ, какъ теперь, громыхала война. Слышалась канонада Портъ-Артура. Получались телеграммы о побѣдахъ. Было жутко и радостно.

Война кончилась. Началась война на бумагѣ. Появилось вмѣшательство трехъ державъ, состоялся договоръ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Манчжуріи.

И жуткое чувство радости, которое несли побѣды, смѣнилось періодомъ грустнаго разочарованія. Подавленный, разстроенный, я написалъ статью «Этическія мысли японскаго народа» и помѣстилъ ее въ «Международномъ журналѣ этики».

Но мнѣ хотѣлось большаго. Я хотѣлъ услышать голосъ сочувствія отъ того, къ голосу котораго прислушивается весь міръ. И вотъ я послалъ номеръ журнала съ моей статьей и письмо въ Москву къ графу Толстому.

Графъ не замедлилъ отвѣтить мнѣ. Но этотъ отвѣтъ былъ для меня полнѣйшею неожиданностью.

Великій Толстой критикуетъ мою статью, отрицаетъ устои моего страстнаго патріотизма и убѣждаетъ меня, что пока не исчезнетъ вообще «патріотизмъ восточнаго міра» ожидать блага для человѣчества въ его цѣломъ невозможно.

Отвѣтъ великаго мыслителя привелъ меня въ полное отчаяніе. Я невольно отказался отъ мысли продолжать дальше изученіе Толстого, стоящаго на точкѣ зрѣнія діаметрально противоположной съ моей.

Я спряталъ его письмо, даже не опубликовавъ его.

Но вотъ теперь вспыхнула война съ Россіей.

Я вынулъ письмо изъ ящика стола, перечиталъ его... И хотя я попрежнему не могу согласиться съ точкой зрѣнія графа Толстого, слишкомъ крайней, но я рѣшился напечатать его.

Судите сами, читатели, насколько далеко заходилъ Толстой въ своемъ чрезмѣрномъ увлеченіи. Мы не можетъ быть учениками его».

Вотъ и самое письмо Толстого къ Іокою.

«Благодарю васъ за то, что вы мнѣ прислали вашу статью. Я съ радостью узналъ, что вы глубоко увѣрены въ возможности распространить ученіе Христа и намѣреваетесь проповѣдывать вашимъ соотечественникамъ христіанство, вылившееся въ Нагорной проповѣди.

Это—великая цѣль, и я не знаю цѣли выше этой цѣли, ради которой человѣкъ могъ бы пожертвовать жизнью. Но давайте говорить искренно. Какъ въ вашей статьѣ, такъ и въ вашемъ письмѣ вы еще не рѣшили, кому служить—Богу или мамонѣ. Желаете-ли вы пріобрѣсти благосостояніе личное, семейное или государственное, или же только исполнить волю Божію, независимо отъ выгодъ человѣка, семьи или государства?

Вы говорите, что стараетесь уничтожить стѣну дѣленія племенъ, происходящую отъ различія религій и отъ крайняго развитія патріотизма.

Вы анализируете патріотизмъ и говорите, что существуетъ два патріотизма: одинъ — умѣренный, — хорошій, и другой—черезчуръ сильный,—плохой!!...

Далѣе Толстой доказываетъ, что съ христіанской точки зрѣнія всякій патріотизмъ хорошій ли плохой ли не выдерживаетъ критики, осуждается евангеліемъ. Евангеліе не учитъ любви къ отечеству и ставитъ на первое всепреклоняющее мѣсто обязанности человѣка къ Богу.

«Мы, христіане, которые вѣримъ въ ученіе Христа, вылившееся въ Нагорной проповѣди, должны употреблять всѣ наши силы, чтобы достигнуть этой цѣли и исполнять безкорыстно Его волю.

Я желаю вамъ, чтобы вы и ваши собратья, раздѣляющіе вашъ взглядъ, поступали такъ. Былъ бы очень радъ, если бы могъ вамъ быть чѣмъ-нибудь полезнымъ.

Съ братской любовью Левъ Толстой.

28-го января 1896 г.».

Почти одновременно съ этимъ письмомъ Толстого въ «Тайо», напечатано письмо Герберта Спенсера къ одному изъ составителей японской конституціи—Канэко.

Онъ посѣтилъ великаго мыслителя у него въ кабинетѣ и долго бесѣдовалъ, прося какъ можно строже разобрать созданную маркизомъ Ито и коммиссіею профессоровъ конституцію.

Спенсеръ обѣщалъ и прислалъ на имя Канэко въ Токіо подробный разборъ недостатковъ и достоинствъ проекта конституціи.

Для насъ интересна только общая мысль, высказанная имъ.

Онъ говоритъ, что японцы имѣютъ свою собственную, оригинальную, самобытную исторію, поэтому и конституція ихъ должна быть оригинальной самобытной.

Между тѣмъ, представленный ему для критики проектъ есть сколокъ съ европейскихъ конституцій.

Спенсеръ высказываетъ предположеніе, что привитая искусственнымъ путемъ, чуждая по духу, несвоевременная по историческому теченію вещей европейская конституція не принесетъ пользы азіатскому государству.

Приводя эти мнѣнія Спенсера, японскіе журналисты стараются выдвинуть какъ бы въ отвѣтъ и опровержeніе покойному философу свои успѣхи на поприщѣ культуры, явившіеся прямымъ слѣдствіемъ конституціи маркиза Ито.

«Война съ Россіей дала намъ возможность подвести итоги этой конституціи и вызвала сочувствіе къ намъ всѣхъ державъ», говоритъ «Солнце».

Однако, въ «Обсужденіи текущаго» высказываются иныя мысли по поводу этого сочувствія державъ.

«Посмотримъ, что, собственно говоря, нравилось иностранцамъ въ Японіи?

Нравились не полуевропейскіе смѣшные виды приморскихъ портовъ, а нравились красота природы и изящество настоящей Японіи.

Они, путешествуя по желѣзной дорогѣ, любятъ «Японію безъ желѣзной дороги», переночевывая въ отелѣ, выстроенномъ по европейскому вкусу, предпочитаютъ крестьянскій домикъ съ соломенной крышей. Жестоко упрекая художниковъ «Новой Японіи», сами страшно любятъ искусство Старой Японіи...

Это почему? Потому, что они любятъ насъ, какъ игрушку, какъ забаву!

Пріятна ли намъ такая симпатія европейцевъ?

Они считаютъ Японію интернаціональнымъ садомъ для увеселенія, а насъ его хозяевами!

Они не связаны съ нами ни литературою, ни духомъ и вѣрою.

Не говоритъ ли Киплингъ:

«Этотъ маленькій народецъ имѣетъ конституцію—парламентъ! развѣ это не комедія»?

«Они бѣдный, но славный народъ. Противно только, что у такихъ маленькихъ людей такое большое самолюбіе.

«Если бы они сдѣлались побѣдителями, то Богъ знаетъ до какой степени выросла бы у нихъ антиевропейская мысль!» и т. д.

Конечно, ясно что европейцы будутъ ликовать при успѣхѣ и

энергіи «маленькаго народа», потому, что они дѣйствительно любятъ поласкать насъ, какъ дѣтей. Но увы! Не въ этомъ истинное сочувствіе. Тотъ, кто читалъ сочиненіе Гана (?) или «Идея востока» Окакура, тотъ сердечно сочувствуетъ Японіи, но это исключительный примѣръ.

Японофилами же въ Европѣ читаются «M-me Хризантемъ» Пьера Лоти и различные устарѣвшіе дневники путешествій по Японіи, но какая же польза можетъ быть намъ отъ этого! Не дай Богъ охмѣлѣть отъ такой сладкой, но весьма хрупкой симпатіи къ намъ европейцевъ.

Что бы мы ни говорили о нашей цивилизаціи, европейцамъ все это кажется просто одной фантазіей маленькаго «япошки».

На самомъ дѣлѣ, Японія совсѣмъ еще не Европа.

Другой вопросъ, если бы мы сумѣли возстановить собственную нашу культуру! Цивилизація Россіи, на которую мы смотримъ сверху внизъ, въ глазахъ европейцевъ стоитъ гораздо выше японской цивилизаціи.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что Россія такъ близка Западной Европѣ. Она близка исторіей и религіей, расою, тогда какъ мы совершенно чужды и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ.

Вотъ почему мы должны стремиться всѣми силами соединить въ себѣ двѣ цивилизаціи: Запада и Востока, уничтожить пристрастное отношеніе къ намъ всего міра и установить истинную братскую дружбу между европейцами и нами. Это нашъ прямой долгъ, братья!»

Тотъ же журналъ чрезвычайно интересуется дѣйствительной цѣлью англійской экспедиціи въ Тибетѣ.

Онъ называетъ ее «Завоеваніемъ Тибета» и доказываетъ, что оно является лишь прелюдіей къ завоеванію англичанами Китая.

«Англичане уже въ прошломъ году, воспользовавшись неблагонадежнымъ положеніемъ вещей между Японіей и Россіей, вторглись съ военнымъ отрядомъ въ Тибетъ. Каковы бы ни были увѣренія сентъ-джемскаго кабинета, главная его цѣль—конкурировать съ Россіей на почвѣ вліянія въ Тибетѣ и всей Средней Азіи.

Пришло время, когда должна опредѣлиться судьба Тибета,—чей онъ будетъ: русскій или англійскій.

Но на что нужна Россіи эта таинственная страна?

Для того ли, чтобы придвинуть къ себѣ вплотную границы индіи?

А Англіи для того ли нуженъ Тибетъ, чтобы оборонить сѣверныя границы Индіи отъ посягательствъ сѣвернаго сосѣда?

Нѣтъ. Дѣло тутъ не въ Индіи.

Тибетъ расположенъ у истоковъ Янцзекіанга и Коухо рядомъ съ тремя богатѣйшими провинціями Китая. Су-сенъ, Юннанъ и Канші о. Тамъ въ изобиліи имѣются минералы, шелкъ, лакъ, чай и т. п. Захватывать такія нетронутыя богатства, конечно, надо съ западной стороны, опираясь твердою ногою въ Тибетѣ.

Завладѣть этими провинціями съ востока не возможно.

Намѣренія Россіи владычествовать въ Тибетѣ ясно выражены.

Нѣтъ сомнѣнія, что покончивъ дѣла въ Манчжуріи, она протянетъ туркестанскія желѣзныя дороги по сѣверной границѣ Тибета и черезъ провинціи Су-сенъ и Хань-коу...

Вотъ почему, ловя удобный моментъ, Англія и стремится изолировать намѣренія Россіи и успѣть завладѣть богатствомъ самаго центральнаго Китая».

Если по этой статьѣ можно составить мнѣніе о Китаѣ, какъ о какомъ-то безконечно лакомомъ кусочкѣ, на который сразу съ трехъ сторонъ зарятся Россія, Англія и Японія, то зато въ другой статьѣ, наоборотъ, доказывается, что Китай не великое сокровище для завоевателя.

Передовая политическаго журнала «Ниханъ-Дзинъ» т. е. «Японцы» называется крикливо «Раздѣлъ Китая и раздѣлъ Россіи».

Статья кончается словами:

«Раздѣленіе Китая легко осуществить, но это предоставляетъ мало выгодъ. Раздѣлить Россію очень выгодно, но это представляетъ много труда»... (!)

Эта аксіома доказывается на нѣсколькихъ страницахъ и производитъ комичное впечатлѣніе.

Но вотъ серьезная статья профессора Куваками въ журналѣ «Чіу-оо-коо-ронъ» («Центральный голосъ общества»).

Онъ возражаетъ тѣмъ журналистамъ, которые увѣряютъ, будто нынѣшняя война—война за цивилизацію.

«Нечего фальшивить. Цивилизація Россіи выше цивилизаціи Японіи. Россія дала столько громкихъ именъ на поприщѣ чистой науки, столько свѣтилъ на поприщѣ прикладныхъ знаній, столько геніевъ на поприщѣ міровой литературы...

Пока у насъ не будетъ Лермонтова, Пушкина, Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Гончарова и другихъ—мы не можемъ говорить объ истинной цивилизаціи...

У насъ цивилизація тѣла, а не духа».

ВЕЧЕРЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

«Русь», 16 іюня.

Трещина Японо-американской дружбы. — Корейское безволіе. — Японскія звѣрства — Вмѣшательство третьихъ лицъ. — Катастрофа во время манифестацій. — Скандалъ въ женской школѣ.

Крупной неожиданностью является послѣдняя передовая статья «Дзи-Дзи».

«Хотя американцы,—говоритъ газета,—и друзья намъ, все-же слѣдуетъ зорко наблюдать за развитіемъ ихъ флота. Мечта американцевъ сдѣлать океанъ «Американскимъ озеромъ». Наша задача—не допустить этого».

Какимъ диссонансомъ являются эти слова съ тѣми восторженными строками, которыя какой-нибудь мѣсяцъ тому назадъ та-же «Дзи-дзи» посвящала «великому юбилею»:

«Японія переживаетъ историческій моментъ: ровно полвѣка тому назадъ къ ея берегамъ пристало впервые американское судно.

Правительство Шогуна заключило временный трактатъ съ американскимъ адмираломъ Перри и открыло для иностранцевъ два порта—Шиноди и Хакодате.

Съ тѣхъ поръ массу любезностей на разстояніи полвѣка оказали намъ американцы. Массу любезностей оказываютъ и въ настоящее время.

Сегодня мы празднуемъ самый мирный изъ юбилеевъ—юбилей культурности.

Судьбѣ угодно, чтобы мы праздновали его подъ орудійный громъ. Судьба мудра. Она не могла намъ дать болѣе нагляднаго, болѣе краснорѣчиваго подведенія итоговъ, чѣмъ эта война.

Какая рѣчь оратора могла-бы очертить ростъ симпатій американскаго правительства къ намъ, чѣмъ отношенія его къ намъ въ эту войну...

Будемъ-же надѣяться, что эта дружба между японцами и американцами на вѣчныя времена будетъ служить залогомъ силы обоихъ государствъ»...

Казалось-бы, перспектива «Американскаго озера» должна только

радовать и графа Окума, и Шимоди, и Фукузава,—тѣхъ ораторовъ, которые распинались на «великомъ юбилеѣ».

Нынѣшняя передовая написана туманно, но въ ней слышна какая-то затаенно-тревожная недомолвка.

Недоумѣніе производитъ и статья «Отзывъ корейскаго посланника изъ Петербурга».

Корейскій посланникъ, какъ извѣстно, никуда не отзывался, а японская газета говоритъ 6 мая:

«Вчерашняя телеграмма изъ Сеула насъ извѣстила о рѣшеніи корейскаго правительства отозвать посланника изъ Петербурга.

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Удивительно только одно, какъ до сихъ поръ Корея медлила съ оффиціальнымъ перерывомъ дипломатическихъ отношеній.

Вѣдь фактическій перерывъ совершился уже давнымъ-давно.

Мы должны поддержать слово и дѣло и благоразумное рѣшеніе безвольнаго корейскаго правительства и устранить тѣ мелкія препятствія, которыя могутъ встрѣтиться при осуществленіи намѣренія отозвать посланника изъ Петербурга».

Между тѣмъ посланникъ опровергаетъ всякій слухъ о намѣреніи его отозвать.

Острый вопросъ «о японскихъ звѣрствахъ» породилъ цѣлую литературу.

Такаки-Санъ сказалъ мнѣ:

Судя по разнымъ корреспонденціямъ съ Востока о составленіи иностранными военными агентами протоколовъ, случаи звѣрства на полѣ брани были несомнѣнно. Но съ твердою увѣренностью мы можемъ утверждать, что такое возмутительное явленіе, какъ добиваніе раненыхъ, не въ духѣ японской арміи. Это только отдѣльные возмутительные случаи проявленія кровожаднаго инстинкта отдѣльныхъ единицъ. Въ каждой арміи, даже европейской, есть такіе отдѣльные индивидуумы, которые подъ громъ пальбы, въ зною рѣзни превращаются въ фанатиковъ крови, изувѣровъ войны... Европейцы не могутъ себѣ представить, до какой степени первыя же военныя удачи просвѣтлили духъ арміи и заставили ее горделиво сказать себѣ: «На тебя устремлены глаза всего свѣта, держи себя безупречно. Покажи Европѣ, которая только что презрительно относилась къ тебѣ, что ты уже не азіатка!»

Всѣ генералы, всѣ офицеры, вся армія держатся на чеку, чтобы какъ нибудь не выдать своего азіатскаго происхожденія.

И вдругъ, имъ въ упрекъ бросаютъ самое тяжкое изъ азіатскихъ звѣрствъ.

Японскія газеты требуютъ немедленнаго разслѣдованія дѣла и наказанія виновныхъ.

А «Дзи-Дзи» спрашиваетъ:

— Какъ могло произойти это проклятое явленіе?

И отвѣчаетъ:

— Японско-китайская война была войной азіатовъ.

Вспомните, кто первый сталъ раздувать тогда по всему міру о японскихъ звѣрствахъ при взятіи Портъ-Артура—New-York-Herald».

Онъ не кричалъ о звѣрствахъ китайцевъ, а на повѣрку вышло, что многія китайскія злодѣянія были приписаны намъ.

Та война—дѣло прошлое. Но мы имѣетъ право съ гордостью утверждать, что хотя это и была война азіатская, это не была азіатская война, она началась и окончилась цивилизованной войной.

О звѣрствахъ не было слышно ни въ Піонянѣ, ни въ Тюренченѣ, ни въ Дагушанѣ, ни въ Вейхайвеѣ... О нихъ слышно было лишь тамъ, гдѣ брали перевѣсъ надъ нами китайцы,—вѣдь хунхузы были тогда нашими врагами...

Еще наканунѣ атаки Портъ-Артура въ окрестностяхъ его уже встрѣчались трупы развѣдчиковъ, разрѣзанныхъ въ куски, изувѣченныхъ, съ выколотыми глазами, отрѣзанными носами и ушами,— это была работа хунхузовъ.

Помните, какъ встревожили эти картины въ описаніи очевидца истязаній дивизіоннаго генерала Ямадзи...

Тогда намъ пришлось на весь свѣтъ, благодаря любезности «New-York-Herald'a», отвѣчать за грѣхи хунхузовъ.

Теперь хунхузы—враги русскихъ.

Не за ихъ ли грѣхи приходится отвѣчать намъ и теперь!

«Ман-чо-хо» какъ-бы отвѣчаетъ на этотъ вопросъ «Дзи-Дзи».

«Нашъ собственный корреспондентъ сообщаетъ изъ Тюренчена о подломъ поведеніи туземцевъ манчжуръ.

Всѣмъ уже извѣстно нахальство и подлость манчжура.

Во время боя подъ Тюренченомъ, когда началось отступленіе русскихъ, массы китайцевъ-туземцевъ нахлынули на поле брани со всѣхъ окрестностей и, не смотря на непрекратившійся еще огонь, стали грабить и раздѣвать не только убитыхъ, но и раненыхъ.

Я встрѣтилъ много русскихъ совершенно голыхъ труповъ.

Такое явленіе нельзя пропустить безъ вниманія, потому что

русскіе, видя своихъ мертвыхъ голыми и даже изуродованными, могутъ приписать это нашимъ солдатамъ.

Пожелаемъ, чтобы наши военачальники принимали строгія мѣры противъ хунхузства и ограждали поле сраженія отъ китайцевъ до тѣхъ поръ, пока не окончитъ свои работы Красный Крестъ».

Въ «Дзи-Дзи» находимъ статью и о вмѣшательствѣ третьихъ лицъ.

«Какое же это можетъ быть вмѣшательство?

Международное право признаетъ:

1) дружескій совѣтъ,

2) посредничество,

3) третейскій судъ и

4) вмѣшательство.

Но дружескій совѣтъ мы можетъ получить только отъ одной державы—отъ Англіи, нашей ближайшей подруги.

Но Англія уже даетъ намъ дружескіе совѣты, и она не дастъ намъ иного совѣта, кромѣ тѣхъ, на которые Японія уже согласилась.

Теперь о посредничествѣ и третейскомъ судѣ.

Только Германія да Соединенныя Штаты могли бы сыграть роль посредницы. Англія и Франція, какъ находящіяся въ союзѣ съ одной и другой стороной не могутъ быть безпристрастными посредниками.

Но щекотливое поведеніе Германіи заставляетъ насъ рѣшительно отказаться отъ ея посредничества.

А Соединенные Штаты сами не пожелаютъ взять на себя щекотливую роль посредника. Мало того, для интересовъ Штатовъ такая роль была бы чрезвычайно опасной.

Да и Японія, что ни пиши европейскія газеты, но она вовсе не желаетъ появленія на военномъ горизонтѣ третьихъ лицъ.

Такъ что остается только вмѣшательство.

Кто вмѣшается?

Едва ли Германія и Франція вступятся съ оружіемъ въ рукахъ за дѣло русскихъ.

Да едва ли и Англія съ Америкой обнажатъ оружіе ради насъ.

Будемъ откровенны: разъ этого не пожелаютъ воюющія стороны, никто не вмѣшается въ нашу войну.

Наша война останется нашей».

Много мѣста японскія газеты удѣляютъ на то, чтобы позлословить на счетъ полиціи.

Та самая полиція, которая запрещаетъ на улицѣ самыя невинныя манифестаціи, взяла на себя устройство грандіознѣйшихъ манифестацій по поводу высадки на Ляодунскій полуостровъ, третьей блокады и тюренченскаго дѣла.

Въ манифестаціи 10 мая приняли участіе до 150,000 человѣкъ. Но печально окончилась она.

Полиціей 19 человѣкъ—задавлено,—35 тяжело ранено, а легко раненымъ нѣтъ числа.

Давила сама полиція.

Кто-то распорядился, чтобы для праздничнаго дня она сѣла на коней...

Ужъ если кавалеристы японскіе не умѣютъ обращаться съ лошадьми, какъ слѣдуетъ, чего-же требовать отъ полисменовъ...

Лошади, напуганныя громомъ ликующей холостой пальбы, криками «банзай» и ракетной шумихой, вставали на дыбы, бросались въ толпу и... разбивали черепа.

Спасающаяся отъ коней толпа бросалась къ старому дворцу Шогуна и попадала тутъ въ ровъ...

Старинная стѣна, окружающая этотъ дворецъ, прорѣзана только одними узкими воротами...

Дверцы воротъ живо окровавились...

«Дзи-Дзи ратуетъ о засыпкѣ рва и разрушеніи стѣны. Но нѣкоторыя газеты придаютъ большое археологическое значеніе этимъ памятникамъ шогунетской древности и сваливаютъ всю вину на полицію.

Тюренченскій бой вообще произвелъ очень глубокое впечатлѣніе на японцевъ. Но въ особенности ему придается значеніе стратегами.

— Этотъ бой—пишетъ спеціальный корреспондентъ «Дзи-Дзи»—открылъ намъ глаза на русскую артиллерію:

«Какъ я уже сообщалъ русскіе полевыя орудія превосходны. Они всѣ системы Коза (?). Эти полевыя орудія впервые были примѣнены во французской арміи въ 1897 году. Многократные опыты показали, что орудія эти—лучшія въ мірѣ. Тюренченскій бой только подтверждаетъ это. Русскіе укрѣпили Тюренченъ орудіями, сдѣланными въ 1902 году. Ихъ сила простирается на 7,000 метровъ, а шрапнелью они могутъ дѣйствовать на разстояніи 5,500 метровъ,

тогда какъ обыкновенныя орудія могутъ дѣйствовать только на 3.000—3,500 метровъ. Столь сильная артиллерія сильно мѣшала нашимъ понтонистамъ на р. Ялу.

При отступленіи, русскіе артиллеристы оставляютъ орудія, предварительно превративъ ихъ въ состояніе полной непригодности. Они или вынимаютъ замки, или портятъ каналы орудій.

Во время японо-китайской войны при отступленіи китайцы оставляли орудія совершенно цѣлыми такъ что мы сію же минуту могли изъ этихъ самыхъ орудій разстрѣливать самихъ хозяевъ ихъ.

Поистинѣ великое различіе между азіатскимъ паническимъ отступленіемъ китайцевъ и хладнокровнымъ тактическимъ пріемомъ русскихъ! И скажешь каждому: Русскіе—серьезные и достойные враги».

На-дняхъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія произошелъ крупный скандалъ.

Директоръ одной изъ токійскихъ женскихъ гимназій въ отвѣтъ на жалобу ученицы, что у нея кѣмъ-то украдены 5 іенъ, собственноручно раздѣлъ и обыскалъ всѣхъ одноклассницъ потерпѣвшей.

Газеты возмущены:

«Мы должны и на войнѣ, и въ мирной жизни одинаково бояться прослыть въ глазахъ европейцевъ дикарями:

На нашу репутацію вылили столько грязи, говоря, что мы злоупотребляемъ Краснымъ Крестомъ, что мы мародерствуемъ...

Намъ съ трудомъ удалось опровергнуть это позорное подозрѣніе...

И вдругъ, мы сами себя показали такими дикарями, что больше идти некуда.

Гдѣ же? Въ томъ министерствѣ, которое должно учить добру, свѣту, уваженію къ личности...

Кѣмъ же? Тѣмъ самымъ чиновникомъ, кому ввѣрена благородная задача возвышать японскую женщину до степени европейской!

Когда же? Въ тотъ самый моментъ, когда друзья и враги смотрятъ на насъ, стараясь поймать малѣйшій нашъ фальшивый шагъ, чтобы о немъ накричать на весь міръ...

Поступокъ директора гимназіи—не только позоръ, а и горе, горе, горе Японіи.

ВЕЧЕРЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

«Русь» 25 іюня.

Что также дипломатія. — Мечты о собственной газетѣ.

Удивительно откровенную статью помѣстилъ въ послѣднемъ номерѣ «Тайо» извѣстный публицистъ Хаякева.

Онъ задается вопросомъ:

Какой должна быть внѣшняя политика въ военное время?

И отвѣчаетъ:

— Дипломатія въ военное время должна быть на военномъ положеніи. Ея главными достоинствами должны быть быстрота и натискъ.

Она должна быть особенно бдительной и не останавливаться для достиженія своихъ цѣлей ни передъ какими средствами.

А цѣлей у нея четыре:

1) Ускорить окончаніе войны.

2) Подорвать симпатіи къ Россіи всего міра.

3) Помѣшать Россіи заключить выгодный заемъ.

4) Избавиться отъ невыгодныхъ посредничествъ третьихъ лицъ.

О первой цѣли Хаякева пишетъ:

«Война—нежелательное явленіе для всякаго государства, для всякаго человѣка. Лишь обстоятельства вынуждаютъ взяться за оружіе. Нѣтъ въ мірѣ явленія худшаго, чѣмъ война. И всетаки мы не должны сложить оружія, не добившись своей цѣли. Тѣмъ не менѣе дипломаты обязаны стараться о сокращеніи срока войны, а не о томъ какъ бы получить возможность его растянуть. А до сихъ поръ наши дипломаты стремились скорѣе къ послѣднему.

Теперь поздно думать, что продолжительность войны—вопросъ чисто стратегическій. Дипломатія, искусно вторя стратегическимъ начертаніямъ, какъ показали примѣры европейскихъ войнъ, можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи чудеса.

Чтобы сократить срокъ войны, дипломатія должна поселить во всемъ мірѣ отвращеніе къ нынѣшней войнѣ, доказавъ державамъ что чѣмъ дольше война протянется, тѣмъ сильнѣе будетъ ударъ для торговли въ Восточной Азіи.

А эта торговля нужна всѣмъ, или почти всѣмъ.

Для этой цѣли японскіе дипломаты, по примѣру европейскихъ должны имѣть свой собственный органъ печати.

Смѣлая и быстрая политика Бисмарка выкована на наковальнѣ прессы.

Почему же наши дипломаты не имѣютъ своей газеты въ Европѣ?

Завести такой органъ было бы гораздо продуктивнѣе, чѣмъ тратиться на помпезныя поѣздки барона Суемацзу и Канеко на Западъ.

Этимъ же органомъ легко можно было бы воспользоваться и для достиженія остальныхъ трехъ цѣлей.

Гдѣ мы можемъ, въ отвѣтъ на обвиненіе Россіей насъ въ разныхъ беззаконіяхъ, крикнуть всему свѣту о беззаконіяхъ Россіи: о потопленіи Накоуры-мару и Ханей-мару, объ оскорбленіи выселившихся изъ Сибири японцевъ, о злоупотребленіи флагомъ Краснаго Креста...

А кто будетъ источникомъ военнаго фонда? Конечно, французскіе капиталисты, т. е. французскіе евреи, потому что всѣ французскіе капиталисты—евреи.

Но развѣ посредствомъ «хорошей прессы» будетъ трудно возстановить французскихъ евреевъ!..

Теперь послѣдній вопросъ—устраненіе якобы грозящаго намъ вмѣшательства третьихъ лицъ.

Ну ужъ тутъ для всякаго ясно, какую силу можетъ имѣть собственная газета.

Примѣръ японско-китайской войны показалъ ясно, что побѣдителю получить прекрасные плоды войны еще труднѣе, чѣмъ побѣдить...

Послѣ того, какъ побѣдятъ полководцы, должны еще побѣдить дипломаты.

А какъ могутъ надѣяться на побѣду наши дипломаты, когда у нихъ въ рукахъ нѣтъ самаго дальнобойнаго, самаго скорострѣльнаго оружія,—оружія одинаково пригоднаго и для наступленія, и для обороны,—меча и щита въ одно и то же время, т. е. газеты?

У насъ—много газетъ. Но онѣ всѣ—нѣмы на міровой аренѣ,

къ ихъ голосу не прислушиваются, потому что нашего языка ни Европа, ни Америка не знаютъ.

А намъ нужно говорить по англійски, по французки и по нѣмецки,—говорить, кричать, обращать на себя міровое вниманіе.

Вотъ почему намъ выгоднѣе немедленно купить три вліятельныхъ европейскихъ газеты, чѣмъ три могущественныхъ броненосца.

Выгоднѣе завоевать журналъ, чѣмъ взять непріятельскую крѣпость».

* * *

Поживемъ — увидимъ, какую вліятельную газету завоюютъ японцы.

Для этого, впрочемъ, и жить-то особенно долго не придется: судя по нѣкоторымъ признакамъ, кое-что «вліятельное» въ Англіи и Америкѣ ими уже завоевывается.

Къ дипломатіи же взываетъ и передовикъ «Дзи-Дзи», совѣтуя немедленно ввести въ Кореѣ существенныя реформы.

«Оптимисты, можетъ быть, ликуютъ уже что дружба между обѣими державами укрѣпилась и еще болѣе укрѣпится послѣ нашей окончательной побѣды.

Но это пустыя надежды.

На корейцевъ нельзя полагаться. Они сами не знаютъ, что съ ними будетъ на завтрашній день. Сами не знаютъ потому, что это народъ безъ воли, безъ желанія, безъ настоящаго, прошлаго, и вѣроятно—будущаго. Что ждать намъ отъ Кореи, когда она даже за симоносекскій договоръ не почувствовала къ намъ благодарности? А развѣ японо-китайская война не ради Кореи пролила столько японской крови?

Изъ за корейскаго вопроса льется и теперь кровь. Но въ пылу сѣчи намъ нельзя забывать о немедленномъ приведеніи въ исполненіе всѣхъ пунктовъ японо-корейскаго соглашенія и главнаго изъ нихъ—немедленной реформы корейской администраціи.

Бояться того, что реформы эти встрѣтятъ протестъ со стороны европейскихъ державъ, нельзя.

Японо-корейское соглашеніе заключено на виду у всего міра и до сихъ поръ не опротестовано никѣмъ.

Мало того, осуществленіе многихъ изъ пунктовъ реформъ будетъ даже чрезвычайно пріятно многимъ иностранцамъ, имѣющимъ экономическіе интересы въ Кореѣ.

Мы увѣрены, что наши дипломаты не дремлютъ, но пусть эта статья еще разъ поторопитъ ихъ».

Оптимизмъ газеты доходитъ до того, что она видитъ въ японизаціи корейскаго кабинета залогъ еще болѣе тѣсныхъ узъ съ англичанами и американцами.

Другой оптимистъ—директоръ департамента гражданскаго правленія острова Формозы, Гото Синпей, въ интервью, напечатанномъ «Солнцемъ», хлопочетъ о болѣе прочныхъ узахъ.

«Теперь мы своими интересами вплотную подошли къ Западному міру. Не мѣшаетъ подумать и о физическомъ сближеніи съ нимъ.

Еще задолго до войны я высказывалъ мысль о необходимости соединенія Японіи посредствомъ кабеля съ Филиппинами.

Я не былъ достаточно внимательно выслушанъ. А теперь вотъ вы всѣ видите, какъ наша оторванность мѣшаетъ намъ участвовать въ европейскомъ концертѣ.

Мы прорвемся изъ нашихъ маленькихъ островковъ въ большой свѣтъ, мы станемъ блестяще развивать нашу колоніальную политику, мы заживемъ съ Европой одной душою, одними нервами»...

И все это долженъ надѣлать кабель.

Какъ будто присоединиться къ европейскому концерту такъ же легко, какъ присоединиться къ канализаціи.

Провелъ кабель, заявилъ кому слѣдуетъ въ мировомъ участкѣ,— и готово.

Въ одной изъ телеграммъ генерала Куропаткина говорилось о казни двухъ японцевъ, намѣревавшихся испортить желѣзнодорожный мостъ въ Манчжуріи.

Одного звали Іококава (въ телеграммѣ «Іока»), а другого Оки.

Сиратори разсказалъ мнѣ интересныя подробности о первомъ изъ нихъ.

— Іококава—это тоже самое, что у васъ въ Россіи В. И. Немировичъ-Данченко. Это былъ самый популярный, самый неутомимый изъ военныхъ корреспондентовъ. Его блестящія публицистическія способности особенно развернулись въ японо-китайскую войну, которую провелъ онъ въ качествѣ спеціальнаго корреспондента вліятельной газеты «Токіо Асахи». Талантливый и страстный онъ часто увлекается въ своихъ яркихъ описаніяхъ боя. Впрочемъ не чаще, чѣмъ г. Немировичъ-Данченко. Темпераментъ заставляетъ его говорить «горячо» тамъ, гдѣ только «тепло». Но эта-то горячность и подкупаетъ такъ публику въ фельетонахъ и статьяхъ Іококавы.

Съ Немировичемъ-Данченкойсродняетъ Іококаву и страстная любовь къ путешествіямъ. Онъ всю свою жизнь проводитъ въ чужихъ краяхъ, которые и описываетъ такъ же ярко, точно, увлекая слушателя и увлекаясь самъ.

Послѣ китайской войны онъ успѣлъ ужъ прожить годъ на Гавайскихъ островахъ, годъ въ Соединенныхъ Штатахъ и годъ въ Лондонѣ. Затѣмъ, полтора года прожилъ въ Пекинѣ и сталъ скитаться по Монголіи и Манчжуріи.

Въ 1902 году его даже задержали на нѣсколько дней русскія власти въ Харбинѣ.

И вдругъ онъ пропалъ безъ вѣсти.

Теперь газеты воспроизводятъ послѣднее таинственное письмо, полученное отъ него пріятелемъ въ Токіо:

«Здравствуй. Наступила пора дѣйствовать дѣломъ, а не словомъ. Приближается время, когда моя цѣль будетъ достигнута.

Какъ только начнется война, я совершу подвигъ, который увидитъ весь міръ, отъ котораго содрогнется Россія.

Я больше не буду жить въ Пекинѣ. Мое мѣстонахожденіе никому не будетъ извѣстно».

Оки, учитель японо-китайскаго языка, былъ также страстнымъ сторонникомъ войны съ Россіей и столь же таинственно и неожиданно исчезъ съ японскаго горизонта, оставивъ другу въ Токіо письмо, подобное вышеприведенному.

Теперь японскія газеты посвящаютъ большія статьи героизму этихъ дуумвировъ, строятъ всевозможныя предположенія на тему— «Что замышлялъ противъ Россіи Іококава?» и скорбятъ, что «его идея умерла съ нимъ».

* * *

Изъ сотенъ корреспонденцій съ театра войны, которыми теперь переполнены всѣ японскія газеты, привожу изъ «Дзи-Дзи» очень характерное для японцевъ описаніе «трофеевъ Тюренчена»:

«Сегодня я разсматривалъ трофеи, взятые при Тюренченѣ.

Трофеи эти разбиты на три категоріи:

1) вещи, которыя принадлежали арміи, считаются настоящими трофеями, т. е. не возвращаются Россіи и послѣ войны;

2) вещи, которыя принадлежали кому-нибудь лично, если ихъ владѣльцы будутъ извѣстны (напр., на вещи надпись владѣльца, или мѣтки, или монограммы),—эти вещи по окончаніи войны будутъ возвращены.

3) всѣ вещи, принадлежащія Красному Кресту, будутъ возвращены Россіи.

Трофеи первой категоріи отправляются немедленно же въ Японію, а нѣкоторые будутъ немедленно же утилизированы нашей арміей.

Между орудіями, доставшимися намъ и попорченными русскими до полной непригодности, мы нашли теперь нѣсколько орудій, вполнѣ годныхъ для употребленія.

Русскіе не успѣли или не хотѣли ихъ испортить, а только разобрали ихъ по частямъ и отдѣльныя части спрятали по кустамъ.

Намъ удалось изъ собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ частей составить нѣсколько цѣльныхъ орудій».

... «Судя по трофеямъ, русскіе удивительно аккуратно содержатъ свое оружіе,—всѣ вычищены великолѣпно.

Видно, что русскій артиллеристъ любитъ свое орудіе не меньше чѣмъ японскій»...

А вотъ мрачная картинка изъ другой корреспонденціи.

«8-го мая пополудня я совершилъ прогулку по полю недавняго сраженія. Иду я по горному пути, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ тюренченской позиціи и вижу подъ ногами трупъ русскаго, повидимому лѣтъ 30. Лицо совсѣмъ черное. Ротъ полуоткрытъ. Руки и ноги еще свѣжи, но животъ сильно вспученъ. Кожа непріятно блеститъ. Ужасная картина, но я ее все же сфотографировалъ и высылаю вамъ. Иду дальше,—еще обнаженный русскій трупъ. И тамъ, и тутъ,—всюду выкопаны разложившіеся трупы, съ нихъ содрана одежда... Это все дѣла китайцевъ»...

15-го мая 453 русскихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ 160 здоровыхъ и 234 раненыхъ, прибыли въ портъ Такахама, а отсюда отправлены въ Мацуяма, гдѣ и будутъ находиться все время.

«Въ этотъ день масса народа растянулась по всей дорогѣ отъ вокзала до отведеннаго плѣннымъ помѣщенія.

Прибѣжали даже жители окрестныхъ деревень. Полиція зорко слѣдила, чтобы не было демонстрацій. И ихъ не было»...

...«Здоровыхъ офицеровъ 8. Въ томъ числѣ два подполковника.

Ихъ одежда—великолѣпна. Сукно стоитъ не дешевле $3^1/_2$ іенъ

за квадрадный шаку, тогда какъ у нашихъ офицеровъ шаку сукна стоитъ не дороже одного іена!

Они разсказываютъ всѣмъ, что русскіе потерпѣли пораженіе не потому, что слабы, а потому, что слишкомъ мало было войскъ и провизіи на Ялу.

Увѣряютъ, что въ тюренченскомъ боѣ русскихъ было всего на всего 15.000 человѣкъ!»...

Въ дѣйствительности въ бою ихъ было не болѣе 10 тысячъ!

« . . . Одежда солдатъ тоже хороша. Брюки изъ великолѣпнаго сукна. Оно тонкое, но очень прочное. Видно, что одежда поношенная но нигдѣ не порвана. Говорятъ шаку стоитъ не менѣе $1^1/_2$ іенъ. А наша—50 сенъ! Сапоги тоже дорогіе. А у нашего кавалериста не дороже $2^1/_2$ іенъ. Пальто—тяжеловѣсное, но за то, вѣроятно, теплое, хотя жалуются, что оно промокаетъ подъ манчжурскими ливнями. Они носятъ разныя принадлежности въ страшно неудобномъ мѣшкѣ, повѣшенномъ черезъ плечо, въ томъ числѣ большую бѣлую чашку. Говорятъ, они въ этой чашкѣ мѣшаютъ супъ, хлѣбъ, мясо и пр.

Непрактичность этой чашки по сравненію съ тѣмъ бумажнымъ котелкомъ, какой имѣетъ нашъ солдатъ, очевидна. Котелокъ легокъ, складывается, вода въ немъ вскипаетъ черезъ 15 минутъ, годится онъ на 8—9 разъ и стоитъ всего 4 сена.

Наши офицеры удивлялись способности русскихъ солдатъ носить ихъ тяжелое обмундированіе. Благодаря ему, они не могутъ успѣшно сражаться съ нашей легкой и легко обмундированной пѣхотой»...

« . . . Сверхъ всякаго ожиданія о ростѣ русскихъ солдатъ мы имѣетъ невѣрное понятіе. Встрѣчаются и статные солдаты, но большинство лишь чуть-чуть отличаются отъ японцевъ и по росту, и по вѣсу, и по ширинѣ груди».

« . . . Говорятъ офицеры по-французски и по-нѣмецки. Только одинъ офицеръ Людовикъ Краузе говоритъ по-англійски.

Въ плѣну находится одинъ военный врачъ и три фельдшера. Врачъ прекрасно владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ и искусно оперируетъ».

« . . . Какъ офицеры, такъ и нижніе чины имѣютъ на мелкіе расходы деньги.

Они получили ихъ отъ японскихъ властей еще въ Ан-Дун-Янѣ: офицеры по 20 іенъ, нижніе чины по 10 іенъ. Говорятъ, что эти деньги подарены однимъ изъ членовъ нашей императорской фамиліи».

ВЕЧЕРЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

«Русь» 30 Іюня.

Корея для японцевъ!—Манджурія для японцевъ!—Сахалинъ для японцевъ!—Что читаютъ русскіе?

По какимъ-то совершенно непонятнымъ причинамъ въ русской печати до сихъ поръ не появился полный текстъ японо-корейскаго соглашенія, заключеннаго еще 23 февраля.

Мало того. И въ японской общей прессѣ онъ почему то обходился молчаніемъ и появился лишь въ послѣднемъ номерѣ «Солнца».

Японцы чрезвычайно остроумно заявляютъ, что разъ этотъ договоръ не опротестованъ иностранными державами, значитъ, онъ «симпатиченъ» имъ.

Но если вглядѣться въ содержаніе этого «симпатичнаго» договора, заключннаго уполномоченнымъ посланникомъ японскаго императора при корейскомъ дворѣ Гонсуке Хаяси и министромъ иностранныхъ дѣлъ корейскаго императора Ли-си-іо, станетъ понятно, почему онъ не опротестованъ.

1. Для того, чтобы укрѣпить вѣчную дружбу между Японіей и Кореей, и сохранить несокрушимый миръ на Дальнемъ Востокѣ, императорское правительство Кореи должно принять совѣтъ императорскаго правительства Японіи относительно реформы внутренней администраціи, вѣруя твердо въ благое вліяніе послѣдней.

2. Японское правительство обязано обезпечить императорскій домъ Кореи, съ искренней дружбою.

3. Японское правительство ручается за независимость Корейской имперіи и неприкосновенность ея территоріи.

4. При иностранномъ вторженіи или же во время внутреннихъ безпорядковъ, въ случаѣ, если спокойствіе императорскаго дома или неприкосновенность территоріи подвергнутся опасности, японское правительство приметъ необходимыя мѣры, сообразно обстоятельствамъ; въ такое время, корейское правительство должно оказать полное содѣйствіе японскому правительству.

Для того, чтобы достигнуть вышеупомянутыхъ цѣлей, японское

правительство получаетъ право занять временно нѣкоторые пункты въ Кореѣ, смотря по надобностямъ стратегіи.

5. Правительства обѣихъ имперій безъ взаимнаго согласія не имѣютъ права заключать съ какимъ-либо третьимъ лицомъ договора, могущаго нарушить принципы нынѣшняго договора.

6. Детальные пункты, касающіеся этого договора, заблаговременно могутъ устанавливатьси между уполномоченнымъ представителемъ японской имперіи и министромъ иностранныхъ дѣлъ Корейской имперіи.

23 февраля 1904 года.

Гонсуке Хаяси Ли-си-іе.»

Развѣ можно опротестовать эти общія фразы такія туманныя и такія растяжимыя!

Въ своихъ прокламаціяхъ японцы кричали:

— Корея—для корейцевъ.

А въ этомъ договорѣ звучало открыто:

— Корея—для японцевъ!

И всѣ шесть пунктовъ договора можно было бы слить въ одномъ.

— Корея—для японцевъ!

Ну, стоитъ ли иностранцамъ протестовать противъ такого патетическаго договора? Къ чему? Корейцы сами запротестуютъ. И уже запротестовали.

Помните въ XXIII «Японскомъ вечерѣ» тревожную статью «Дзи-Дзи» о корейскихъ дѣлахъ:

— Необходимо немедленно ввести реформы въ корейскомъ правительствѣ,—что бы это ни стоило!

А если это будетъ стоить поголовнаго возстанія?

Интересно, конечно, знать, чего добиваются японцы отъ Кореи. Но еще интереснѣе узнать, чего они добиваются отъ Манчжуріи.

Недавно «Дзи-Дзи» устами одного изъ крупнѣйшихъ экспортеровъ изложило pia desiderata японскихъ купцовъ.

Они сводятся къ 18 пунктамъ:

1) Необходимо кромѣ Нью-Чжуана, Мукдена и Да-дунъ-гоу, открыть для международной торговли Харбинъ, Гиринъ, Кинъ-Сіу, Дальній и др. важные города Манчжуріи.

2) Необходимо получить право учреждать рѣчныя пароходства по рр. Ляо-хе, Амуру, Сунгари и Ялу.

3) Необходимо получить концессію на устройство желѣзныхъ дорогъ Ы-чжу-Ляоянъ-Чанъ-чжуангай, Инкоу-Ніокаденъ.

4) Необходимо учредить банки въ главныхъ городахъ Манчжуріи и выпустить кредитныя бумаги.

5) Необходимъ свободный вывозъ хлѣба изъ Манчжуріи.

6) Необходимо имѣть право участвовать въ таможенныхъ дѣлахъ Манчжуріи и занимать всѣ должности, отъ должности директора таможни до простого служащаго таможни включительно.

7) Необходимо право покупать землю или брать ее въ аренду по всей Манчжуріи.

8) Необходимо получить содѣйствіе для развитія японскаго земледѣлія по всей Манчжуріи (въ особенности посѣвъ свекловицы).

9) Необходимо имѣть концессію на пароходство между Инкоу—Шанхай Дальнимъ съ субсидіей отъ правительства.

10) Необходимо уменьшить тарифъ на телеграммы между Кореей и Манчжуріей.

11) Необходимо добиться пониженія пароходныхъ фрактовъ экспорта, идущаго въ Манчжурію и Корею.

12) Необходимо получить концессію на выработку минеральныхъ богатствъ и на лѣсопильную промышленность.

13) Необходимо открыть въ главныхъ городахъ Манчжуріи таможенные склады (?).

14) Необходимо организовать въ Манчжуріи постоянные выставки японской промышленности и земледѣлія.

15) Необходимо покрыть всю Манчжурію сѣтью японскихъ церквей, школъ и больницъ.

16) Необходимо японскими силами развить въ Манчжуріи почтово-телеграфное дѣло.

17) Необходимо японскими силами усовершенствовать пути сообщенія.

18) Необходимо ввести надзоръ за куплей и продажей на манчжурскихъ рынкахъ.

Съ большимъ успѣхомъ всѣ эти 18 пунктовъ можно слить въ одинъ:

— Манчжурія—для японцевъ!

Но pia desiderata японцевъ идутъ еще дальше.

Они устремляютъ свои очи вожделѣнія и на... Сахалинъ.

Смыслъ длинной и весьма убѣдительной для каждаго японца

статьи «Тай-Хейо» (Тихій Океанъ») —«Рыбный промыселъ въ Россіи» коротокъ и ясенъ:

— Сахалинъ—для японцевъ!..

Эта статья—логическое развитіе той самой энергичной петиціи японскихъ рыбопромышленниковъ, о которой я имѣлъ случай упоминать еще мѣсяцъ тому назадъ («Яп. веч.» XVIII).

Они требовали занятія Сахалина силой, потому что прекращеніе тамъ рыбныхъ ловель по случаю войны—вещь невыносимая для всей Японіи.

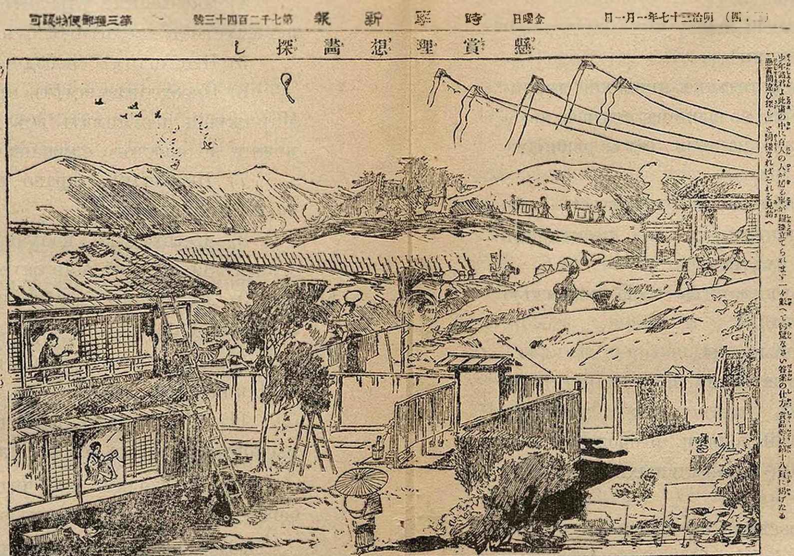
Съ цифрами въ рукахъ профессоръ рыбоводства въ серьезномъ торгово-промышленномъ журналѣ доказывалъ, что у Сахалина рыбы ловилось до сихъ поръ больше, чѣмъ у всѣхъ японскихъ острововъ, вмѣстѣ взятыхъ, и присоединяется къ требованію рыбопромышленниковъ.

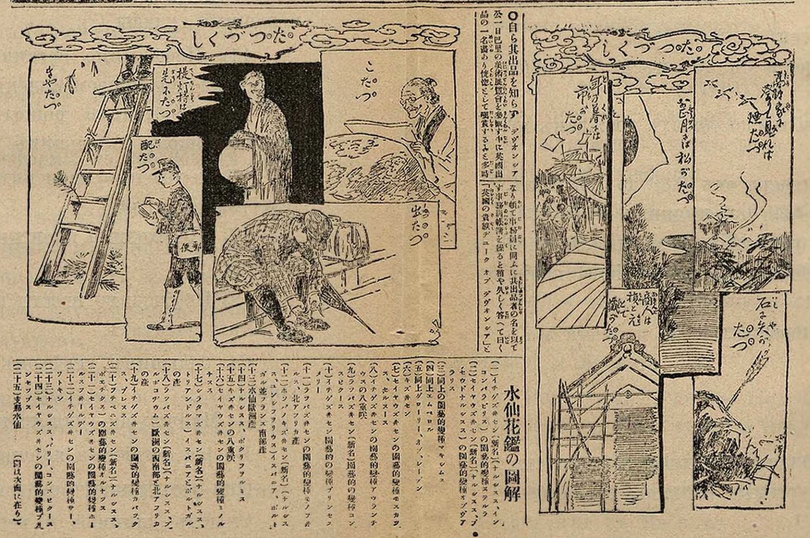
О Сахалинѣ онъ отзывается, какъ о какомъ-то золотомъ днѣ:

«Немного найдется въ мірѣ мѣстъ, столь же богатыхъ рыбой какъ Сахалинъ и азіатское побережье Россіи, — Камчатка, Охотское море, побережье Амура, Командорскіе острова. Эти воды — сокровищницы драгоцѣннѣйшей рыбы — кэты, трески, сельди, кита. Морскіе раки и морская капуста дѣлаютъ ихъ еще желаннѣе для японца.

Наши рыбопромышленники вотъ уже 30 лѣтъ занимаются на Сахалинѣ и вложили въ свои предпріятія большіе милліоны іенъ.

Не смотря на суровыя правила, которыми за послѣднее время русское правительство старалось сдавить

японскую промышленность, наше рыбное дѣло годъ отъ года развивалось и обогащало Японію все болѣе и болѣе.

Да и немудрено. У японцевъ нѣтъ на этомъ поприщѣ никакихъ конкуррентовъ.

Русскіе предприниматели не умѣютъ взяться за дѣло. Да рыбы такъ много, что хватило бы и на нихъ, на насъ.

Теперь—разгаръ сезона.

Недавно наши рыбопромышленники просили у нашего правительства разрѣшенія заниматься обычнымъ дѣломъ на берегахъ Сахалина подъ прикрытіемъ военной силы.

Правительство отвѣтило отказомъ.

Правительство отвѣтило:

— Разоряйтесь. Намъ нѣтъ дѣла до тѣхъ милліоновъ, которые вложены въ Сахалинскіе берега. Намъ нѣтъ дѣла, откуда добудетъ японское крестьянство сельдя для удобренія рисовыхъ полей... Потерпите. Пройдетъ война и берега будутъ снова вашими...

Но это, увы, не такъ безспорно, какъ думаетъ правительство.

Мы можемъ потерять золотые берега Сахалина навсегда. На эти берега за время нашего отсутствія придутъ другіе люди и займутъ наши насиженныя мѣста.

Кто придетъ?.. Русскіе?..

Русскихъ мы не боимся... Русскіе придутъ послѣдними.

Нѣтъ, придутъ американцы.

Несмѣтныя сокровища Сахалина уже привлекаютъ вниманіе ихъ спеціальныхъ журналовъ...

Это будетъ страшное горе для Японіи.

Вотъ почему, диктуя условія мира Россіи, необходимо на первый планъ выдвинуть наши интересы на Сахалинѣ.

Если нельзя будетъ навсегда присоединить къ японской территоріи эту житницу морскихъ сокровищъ, то во всякомъ случаѣ необходимо добиться правъ преимущественнаго занятія тамъ рыбнымъ промысломъ.

Правительству же я еще разъ совѣтую не относиться такъ легкомысленно къ петиціи рыбопромышленниковъ. Это не капризъ съ ихъ стороны, а настойчивое давленіе нужды».

Но не однихъ рыбопромышленниковъ давитъ всею тяжестью своей свинцовой длани японско-русская война.

Государственные налоги страшно повышены.

Земельный налогъ для городскихъ участковъ подъ зданіями съ $2^1/_2$% увеличены до 8%; для деревенскихъ участковъ подъ зданіями съ $2^1/_2$% до 6%; за участки подъ рисовыми полями, огородами, площадями для добыванія соли, источниками минеральныхъ водъ и т. д. съ $2^1/_2$% до 4,3%, со стоимости земли.

Торгово-промышленныя подати въ военное время увеличены на 70%.

Подушное съ 1 іена на 1 іенъ 70 сен.

Акцизъ на первосортныя вина возросъ съ 15 іенъ на $15^1/_2$ іенъ на сахаръ возросъ въ $2^1/_2$ раза.

Рабочія руки, вслѣдствіе отлива работоспособныхъ гражданъ на войну, возросли на 30—40 проц.:

Плотникъ въ день зарабатываетъ теперь отъ 0,80 до 1,50 іенъ, кузнецъ 1,00—1,78, дженерикша 0,80—2,20, кирпичникъ 0,70—1,30, маляръ 0,60—0,80, крючникъ 0.50—075, рабочій на жел. д. 0,80—1,50 и т. д.—цѣны совсѣмъ европейскія! небывалыя здѣсь,—іенъ почти равенъ нашему рублю.

Помѣсячные рабочіе также стали дорожиться.

* * *

— Что читаютъ русскіе?

Этотъ глубокомысленный вопросъ задаетъ «Тайхейо» и отвѣчаетъ:

«Въ Россіи имѣется много періодическихъ изданій, въ особенности въ Петербургѣ.

Во главѣ всей русской прессы стоитъ «Вѣстникъ Европы»—безспорно наилучшій политико-литературный журналъ. Онъ держитъ высоко знамя литературы, и другого такого содержательнаго и глубокомысленнаго журнала, пожалуй, не найти въ цѣломъ мірѣ.

Редакторъ «Вѣстника Европы»—г. Стасюлевичъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ публицистовъ Россіи. Множество его статей переведены на иностранные языки.

Направленіе журнала—либеральное, на что указываетъ уже одно упоминаніе такихъ именъ какъ Достоевскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Пушкинъ и Толстой, имена которыхъ, громкія и у насъ на родинѣ, украшали собой книжки «Вѣстника Европы» за прошлые годы.

Затѣмъ укажу еще три солидныхъ ежемѣсячника: «Міръ Божій», «Русская Мысль» и «Русское Богатство», редакторомъ которыхъ (sic!) состоитъ знаменитый писатель Короленко.

По своимъ литературнымъ достоинствамъ эти четыре журнала во много разъ превосходятъ японскіе.

Изъ еженедѣльныхъ изданій популярнѣе всего «Нива», органъ мѣщанъ и крестьянъ, «Всемірная Иллюстрація»—подходящая ближе къ типу еженедѣльниковъ, «Народное Хозяйство»—органъ сельскихъ хозяевъ и «Право»—журналъ юристовъ.

Ежедневная пресса особенно хорошо поставлена въ Петербургѣ, Одессѣ и Москвѣ.

Извѣстный юристъ Нотовичъ издаетъ въ Петербургѣ газету «Новости» которая гонится исключительно за сексаціей

Старѣйшій журналистъ Суворинъ редактируетъ органы министерства внутреннихъ дѣлъ «Новое Время» въ Петербургѣ и «Московскія Вѣдомости» въ Москвѣ.

Въ Петербургѣ же издается «Бесарабецъ» прославившійся своею крайнею нетерпимостью къ евреямъ.

Самая уважаемая въ Россіи газета издается при московскомъ университетѣ группою профессоровъ—«Русскія Вѣдомости».

Главный недостатокъ всѣхъ газетъ—дороговизна. Въ силу этого газета не можетъ захватывать большіе круги читателей и не проникаетъ въ народъ.

Какъ на образчикъ непомѣрно высокихъ цѣнъ, укажемъ, что обычная розничная цѣна номера въ 4 страницы общегазетнаго формата стоитъ 5 сенъ!

Въ десять разъ дороже, чѣмъ у насъ!»

ВЕЧЕРЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

«Русь» 8 Іюля.

Памятникъ японско-русской войны.—Финансовыя сомнѣнія.—Паника пожертвованій.—Неэкономная экономія.—Благотворительные поцѣлуи.—

Весьма характерный для японцевъ споръ затѣяли тамошніе журналы и газеты:

Чѣмъ увѣковѣчить японо-русскую войну?

Раздавались отдѣльные голоса и за водруженіе статуи Беллоны, но для большинства японцевъ памятникъ въ томъ видѣ, какъ онъ понимается у насъ, вещь непонятная:

— Онъ безполезенъ, дорогъ, кричливъ!

Каждая газета предлагала свое разрѣшеніе этого вопроса. Но всѣхъ примирило предложеніе самаго серезнаго изъ сторонниковъ политико-экономическаго журнала «Тихій Океанъ».

«Можетъ быть, читателямъ странно покажется, что мы подняли вопросъ объ увѣковѣченіи войны за долго до ея окончанія?

Вѣдь еще не извѣстно, чья будетъ побѣда.

Что касается меня, то я не сомнѣваюсь, что мы побѣдимъ. Но даже если окончательная побѣда будетъ на сторонѣ русскихъ неужели мы не имѣемъ права воздвигнуть памятника въ память тѣхъ славныхъ дѣлъ, которыя уже совершены нами и будутъ ожечасно совершаться.

Мы уже заслужили монументъ, и разговоры о томъ, какимъ онъ долженъ быть, въ высшей степени своевременны.

Памятникъ, насколько я понялъ всеобщія разнорѣчивыя желанія, долженъ непремѣнно отвѣчать слѣдующимъ пяти условіямъ:

Это должна быть вещь: 1) вѣчная, 2) общественная, 3) практичная, 4) недорогая и 5) достойная.

Тамъ и тутъ предлагаются разные проекты: устроить библіотеку, учредить комитетъ орошенія, выстроить мостъ, основать коммерческое училище или пріютъ, открыть новый портъ, водрузить маякъ и т. д., и т. д.

Каждый предлагаетъ свое по условіямъ своей мѣстности.

Предполагаются даже такіе памятники, какъ тріумфальныя арки и обелиски, которые на мой взглядъ, не только не нужны, но прямо вредны для общества, свидѣтельствуя о его неизобрѣтательности и пристрастіи къ мишурѣ.

Большая часть проектовъ отпадаетъ сама собой, такъ какъ нынѣшнее экономическое состояніе нашей страны не позволяетъ производить большихъ затратъ.

Да, мнѣ кажется, онѣ и не необходимы. Я предлагаю памятникъ особенно разумный, дешевый, простой и достойный нашей славы.

Засадите на общественныя счетъ большой участокъ земли молодыми вишневыми деревьями.

Пусть выростетъ лѣсъ.

Пусть плоды его уротребляются исключительно на добрыя дѣла.

И пусть шумъ его листвы говоритъ намъ неумолчно о нашей славѣ, а цвѣтъ его деревъ—каждому сердцу напоминаетъ о тысячахъ самураевъ, въ чью честь они зацвѣли».

— Эмблема самурайскаго достоинства находится почти въ каждомъ дворянскомъ гербѣ, на рукояткахъ шпагъ, въ галунномъ шитьѣ, форменной одежды и т. д.,—какъ у насъ лавровый и дубовый листья.

Если «Тихій Океанъ» и не сомнѣвается въ японской побѣдѣ, то передовыя «Дзи-Дзи» уже самымъ заглавіемъ своимъ—«Сомнѣвающимся»,—указываютъ, что въ Японіи есть группа лицъ, у которыхъ угаръ страсти не выбилъ изъ головы благоразумія.

«Сомнѣвающіеся» видятъ причину окончательнаго пораженія японцевъ не въ одной только силѣ и настойчивости Россіи, а главнымъ образомъ—въ худосочіи ихъ финансовъ.

Возражая имъ—«Дзи-Дзи» говоритъ:

«Какъ бы теперь ни везло намъ, намъ предстоитъ длинная упорная война.

«Вы боитесь, что политика Россіи будетъ выжидательной съ цѣлью заставить насъ сложить оружіе вслѣдствіе истощенія финансовъ.

Большинство иностранцевъ, которые апплодируютъ нашимъ успѣхамъ, въ глубинѣ души такого же точно мнѣнія,—сомнѣваются въ нашей побѣдѣ, какъ бы храбры и искусны мы ни были.

«Иностранцамъ простительно это, потому что они поверхностно знаютъ нашу родину. Но намъ, японцамъ, стыдно малодушничать.

«Разъ мы осмѣлились встать противъ такого колосса, какъ

Россія, конечно, мы имѣли основаніе такъ сдѣлать, мы вѣрили, что побѣдимъ, вѣримъ и должны вѣрить, хотя и знаемъ, что страшно дорого обойдется намъ побѣда.

«Финансы...

«Ихъ хватитъ намъ на 3—4 года войны, потому что на 3 года войны потребуется не больше милліарда іенъ.

«Правда, цифры смѣты нынѣшняго года какъ будто противорѣчатъ этому: правительство на военныя нужды этого года ассигновало 570.000,000 іенъ, что для трехъ лѣтъ составило бы 1.710.000,000 іенъ.

«Но правительство черезчуръ ужъ щедро. Такихъ денегъ намъ за три года и дѣвать будетъ некуда.

«Вѣдь даже Англія на южно-африканскую войну истратила всего 2.000.000,000 іенъ! А ей было куда труднѣе: театръ ея военныхъ дѣйствій отстоялъ отъ метрополіи на 7,000 миль и 200,000 ея солдатъ двигались съ очень дорогимъ содержаніемъ, почти съ комфортомъ.

«Наши солдаты не избалованы, театръ военныхъ дѣйствій—рядомъ, вотъ почему я считаю 1 милліардъ іенъ достаточнымъ на 3 года.

«А что такое милліардъ?

«Помножьте на четыре нашъ годовой доходъ—это и будетъ милліардъ!

«Иначе говоря, трехлѣтняя война заставитъ насъ истратить сразу сумму четырехлѣтняго дохода! Ну развѣ есть что нибудь особенно страшное въ такой экономической комбинаціи!

Вѣдь въ любомъ частномъ хозяйствѣ нерѣдко практикуются такіе обороты съ капиталомъ.

«Что же въ нихъ страшнаго?

«Въ особенности на фонѣ того духовнаго подъема, который мы переживаемъ и которому вы, сомнѣвающіеся, можете только помѣшать».

Однако, «сомнѣвающіеся», очевидно, имѣютъ реальную почву для финансовыхъ «сомнѣній», и послѣднія недавно пріобрѣли въ Токіо характеръ паники пожертвованій! Эта паника пожертвованій высмѣивается «Тайхейо».

«По примѣру извѣстнаго банкира г. Сонода, который принесъ въ государственный банкъ свои золотые часы и цѣпочки для пополненія запаса звонкой монеты, многіе стали прибѣгать къ такому же способу пожертвованій.

«Припасли всякія старинныя вещи и драгоцѣнности, какъ бы изъ послѣднихъ крохъ стараясь спасти отечество.

«Это что за комедія!

«Къ чему совершаются эти благоглупости?

«Для того, чтобы весь міръ говорилъ намъ. Японія въ такой крайности. что граждане принуждены жертвовать всѣмъ самымъ цѣннымъ, дорогимъ...

«Для того, чтобы уронить нашъ кредитъ въ глазахъ иностранцевъ!

«Для того, чтобы наглядно опровергнуть наши увѣренія, будто мы не стѣснены въ финансахъ.

«Вѣдь не можетъ же быть, чтобы это дѣлалось съ рекламною цѣлью,—большинство жертвователей совершенно анонимно.

«Очевидно, это дѣлается по невѣдѣнію.

«Остановитесь! Японія вовсе не въ такой опасности, вовсе не въ такой нуждѣ.

«Подумайте, что вы понесете въ банкъ, когда придетъ дѣйствительная нужда?

«Кухонныя сковороды, котлы, ухваты?..

«И правительству не стыдно принимать подачки!..

«Ужъ если ему такъ необходимы деньги, пусть онъ послѣдуетъ моему совѣту.

«Наймите тысячу красивѣйшихъ гейшъ, и пусть онѣ собираютъ деньги на военный фондъ, торгуя своими поцѣлуями.

«За 10 іенъ одинъ поцѣлуй одной гейши!

«Вы можетъ быть, думаете, что я шучу?

«Нѣтъ, кромѣ шутокъ, въ Россіи, какъ намъ передаютъ газеты, г-жа Сахарина(?) въ Перми на общественномъ балу собрала поцѣлуями 1,500 іенъ въ нѣсколько часовъ.

«Послѣдуйте, японскія дамы, примѣру г-жи Сахариной».

Журналъ горячо упрекаетъ правительство не только за поощреніе жертвователей, но и за воззваніе къ экономіи:

«Спасибо правительству за ту экономію, образецъ которой оно преподноситъ намъ.

«Благодаря этой экономіи, въ провинціи Чиба теперь не хватаетъ учителей въ начальныхъ училищахъ!

«Благодаря этой экономіи, мы рискуемъ очутиться въ такомъ положеніи въ которомъ были лѣтъ 10 тому назадъ, когда въ деревняхъ неграмотныя дѣти не были рѣдкостью.

«Мы должны гордиться тѣмъ, что у насъ право родителя безплатно учить своего ребенка вмѣстѣ съ тѣмъ и его обязанность... Неужели правительство хочетъ снять съ уроженцевъ Чибы это право и эту обязанность?.. Почему они такъ несчастны! Экономія на мини-

стерствѣ народнаго просвѣщенія—самая неэкономная экономія! Плохой урокъ даетъ правительство народу!. Экономія, конечно, необходима. Но она является прямымъ слѣдствіемъ поднятія цѣнъ на всѣ продукты.

«Ящикъ коросина въ 2 пуда до войны стоилъ 2 р. 91 к., теперь—3 р. 28 к., слоновая кожа съ 125 р. за 100 англ. фунтовъ поднялась до 140 р., свинецъ съ 8 р. 80 к. на 9 р. 70 к., желѣзо съ 3 р. на 3 р. 30 к., мѣдь съ 36 р. на 37 р. 50., каменный уголь съ 28 р. на 30 р., сахарная пудра 9 р. на 8 р. 30 к., и т. д.

«Цѣны поднялись такъ, не смотря на успѣхи нашего оружія. Что же будетъ, если мы испытаемъ несчастія?

«Правительство должно принять энергичныя мѣры противъ такого зла».

Беру изъ «Дзи-Дзи» кусками интересное письмо одного офицера при штабѣ арміи генерала Куроки.

— «Мои сомнѣнія о достоинствахъ русскаго солдата, какъ боевого матеріала, теперь разсѣялись. Стремительность натиска русской пѣхоты немного уступаетъ натиску нашей пѣхоты. Посмотрите, съ какимъ яростнымъ остервенѣніемъ сражались русскіе послѣ боя у Тюренчена, когда ихъ окружили три нашихъ полка у Гау-тоо-тона. Не взирая на груду труповъ павшихъ товарищей, не взирая на нашъ убійственный, какъ никогда, огонь со всѣхъ сторонъ, они бросались въ штыки на нашъ лѣвый флангъ съ ужаснымъ крикомъ.

«Ихъ фигуры и воинственные крики словно не нынѣшніе, а взяты изъ старыхъ самурайскихъ сказокъ про битвы богатырей.

«Серьезный врагъ передъ нами, будемъ серьезны и осторожны»!

... «Послѣ боя у Тюренчена одинъ раненый офицеръ былъ взятъ въ плѣнъ.

«Его деньщикъ ни за что не пожелалъ разлучиться съ господиномъ и добровольно пошелъ съ нимъ въ плѣнъ. Всѣхъ насъ чрезвычайно трогало, съ какою сердечностью, послушаніемъ и терпѣніемъ ухаживалъ славный солдатъ за офицеромъ. Въ особенности на него интересно было смотрѣть, когда нашъ врачъ дѣлалъ раненому операцію извлеченія осколковъ кости. Деньщикъ подозрительно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ врача. По глазамъ было видно, что этотъ бѣдняга сомнѣвался въ пріязненныхъ чувствахъ врача. Ясно было, что онъ кинулся бы грудью впередъ, лишь только замѣтилъ бы, что его господина обидѣли, и не посмотрѣлъ бы, что его собственная жизнь—въ нашихъ рукахъ. Эта картина растрогала меня до слезъ.

Хоть это мелочь, а все же она характерна и доказываетъ, что русскій солдатъ воспитывается не на одной только нагайкѣ, а и на чувствѣ любви и уваженія къ господину.

«Вѣрная любовь деньщика въ нашей арміи врядъ ли вылилась въ такія формы, потому что нашъ солдатъ всегда помнитъ, что у него есть дѣло, гораздо болѣе важное, чѣмъ ухаживанье за однимъ господиномъ. Онъ не пошелъ бы за раненымъ офицеромъ въ плѣнъ.

«Такова разница въ воззрѣніяхъ западныхъ и восточныхъ людей.

«Но и тѣ, и другіе обычаи должны уважаться одинаково».

ВЕЧЕРЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

«Русь», 14 іюля.

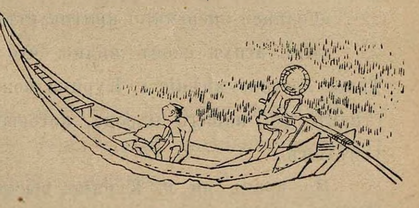
Курино о Россіи.—Негодованіе на Курино.—Русскія цифры въ японскихъ устахъ.—Лига возвращенія Сахалина.—Разсказъ «изъ русской жизни».

Бывшій японскій посланникъ въ Петербургѣ г. Курино, вернувшись на родину сталъ сразу объектомъ общественнаго вниманія.

Интервьюеры не даютъ ему покоя и изъ-за каждаго слова его чуть не цѣлая полемика вскипаетъ.

Въ особенности горячее впечатлѣніе вызываютъ сужденія Курино о Россіи. Бывшій посланникъ въ нихъ идетъ въ разрѣзъ и наперекоръ тому, что до сихъ поръ писалось въ газетахъ Токіо и Кобе.

Тамъ писалось, напримѣръ, что «рабочій клубъ (sic!) въ Россіи пользуется нынѣшней войной для агитаторскихъ цѣлей».

Г. Курино вполнѣ резонно объяснилъ, что никакого «рабочаго клуба» въ Россіи не существуетъ.

Тамъ писалось и пишется, что «предвидится возстаніе соціалистовъ».

Г. Курино опровергаетъ категорично:

— Ничего не предвидится.

Тамъ писалось, что «взбунтовались поляки и финны (sic!)».

Г. Курино пишетъ энергично:

— Вздорные слухи о бунтахъ не тревожатъ Россію. Да если бы и вспыхнулъ бунтъ, у Россіи такія могучія войска, что сейчасъ же подавятъ его.

Настойчиво пишутъ о томъ, что финансовое состояніе неблагопріятно.

А бывшій посланникъ съ цифрами въ рукахъ доказываетъ, что и здѣсь все обстоитъ вполнѣ благополучно:

«Справки, какъ японскаго государственнаго банка, такъ и главнаго кредитора во Франціи Пурса, ясно показали намъ, что наличность запаса русской казны достаточно сильна. Вотъ почему, не смотря на теперешнее положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій, русскія бумаги стойко держатся на заграничныхъ рынкахъ. Благодаря энергіи бывшаго министра финансовъ Витте, состояніе русской казны значительно улучшилось. Хотя мнѣ и неизвѣстны въ точности суммы сбереженій ея въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Брюсселѣ, но по многимъ даннымъ я могу съ увѣренностью сказать, что ихъ вполнѣ достаточно для того, чтобы заплатить проценты за иностранные займы на два года впередъ. По смѣтѣ нынѣшняго года, Россія имѣетъ 1.000.000.000 р. запаснаго капитала 700.000.000 р. наличной золотой монетой и нѣсколько серебромъ и 500.000,000 кредитными бумагами. Мало того, она можетъ выпустить кредитныхъ бумагъ, на сумму свыше запаснаго капитала. Если это такъ, то для всѣхъ ясно, что она и безъ внѣшнихъ займовъ можетъ нести бремя войны еще два года».

* * *

«Солнце» энергично критикуетъ слова г. Курино:

«Изъ этихъ словъ видно, что Россія гораздо сильнѣе Японіи! Такое лестное мнѣніе г. Курино можетъ служить отличнымъ лекарствомъ для нашего народа, который можетъ увлечься временнымъ успѣхомъ...

Но правъ ли г. Курино, высказывая всенародно свои мнѣнія, защищающія миролюбіе Россіи?

Вѣдь если простой народъ услышитъ подобныя слова отъ такого вліятельнаго лица, какъ Курино, онъ можетъ серьезно усумниться въ конечномъ результатѣ войны.

Поэтому намъ кажется по меньшей мѣрѣ неумѣстнымъ и ошибочнымъ поведеніе г. Курино, который радуетъ общество своими открытіями.

Но если финансовыя мнѣнія г. Курино вызываютъ легкій ропотъ

неодобренія, то этого же нельзя сказать о его политическихъ воззрѣніяхъ.

Они вызываютъ—негодованіе.

Г. Курино, напримѣръ, высказалъ, интервьюерамъ совершенно нелѣпое мнѣніе, будто Россія неповинна въ началѣ нынѣшней войны.

Онъ говорилъ, что Россія не желала, не ожидала нынѣшней войны и думала чисто дипломатическимъ путемъ добиться своего желанія.

По словамъ г. Курино, ни Витте, ни гр. Ламздорфъ, ни адм. Алексѣевъ не желали затѣять войну. Въ особенности миролюбивымъ рисуетъ Курино адмирала Алексѣева.

Каково намъ слышать эти слова послѣ рѣчи г. Комуры (министра иностранныхъ дѣлъ), которая гласитъ какъ разъ обратное. Если бы такія слова произнесъ гдѣ-либо какой нибудь простой человѣкъ, это было бы только неприлично. Въ устахъ же такого виднаго общественнаго дѣятеля, какъ Курино, они прямо позоръ. Пусть г. Курино оправдается. Пусть онъ скажетъ, что сотрудники газетъ исказили его слова и не поняли его мысль. Я вполнѣ увѣренъ, что въ дѣйствительности такъ и было и виноватъ не г. Курино, а репортеры».

* * *

Но какъ бы тамъ ни было, не смотря на массу газетныхъ нападокъ, г. Курино въ настоящее время самый «модный» дипломатъ и его пророчатъ на мѣсто товарища министра.

«Позорныя» слова г. Курино вызываютъ не только шумиху праздной полемики, но и серьезныя экономическія статьи.

Въ особенности неожиданными являются слова бывшаго посланника о финансовой крѣпости Россіи.

Проводятся параллели между смѣтами, между расходами отдѣльныхъ министерствъ, между расходами на войну.

«Манъ-Чо-Хоо», напримѣръ, сравниваетъ уже произведенные расходы Россіи и Японіи на войну за этотъ годъ:

АРМІЯ.	Японія въ рубляхъ.	Россія въ рубляхъ.
Мобилизація	25.916,000	127.734,340
Провіантъ и фуражъ. . . .	37.508,200	112.962,640
Провозъ провіанта.	3.577,200	51.522,680
Набавка жалованья.	52.493,200	82.901,800
Полевой госпиталь.	3.511,200	4.712,000
Продовольствіе (одежда) . .	20.064,000	19.500,000
Потеря лошадей.	12.050,000	14.450,000
Военно-жел. дороги	5.140,000	12.280,000
Снаряды, пули и т. п. . . .	47.124,750	103.071,000
Этапъ (администрація) . . .	4.924,800	10.640,000
Итого . . .	212.309,350	539.474,460

ФЛОТЪ.

Поврежденіе судовъ	109.220,600	147.972,000
Снаряды.	129.929.600	135.258.600
Мины.	10.260,000	6.840,000
Каменный уголь	5.400,370	760,000
Набавка жалованья и провіантъ.	5.763,570	6.764,000
Итого . . .	260.575,140	297.594,600

Слѣдовательно, по разсчету японской газеты, выходитъ, что Японіей на флотъ и армію истрачено 472.884,490 рублей, а Россіей — 837.069,060 рублей.

Сюда не включена стоимость потери затонувшихъ судовъ.

Очень любопытно было бы узнать, какимъ образомъ японцы достаютъ «изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ» русскія цифры? И какимъ образомъ дозволилъ японскій военный штабъ опубликовать итоги японскихъ расходовъ!—вѣдь, это же военная тайна?

* * *

Въ петербургскихъ телеграммахъ промелькнуло извѣстіе о возникновеніи въ Японіи «лиги возвращенія Сахалина».

Теперь въ японскихъ газетахъ нахожу подробности объ этой удивительной лигѣ.

Членами этого общества состоятъ многіе видные политическіе дѣятели.

Цѣль лиги—«объединеніе мнѣній различныхъ классовъ для рѣшенія нѣсколькихъ важныхъ условій при заключеніи мира съ Россіей.

Лига уже додумалась до слѣдующей редакціи:

«Занятіе Портъ-Артура, открытіе дверей въ Манчжурію. покровительство Кореи, концессія на постройку Ыджу-Никоусской желѣзной дороги, занятіе Приморской области, превращеніе Сибирской желѣзной дороги въ общее имущество державъ, военная контрибуція».

Перечисляя всѣ эти условія мира, лига сама какъ бы спохватилась, что наговорила слишкомъ много несбыточнаго и добавляетъ:

«Нѣкоторыя изъ требованій можно будетъ отмѣнить по обстоятельствамъ, но лига ни въ какомъ случаѣ не можетъ не требовать возвращенія Сахалина».

Приводя въ хроникѣ это сообщеніе, «Солнце» резонно замѣчаетъ

«Хотя направленіе этого общества и весьма естественно, но возбуждать откровенно такой щекотливый вопросъ теперь, когда серьезныя операціи даже еще и не начались, крайне несдержанно и легкомысленно».

* * *

Какъ вамъ понравился «разсказъ изъ русской жизни», который переданъ «Дзи-Дзи»?

«Молодой солдатъ Лапотниковъ былъ прикомандированъ къ сибирскому стрѣлковому полку и находился въ портъ-артурскомъ гарнизонѣ.

У него былъ прекрасный тихій, добрый нравъ. Въ короткое время онъ сдѣлался любимцемъ всѣхъ товарищей.

Блѣдное, нѣжное лицо Лапотникова было часто задумчиво и заставляло товарищей трунить надъ нимъ:

— Тебѣ не мѣсто въ строю. Иди въ денщики.

Да Лапотниковъ и самъ просился въ денщики къ молодому офицеру, переведенному сюда не задолго до поступленія Лапотникова. Просьба его была уважена. И вотъ однажды денщикъ Лапотниковъ отправился куда-то по приказанію своего господина. По дорогѣ онъ споткнулся и вывихнулъ ногу. Бѣднаго солдата нужно было отправить въ госпиталь. Но по какой-то непонятной причинѣ Лапотниковъ наотрѣзъ отказался отъ услугъ госпитальныхъ врачей. Однако, его повезли въ госпиталь насильно. Но по дорогѣ туда онъ незамѣтно вынулъ изъ кармана острый складной ножикъ и перерѣзалъ имъ артерію лѣвой руки. Кровь хлынула неудержимо. Безъ чувствъ привезли Лапотникова въ госпиталь. Раздѣли. Осмотрѣли. И оказалось что это... восемнадцатилѣтняя дѣвушка.

Не смотря на всѣ старанія врачей, ее не удалось спасти. Потеря крови такъ сильна, что черезъ три дня— неминуема смерть!

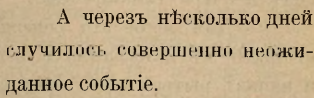
И вотъ, дѣвушка проситъ, молитъ, чтобы къ ея смертному одру призвали того молодого офицера, которому она служила вѣрою и правдою. Офицеръ пришелъ. Дѣвушка открыла ему свою душу. Это изъ любви къ нему она поступила въ войска, изъ любви къ нему заботливо оберегала каждый шагъ его... Изъ любви къ нему теперь умираетъ... Она долго говорила ему о своихъ безконечныхъ страданіяхъ, о тѣхъ невѣроятныхъ усиліяхъ, которыя пришлось побороть... Офицеръ

молча выслушалъ и прослезился. Но, не смотря на высоту души дѣвушки, не смотря на красоту ея подвига, не смотря на совѣты товарищей-сослуживцевъ онъ, не согласился жениться на страдалицѣ... По непонятной причинѣ не пожелалъ успокоить страданій несчастной...

И вотъ, она умерла не примиренная съ жизнью... Умерла съ его именемъ на устахъ...

. . . .

. . . .

А черезъ нѣсколько дней случилось совершенно неожиданное событіе.

Молодой офицеръ застрѣлился.

Онъ не вынесъ угрызеній совѣсти. Онъ не могъ себѣ простить, что не женился на умирающей и не сдѣлалъ тѣмъ послѣднія минуты ея жизни радостными... Благородная натура сказалась въ немъ. Такъ поступилъ бы и японецъ».

Какъ вамъ понравился этотъ разсказикъ «изъ русскаго быта». Что можно сказать, прочтя его? Развѣ что у японцевъ «куда на выдумки природа торовата»...

ВЕЧЕРЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

«Русь», 22 іюля.

Панъ Куроки.—Балтійская эскадра.—Предложеніе Стеселю сдаться.—Три желанія русскихъ плѣнныхъ.—Семь заповѣдей Оямы.

— Правда ли, будто Куроки—польскаго происхожденія?—спросилъ я вчера Такаки-Сана.

— Для меня это совершенная новость. Прочитавъ о такомъ открытіи въ телеграммахъ, я самъ заинтересовался этимъ вопросомъ и началъ рыться въ его біографіяхъ. Теперь каждый журналъ, каждая газета испещрены портретами и біографіями живыхъ и убитыхъ героевъ... Много, очень много статей посвящено Ноги, Ямагатѣ, Оку, Оямѣ... Жизнь ихъ разсказана со всѣми подробностями чуть не съ пеленокъ... Говорится не только объ ихъ родителяхъ, но даже о о нянькахъ... Разсказываются подробныя біографіи отцовъ героевъ... И только біографіи Куроки приводятъ въ недоумѣніе. Нечего и говорить, что въ газетахъ нѣтъ недостка во всевозможныхъ анекдотахъ изъ личной жизни его, но... ни въ одной біографіи не сказано, кто были его родители!.. Это чрезвычайно странно, потому что, повторяю, всѣ біографіи другихъ дѣятелей начинаются съ фразы: «У такого-то и такой-то родился сынъ»... А тутъ только указана мѣстность, гдѣ будто бы Куроки родился,—провинція Сацзума, кстати сказать, родина маршала Оямы, морскаго министра Ямагаты, генерала Оку и знаменитаго въ свое время вождя возстанія Сайго Такамори. У этого Сайго будто бы прошло отрочество Куроки. Сайго былъ и учителемъ Куроки, и сильно разсчитывалъ на него въ качествѣ помощника, когда 28 лѣтъ тому назадъ произвелъ возстаніе ради завоеванія Кореи. Но въ то время Куроки отказался измѣнить императору и не пошелъ за Сайго, даже больше,—онъ пошелъ противъ своего учителя

и наставника, возставшаго, кстати сказать, какъ разъ за ту же Корею, за которую тому же Куроки приходится воевать теперь!..

Куроки и теперь вспоминаетъ Сайго, видя, какъ 28 лѣтъ тому назадъ тотъ былъ правъ, говоря, что Корея необходима для Японіи какъ воздухъ.

Слухи объ отправленіи балтійской эскадры на Дальній Востокъ въ началѣ іюля встревожили «Манчоо».

«Если Россія въ самомъ дѣлѣ думаетъ послать балтійскую эскадру на Востокъ, то она это должна сдѣлать немедленно. Потомъ у нея не найдется болѣе удобнаго случая.

Хотя Портъ-Артуръ—главная морская база Россіи,—благодаря энергичной операціи нашей арміи и флота теперь и находится въ совершенно безвыходномъ положеніи (вѣдь, говоря попросту, Артуръ почти уже взятъ нами), тѣмъ не менѣе его эскадра все же еще настолько сильна, что продолжаетъ привлекать къ себѣ наши главныя морскія силы.

Мы лишены возможности обратиться къ владивостокской эскадрѣ и принуждены оставить ее въ покоѣ.

Вотъ почему для Россіи самое время тронуть балтійскую эскадру.

Нечего и говорить, что она дойдетъ до насъ значительно ослабленной, вѣдь ей встрѣтятся на пути безчисленныя затрудненія, но все же она можетъ помѣшать нашимъ дальнѣйшимъ операціямъ.

Мы знаемъ, что военныя власти уже подготовили ей достойную встрѣчу. Но не заставитъ ли этотъ новый планъ ускорить дѣйствія въ Портъ-Артурѣ?

Многими осложненіями грозитъ намъ балтійская эскадра, если она вышла въ началѣ іюня. Но если она вышла въ концѣ іюня, или даже въ началѣ іюля—мы должны радоваться.

Эскадра не сможетъ дойти до восточныхъ водъ и къ серединѣ сентября! Нечего и говорить, какъ выгодна намъ такая отсрочка!

За это время, за четыре слишкомъ мѣсяца, мы успѣемъ совершить многое, если не все.

А можетъ быть, слухъ о выходѣ балтійской эскадры только слухъ, выпущенный для того, чтобы на насъ нагнать страхъ!

Ахъ, угроза, угроза!.. Пусть Россія изъ книги «Исторія Японіи» укажетъ намъ, знаетъ ли Японія, что такое страхъ, и боялись ли когда нибудь японцы угрозы».

Странное впечатлѣніе произвела въ Петербургѣ на-дняхъ теле-

грамма изъ Токіо, въ которой говорится о «дерзости японцевъ, осадившихъ Портъ-Артуръ».

Они предложили генералу Стесселю сдаться...

Многіе петербуржцы не хотѣли вѣрить, чтобы начальникъ осаднаго корпуса дѣйствительно дошелъ до такой «выходки».

Но, оказывается, эта «дерзость» въ порядкѣ вещей. Еще въ серединѣ іюня «Дзи-Дзи» помѣстила передовую въ этомъ смыслѣ.

«Генералъ Стессель неоднократно приказывалъ портъ-артурскому гарнизону сражаться до послѣдняго человѣка.

Этотъ приказъ звучитъ красиво и патріотично. Но онъ же указываетъ и на то, что генералъ Стессель сознаетъ необходимость страшныхъ жертвъ со стороны русскихъ и самъ не вѣритъ въ возможность отстоять Артуръ.

Конечно, генералу могло показаться обиднымъ, если бы мы предложили ему сдаться. Но мы изъ человѣколюбія должны предложить ему это. И онъ изъ человѣколюбія долженъ сдаться, обсудивъ безвыходность своего положенія и ненужность тѣхъ человѣческихъ смертей, къ которымъ онъ взываетъ.

Не было на свѣтѣ такой осажденной крѣпости, которая осталась бы неприступной. При современномъ развитіи военной техники слѣдуетъ забыть дѣтскую сказку о неприступности крѣпостей.

Крѣпости строятся для того, чтобы задерживать и отвлекать непріятельскую силу. Значеніе крѣпости зависитъ лишь отъ времени, на которое она можетъ задерживать непріятеля.

Портъ-Артуръ блестяще выполнилъ назначеніе первоклассной крѣпости. Генералъ Стессель блестяще выказалъ свою отвагу. Но, кромѣ отваги, онъ долженъ выказать и благоразуміе,—не требовать отъ крѣпости больше того, что она могла дать.

Вѣдь если японцы возьмутся за рѣшительный штурмъ, они непремѣнно возьмутъ уже расшатанный физически и духовно Портъ-Артуръ. И ничего не будетъ хорошаго для гарнизона, если онъ будетъ отстаивать себя до послѣдней крайности.

Напрасное кровопролитіе не есть цѣль сраженія. Цѣль—ослабленіе силъ. Это удалось Стесселю, и онъ имѣетъ право передъ людьми и исторіей честно сдаться».

Такъ уговариваютъ гг. японцы, и чувствуется невольно, что главнымъ фронтомъ уговоры эти обращены не къ генералу Стесселю, который ихъ и не услышитъ, а къ тому же японскому народу, ко-

торому статья эта уже не первою внушала, что война кончится вотъ вотъ на дняхъ.

Недавно въ Матсуямѣ командиръ японской бригады обратился къ русскимъ военно-плѣннымъ съ рѣчью:

— Господа, правительство наше принимаетъ всѣ старанія, чтобы облегчить вашу участь. Если кто-нибудь недоволенъ чѣмъ, пусть напишетъ объ этомъ. Если у кого-нибудь есть какое желаніе, пусть выскажетъ его, и всякое желаніе, не противорѣчащее законамъ о военноплѣнныхъ нашей страны, будетъ немедленно исполнено.

Плѣнные добыли чернилъ и формулировали три главныхъ желанія

1) Разрѣшеніе читать какую-нибудь иностранную газету.

2) Разрѣшеніе болѣе частыхъ посѣщеній больныхъ земляковъ, лежащихъ въ госпиталяхъ.

3) Запрещеніе полисменамъ разгонять публику, собирающуюся смотрѣть на русскихъ (sic!).

Въ виду нѣкоторыхъ недоразумѣній и столкновеній между японскими солдатами и китайскими властями, маршалъ Ояма издалъ слѣдующій приказъ:

«Мы сражаемся съ врагомъ серьезнымъ на чужой территоріи поэтому будьте осторожны и помните:

1) Что китайскій народъ выработалъ правило: «между старшими и младшими—почтеніе, между мужчиной и женщиной—уваженіе», поэтому старайтесь относиться къ населенію Манчжуріи вѣжливо и прилично,

2) Не оскорбляйте туземныхъ храмовъ и церквей, какому-бы богу они не принадлежали.

3) Относитесь съ особымъ уваженіемъ къ исповѣдникамъ ученія Конфуція, какъ-бы низко ихъ умственное развитіе не было.

4) Внимательно слѣдите, чтобы какъ нибудь неоскорбить молодое мѣстное самоуправленіе городовъ.

5) Осторожнѣе относитесь къ корейцамъ, потому что главнымъ образомъ изъ нихъ вербуются переводчики и шпіоны русской арміи.

6) Убѣждайте населеніе въ истинной цѣли нынѣшней войны.

7) Не распоряжайтесь самовольно припасами населенія».

Повтореніе этихъ семи заповѣдей указываетъ на то, что эти-то заповѣди и нарушаются японцами чаще всего.

«Дзи-Дзи» со словъ офиціальнаго донесенія главнаго врача японскаго флота рисуетъ въ самыхъ оптимистическихъ краскахъ санитарное состояніе эскадры Того:

«Можно было-бы ожидать, что въ военное время здоровье экипажа ухудшается, но случилось обратное: оно значительно улучшилось. Такое удивительное явленіе происходить отъ того, что, во-первыхъ, сознавая величину дѣла, каждый очень слѣдитъ за собой и бережетъ свое здоровье; во-вторыхъ, находясь постоянно вдали отъ берега и не имѣя тѣснаго сношенія съ сушею, эскадра въ полной безопасности отъ какихъ-либо эпидемій или же французской болѣзни.

Наконецъ, въ-третьихъ, отъ того, что санитарное дѣло теперь особенно тщательно поставлено.

Число заболѣвшихъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ составляло ничтожный процентъ, а именно:

Въ I эскадрѣ	0,7	% 0,6.
» II »	0,4	
» III »	1,0	
Во флотиліи миноносокъ	0,3	

Не смотря на то, что экипажъ миноносца находится въ болѣе тяжелыхъ условіяхъ въ сравненіи съ экипажемъ большихъ судовъ, на миноносцахъ все-таки не оказалось ни одного больного.

Въ прошломъ году, не смотря на мирное время, больныхъ въ эскадрѣ было 1,10%.

Въ одной изъ корреспонденцій Немировича-Данченко высказывалось изумленіе:

— Казаки жалуются, что японцевъ пики не берутъ и сабли объ нихъ зазубриваются.

Очевидно, на нихъ надѣтъ тотъ самый панцырь изъ прессованной хлопчатой бумаги, о которомъ я какъ-то со словъ Сиратори упомянулъ.

Этотъ панцырь въ департаментѣ изобрѣтеній получилъ привилегію въ одинъ годъ съ порохомъ Шимозе.

Мнѣ припоминается, что въ «Тайо» было описаніе опытовъ съ панцыремъ, при чемъ оказалось, что сабля дѣйствительно вязла въ панцырѣ и зубрилась.

Объ испытаніи панцырей пикой ничего не говорится. Да и мало вѣроятія, чтобы хлопчато-бумажный панцырь могъ задержать ударъ колющаго оружія, какъ пика.

Казацкія пики должны по прежнему вселять въ японцевъ мистическій страхъ.

Говорю мистическій, потому что съ пикой у японца связано представленіе объ легендарныхъ самураяхъ. Исчезли самураи, исчезли

и пики. Лишь на картинахъ японскихъ художниковъ встрѣчаетъ народъ самурайскія пики и непремѣнно совершающія какое-нибудь чудо героизма.

Другое дѣло сабли.

Сабля—гордость современнаго солдата.

За старинный клинокъ онъ платитъ, не жалѣлъ, 300—500 іенъ, поэтому увѣренія г. Немировича-Данченко, будто «у японскихъ офицеровъ сабли тупыя»,—подлежитъ большому сомнѣнію.

— У насъ поговорка есть: «Душа дѣвушки—зеркало, душа самурая—сабля».

Каждая дѣвушка мечтаетъ посмотрѣться въ зеркало въ дорогой оправѣ, а каждый солдатъ—посмотрѣться въ зеркало драгоцѣннаго клинка...

Офицеры гордятся отточкою сабли.

Только про Куроки «Мончохо» анекдотъ разсказываетъ:

Снаряжая его старались выбрать ему самую лучшую, самую острую саблю.

А онъ сказалъ:

— Дайте мнѣ деревянную саблю. Стальной мнѣ не надо. Потому что, когда на войнѣ дѣло дойдетъ до моей сабли, значитъ—пиши пропало...

ВЕЧЕРЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

«Русь» 28 Іюля.

Почему русская армія теряетъ такой высокій процентъ офицеровъ?—Перепроизводство больныхъ.—Кн. Э. Э. Ухтомскій въ „Дзи-Дзи“.

Съ большимъ интересомъ читается статья военнаго критика, офицера японскаго генеральнаго штаба въ «Дзи-Дзи».

«Почему русская армія теряетъ большій процентъ офицеровъ, чѣмъ японская?»

«Если сличить русскія и японскія потери при Тюренченѣ и Цзинь-Чжоу, можно придти къ печальному выводу, что русскіе офицеры храбрѣе японскихъ.

Въ то время, какъ японскіе хоронятся въ безопасныхъ мѣстахъ, русскіе занимаютъ самыя отвѣтственныя позиціи и—поэтому втрое чаще, чѣмъ японскіе офицеры, падаютъ отъ пуль.

Чѣмъ объяснить иначе эту убыль у русскихъ офицеровъ, въ особенности штабъ-офицеровъ и даже генераловъ?

Пора-бы уже, кажется, выбросить изъ головы предразсудокъ, будто японскіе солдаты выбираютъ для своего прицѣла офицеровъ.

На войнѣ некогда выбирать, да и невозможно.

Русскіе офицеры сами попадаются подъ прицѣлъ, потому что безстрашно держатся на самыхъ видныхъ мѣстахъ.

Но почему этого-же нельзя сказать о японскихъ офицерахъ?

Неужели, повторяю, потому, что у насъ храбрости меньше?

Нѣтъ, объясняется это просто. Въ русскомъ войскѣ другая система обученія солдатъ, чѣмъ въ нашемъ.

У насъ—децентрализація. Нашъ солдатъ привыкъ къ большой самостоятельности. Получивъ приказъ начальника, онъ самъ сумѣетъ его въ точности исполнить, не нуждаясь въ наблюденіи со стороны офицеровъ.

Офицеръ, не двигаясь съ мѣста, можетъ дать приказъ унтеръ-офицерамъ и быть увѣреннымъ, что все будетъ исполнено такъ какъ будто-бы онъ былъ на мѣстѣ.

У каждаго нашего солдата на картонѣ начерченъ топографическій планъ той мѣстности, гдѣ будетъ сраженіе. У каждаго есть компасъ. У многихъ—бинокли, грамотны—всѣ.

Нашъ офицеръ можетъ и долженъ себя беречь, потому что гибель каждаго офицера отразилась-бы на психикѣ всѣхъ его подчиненныхъ.

Гибель-же генерала опустила-бы у цѣлаго отряда руки и привела-бы его въ смятеніе.

Каждый японскій солдатъ воюетъ разсужденіемъ. Онъ старается понять, что отъ него требуютъ.

Русскій-же беззавѣтно храбрый солдатъ исполняетъ приказанія въ точности никогда не критикуя ихъ, никогда не отдавая себѣ отчета, для чего это. Приказано, значитъ—надо.

Эта драгоцѣнная черта русскаго солдата быть чуткимъ, послушнымъ, не разсуждающимъ, а только исполняющимъ приказанія, заставляетъ, однако, офицеровъ держаться на виду у своихъ солдатъ, подавать имъ примѣръ, лично отдавать приказанія, словомъ—быть первыми въ первыхъ рядахъ.

Русскій солдатъ заставляетъ русскаго офицера быть героемъ..

А первые въ первыхъ рядахъ и падаютъ ранеными и сраженными отъ пули первыми...

Къ этимъ любопытнымъ въ устахъ японца словамъ необходимо прислушаться. Впрочемъ японскій авторъ едва ли угадалъ психологію поведенія нашихъ войскъ въ бою, и поставленный имъ вопросъ остается безъ отвѣта.

* * *

Какъ и слѣдовало ожидать, въ японской арміи число больныхъ въ нѣсколько разъ превышаетъ число раненыхъ.

И всегда-то это на войнѣ такъ бывало. А тутъ, при манчжурскомъ климатѣ, переполненіе лазаретовъ больными эпидемическими болѣзнями сказалось особенно остро.

«Дзи-Дзи» спрашиваетъ:

— Что дѣлать съ этими больными?

По установленному до сихъ поръ правилу, часть ихъ принимается на леченіе въ полевой лазаретъ, но большинство привезено будетъ въ Японію, гдѣ больныхъ и размѣстятъ по госпиталямъ.

Затѣмъ, смотря по состоянію болѣзни, нѣкоторые останутся въ госпиталѣ до выздоровленія, а тѣ, которые не имѣютъ надежды поправиться въ короткое время, будутъ освобождены отъ военной службы и возвратятся домой. Право освобожденія отъ воинской повинности принадлежитъ начальнику госпиталя.

Этотъ законъ, очевидно, вызванъ тѣмъ, что правительству, несомнѣнно, не подъ силу содержать громадное число такихъ больныхъ, для излеченія которыхъ требуется гораздо больше времени, чѣмъ для излеченія раненыхъ.

Тѣмъ не менѣе, это положеніе вещей надо обсудить со всѣхъ сторонъ... Японо-китайская война прекрасно показала намъ недостатокъ распорядительности въ этой отрасли. Были такіе печальные случаи, что, освободившись отъ службы по приказу правительства, многіе больные солдаты потеряли трудоспособность; эти инвалиды послѣ возвращенія своего на родину не только не могли заниматься прежней работою, а даже не были въ состояніи излечиться отъ болѣзни вслѣдствіе недостатка средствъ. Развѣ можно смотрѣть хладнокровно на такое положеніе вещей?!

Развѣ должна существовать разница между раненымъ и больнымъ солдатомъ? Оба они одинаково страдаютъ на незнакомой территоріи отъ суроваго климата; оба страдаютъ, чтобы принести пользу своей отчизнѣ. Почему же люди смотрятъ иными глазами на инвалидовъ отъ болѣзней, считая только раненыхъ и убитыхъ героями. Развѣ это справедливо?

Весьма желательно, чтобы и правительство измѣнило теперешнее правило о подраздѣленіи на больныхъ и раненыхъ.

Необходимо, во имя справедливости, предоставить больнымъ всѣ права и преимущества раненыхъ, а не выбрасывать ихъ изъ военной среды на произволъ судьбы.

Пусть прибавятъ къ вышеприведенному правилу еще одно условіе, принявъ во вниманіе домашнее состояніе больного.

Судя по словамъ чиновниковъ въ госпиталѣ, есть много такихъ больныхъ, которые желаютъ временнаго возвращенія домой, для леченія болѣзни при домашнемъ уходѣ, что весьма благопріятно вліяетъ на душу больныхъ. Пусть правительство разрѣшитъ такимъ лицамъ временное возвращеніе домой, это дастъ возможность тѣмъ бѣднымъ

солдатамъ, которые будутъ не въ состоянiи лечиться дома собственными средствами, остаться въ госпиталѣ.

Кромѣ несправедливаго подраздѣленiя солдатъ на привилегированныхъ—раненыхъ пулей и непривилегированныхъ — раненыхъ микробомъ, «Дзи-Дзи» не удовлетворяютъ и законы объ орденахъ.

Первый орденъ европейскаго образца учрежденъ въ Японiи въ 1875 году—«орденъ восходящаго солнца».

У него—семь степеней (съ 1888 года прибавились еще пять родовъ орденовъ—«Цѣпь съ хризантемой» (высшiй орденъ имперiи), «орденъ имперiи), «орденъ священной короны» (исключительно для женщинъ), «орденъ священнаго сокровища» (8 степеней), «Хризантема съ лентой», «Кири съ лентой».

Все это были ордена за гражданскiя и придворныя заслуги.

Орденъ, аналогичный нашему «Георгiю», появился только въ 1890 году—«орденъ золотого коршуна» (по японски кинси). У него семь степеней.

По правилу, нижнiй чинъ не можетъ получить выше седьмой степени, какой бы подвигъ онъ ни совершилъ. И всѣ остальныя степени даются тоже сообразно съ чинами.

«Дзи-Дзи» выражаетъ неудовольствiе и требуетъ отъ правительства, чтобы оно выпустило новый орденъ, неимѣющiй никакой степени, который можно было бы давать всѣмъ тѣмъ, которые совершили подвигъ только на полѣ сраженiя, не зависимо отъ чиновъ.

«Это жестоко и несправедливо, что за одинаковую степень храбрости, выказанную офицеромъ и рядовымъ, награждаютъ не одинаково».

Со страницъ послѣдняго номера «Дзи-Дзи» на меня взглянуло знакомое лицо.

Кто это?.. Ахъ, это кн. Э. Э. Ухтомскiй.

На немъ трехугольная шляпа

И золотомъ шитый мундиръ...

А черезъ плечо—лента, которую, по словамъ газеты, ему пожертвовалъ китайскiй императоръ за усмиренiе боксеровъ.

— Но что за причина, что портретъ князя во время войны появился въ распространеннѣйшей японской газетѣ?

— Очень просто. На конгрессѣ журналистовъ въ Санъ-Луи было много японскихъ журналистовъ. Не проинтервьюировать единственнаго виднаго представителя русской печати было бы для нихъ громаднымъ упущенiемъ. И вотъ они печатаютъ бесѣду съ нимъ.

Князь Ухтомскій будто бы началъ съ того, что пожаловался японцу на крайне холодный, чтобы не сказать большаго, пріемъ со стороны американцевъ.

Никакой помпы не было. Ни рѣчей ему никто не говорилъ. А газетчики, «видя, что онъ русскій (?), нарочно усиленно и язвительно предлагаютъ ему телеграммы съ крупнымъ заголовкомъ: «Побѣда Японіи».

«Князь почти не показывается на конгрессѣ, скучаетъ въ своей гостиницѣ, никого не видитъ, да и никто не пытается къ нему заглянуть.

Японскій интервьюеръ, между прочимъ, вкладываетъ ему въ уста такія мнѣнія о войнѣ:

— «Петербургскія Вѣдомости», выходящія подъ моимъ редакторствомъ, хотя и получаютъ субсидію отъ правительства, но въ своихъ сужденіяхъ независимы и свободны. Поэтому отъ меня вы услышите лично мое мнѣніе, не мнѣніе государственнаго человѣка, не мнѣніе редактора правительственнаго органа. Русско-японская война приноситъ и принесетъ пользу только нейтральнымъ державамъ, воюющимъ же державамъ на какую-нибудь пользу разсчитывать и невозможно.

— Каковы по вашему мнѣнію причины войны?

— Ихъ очень много. Главная въ томъ, что Россія не сумѣла и не захотѣла во время изучить Японію и подружиться съ нею такъ, какъ Англія и Соединенные Штаты. Между русскими и японцами возможна самая тѣсная дружба, чему доказательство—любовь къ Россіи тѣхъ японцевъ, которымъ пришлось долго прожить въ Россіи. Изучи Россія Японію—не было бы войны.

Россія вовсе не думаетъ о протекторатѣ надъ Кореей и не могла себѣ представить, чтобы такой пустякъ, какъ концессіи на лѣсопильни въ Іонампо, натолкнетъ на кровавую войну. Да и вступая въ кровавую войну, Россія вовсе не намѣрена окончательно присоединить къ себѣ Манчжурію. Война будетъ длинная и тяжелая, потому что съ одной стороны Японія, которая такъ давно и такъ тщательно готовилась къ ней, а съ другой Россія, которая хотя и начала войну экспромптно, но безъ сомнѣнія успѣетъ приготовиться. Нашъ народъ такъ увѣренъ въ своей мощи, что не проявляетъ и половины того интереса къ войнѣ, который мы видимъ здѣсь, въ Америкѣ. Со временемъ, съ развитіемъ военныхъ операцій, конечно, этотъ интересъ разовьется у насъ.

— Что Россія намѣрена требовать отъ Японіи, если побѣдитъ?

— Россія возьметъ Манчжурію, оставивъ Корею самостоятельной имперіей. Вотъ и все. Ни острова Хоккаидо, ни острова Тсусима она не потребуютъ, зная, какъ густо населеніе Японіи.

— А что будетъ, если Россія будетъ окончательно поражена Японіей?

— Россія никогда не подпишетъ позорнаго мира съ Японіей. Она выставитъ еще милліонъ солдатъ, затратитъ еще милліарды рублей, но не будетъ побѣждена. Во всякомъ случаѣ, ни одной изъ воюющихъ державъ нечего и разсчитывать на такую контрибуцію, какою пріостановила экономическій ростъ Франціи Германія.

— Война на Дальнемъ Востокѣ не вызоветъ ли войны и на Ближнемъ Востокѣ?

— Нѣтъ. Тамъ теперь полное спокойствіе. Россія хорошо защищаетъ тамъ свои интересы.

Князь Ухтомскій считаетъ предразсудкомъ утверждать, что Россія—страна европейская.

— И Европейская Россія—азіатская держава. И вотъ вамъ лучшее доказательство этому: я самъ происхожденіемъ азіатъ—потомокъ Чингисъ-хана, который женился на шотландкѣ. Кровь нашего дома—восточная съ примѣсью западной. Да и вся Россія такъ,—корень восточный, а примѣсь западная...

Очень характерно это интервью въ томъ отношеніи, что японецъ въ уста русскаго журналиста, да еще князя, старается вложить такія фразы, которыя онъ желалъ бы отъ него услышать.

Мотивъ о возможной дружбѣ между Россіей и Японіей и даже о родствѣ (—азіаты) уже нѣсколько разъ проскальзывалъ въ японской прессѣ.

Но на ряду съ отдѣльными статьями примирительнаго характера въ Японіи появляются все новые и новые журналы самаго джингоистскаго направленія.

Вотъ, напримѣръ, «Сепро-Семпэо», т. е. «Вѣстникъ завоеванія Россіи».

Онъ кипитъ желаніями всячески унизить въ японскихъ и иностранныхъ глазахъ Россію.

Печатаются невозможныя сплетни, интимности о всякомъ выдающемся русскомъ дѣятелѣ и событіи.

Въ послѣднемъ номерѣ японецъ, долго жившій въ Петербургѣ, рисуетъ столицу Россіи въ видѣ самаго развратнаго города въ мірѣ.

Особенно возмущаетъ его обиліе уличныхъ и садовыхъ проститутокъ.

«Въ садахъ Петербурга такъ много продажныхъ женщинъ, какъ въ садахъ Токіо сосенъ и вишневыхъ деревьевъ.

Если бы вы сказали въ Петербургѣ:

— Другъ, пойдемъ въ садъ «Буффъ», полюбуемся на листву его деревьевъ!

Васъ подняли бы на смѣхъ. Въ сады ходятъ тамъ не ради деревьевъ, а ради женщинъ, обливающихъ васъ дорогими духами.

Затѣмъ же ходятъ въ церковь».

Достается Петербургу сильно. Но хотя многіе краски сгущены, въ общемъ однако по дѣломъ.

ВЕЧЕРЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

«Русь», 5 августа.

Пощечина Рощаковскаго. — Инцидентъ съ «Рѣшительнымъ». — Подвиги Владивостокской эскадры. — Нераскупоренное шампанское.

Пощечина лейтенанта Рощаковскаго прозвенѣла на весь міръ и въ исторіи международнаго права, быть можетъ, составитъ такое же воспоминаніе какъ во время оно знаменитая «Алабама». Она заставила категорично разрѣшить «спорный» вопросъ о правѣ воюющихъ судовъ въ нейтральныхъ портахъ.

У японцевъ есть и защитники. Они говорятъ:

— Нельзя винить все японское правительство за инциндентъ съ «Рѣшительнымъ». Быть можетъ въ немъ виновныхъ—два-три слишкомъ азартныхъ японскихъ офицера, дѣйствовавшихъ за свой страхъ и совѣсть. Быть можетъ правительство и народъ, быть можетъ пресса японская смотрятъ на этотъ вопросъ не такими азіатскими глазами, какъ эти два-три офицера!..

Чтобы не было сомнѣній въ томъ, что инциндентъ съ «Рѣшительнымъ» произошелъ не случайно, что онъ не исключеніе, а правило, не феноменъ. а звено системы, я позволю себѣ познакомить читателей «Руси» со статьей «Дзи-Дзи» отъ 1-го іюля.

Въ ней по другому поводу высказывается взглядъ японцевъ на неприкосновенность нейтральныхъ портовъ.

«Съ приближеніемъ рѣшительнаго дня для Портъ Артура его эскадра 23 іюня вышла во внѣшній рейдъ въ составѣ 6 броненосцевъ, 5 крейсеровъ и 14 миноносцевъ. Если сопоставить этотъ выходъ съ дѣйствіями владивостокской эскадры за послѣднее время, станетъ ясно, что цѣль его—соединеніе обѣихъ эскадръ.

Благодаря бдительности блокирующей эскадры Того и прево-

сходной силѣ ея, непріятелю не удалось осуществить намѣченной цѣли. Но, во всякомъ случаѣ, эта попытка указываетъ на то, что время паденія Портъ-Артура уже приспѣло. Вотъ вы увидите, что, не смотря на неудачу первой попытки прорвать нашу блокадную линію, портъ-артурская эскадра не преминетъ повторить ее.

Хотя блокада нашей эскадры и сильна и грозна, но она можетъ легко пропустить портъ-артурскую эскадру, если ей помогутъ метеорологическія условія, не позволяющія слѣдить за непріятелемъ.

Но если, наконецъ, портъ-артурской эскадрѣ удастся прорваться, куда направится она?

Направиться къ Владивостоку или къ Южному Китаю—ей не не мыслимо, потому что тогда она непремѣнно подвергнется тяжелому нападенію нашего флота.

Нѣтъ, русская эскадра навѣрно будетъ искать убѣжища въ какомъ-нибудь изъ нейтральныхъ портовъ, какъ Чифу, Кіоа-Шау.

Однако, едва ли она выберетъ Кіоа-Шау. Вѣроятно она предпочтетъ какой-нибудь китайскій портъ. Вѣдь, если бы она вошла въ Кіоа-Шау, Германія немедленно потребовала бы отъ нея выйти въ 24 часа,—первое правило строгаго нейтралитета. И Россія должна была бы исполнить это требованіе.

Другое дѣло въ китайскомъ портѣ. Пользуясь безсиліемъ китайской власти, которая не въ состояніи настоять на немедленномъ удаленіи изъ порта, эскадра только ограничится обѣщаніемъ разоружиться, какъ канонерская лодка «Манчжуръ»... Какъ намѣрено дѣйствовать въ случаѣ такого обстоятельства наше правительство? Вѣдь,

разоруженіе «Манчжура»—дѣло исключительное. Международнымъ правомъ не выработано правилъ, по которымъ суда воюющихъ державъ, зашедшія въ нейтральный портъ, должны быть разоружены или задержаны въ портѣ до окончанія войны. До сихъ поръ выработано только одно правило, что нейтральныя державы обязаны требовать у зашедшихъ въ нейтральный портъ судовъ удалиться въ 24 часа.

Въ время инцидента въ Шанхаѣ съ «Манчжуромъ» мы имѣли полное право настойчиво требовать у китайскаго правительства принятія энергичныхъ мѣръ къ удаленію «Манчжура„ изъ порта въ 24 часа.

Но мы пощадили его. Мы снисходительно согласились на предложеніе китайской власти разоружить «манчжура».

Само собой разумѣется что по отношенію къ портъ-артурской эскадрѣ не можетъ быть принято такихъ же великодушныхъ, не продиктованныхъ международнымъ правомъ мѣръ.

Да и сами нейтральныя государства не смогутъ и не захотятъ поощрять такую практику, иначе правило о разоруженіи судовъ, укрывшихся въ нейтральный портъ превратитъ этотъ нейтральный портъ въ арену кроваваго боя. Итакъ, необходимо требовать отъ нейтральной державы одного удаленія судовъ изъ порта въ 24 часа во что бы то ни стало. Въ противномъ случаѣ, если скрывшая у себя непріятельскія суда держава, не сможетъ или не захочетъ удалить суда, мы въ правѣ объявить нейтралитетъ нарушеннымъ, войти въ портъ, гдѣ стояли непріятельскія суда и разбить ихъ, если они окажутъ сопротивленіе.

Такой поступокъ строго согласуется съ нормами международнаго права.

Мы вполнѣ увѣрены, что правительство не допуститъ упущеній въ этомъ важномъ вопросѣ, но все таки еще разъ совѣтуемъ обнародовать, что случай съ «Манчжуромъ»—исключительный случай нашего великодушія, который ни въ какомъ случаѣ не повторится въ такой важный моментъ, когда будетъ рѣшаться судьба портъ-артурской или владивостокской эскадры».

Вотъ предъ вами дѣйствительный взглядъ японской прессы (и правительства) на инциндентъ съ «Рѣшительнымъ».

Японцы (не знаю на сколько, конечно, искренно, увѣрены, что они имѣли полное право поступить такъ, какъ поступили...

***

Подвиги владивостокской эскадры вызвали цѣлую литературу Вотъ какую страстную передовую находимъ въ «Манчоо»:

«Похвалить человѣка или промолчать, когда онъ виноватъ,—это лесть.

Намъ, народу, который старался выразить свою искреннюю благодарность правительству за успѣхи оружія нашей арміи и флота, грѣшно молчать въ то время, когда онъ совершилъ ошибку. Ни въ коемъ случаѣ мы не должны льстить военнымъ.

Успѣхъ русской эскадры, значитъ—неуспѣхъ нашей. Теперь мы не въ состояніи говорить подробно объ ошибкахъ нашего оружія, но мы укажемъ нашему правительству на блестящій подвигъ противника; этимъ мы косвенно заставимъ нашъ флотъ сознаться въ непростительной ошибкѣ.

Владивостокская эскадра, зная прекрасно о безпрерывномъ курсированьи нашихъ многочисленныхъ транспортовъ въ Корейскомъ проливѣ и пользуясь бурной погодою, совершила геройскій набѣгъ вплоть до самаго мѣста, гдѣ можно было бы предполагать отсутствіе нашей эскадры. И молодецки потопила «Хитачи-мару», «Идзуми-мару» и сильно повредила «Садо-мару».

Нельзя же не восхищаться намъ такимъ доблестнымъ подвигомъ русскихъ моряковъ! Въ особенности превосходно поступило владивостокская эскадра съ нашими транспортами, давъ полную возможность спасенія невоюющимъ людямъ, тогда какъ она имѣла полное право пустить ко дну всѣ транспорты, съ военнымъ флагомъ на мачтѣ».

Дальше «Манчоо», коментируя подробности появленія владивостокской эскадры у острова Окиносима и выходъ эскадры адмирала Камимура, жестоко обрушивается на послѣдняго:

«Какая комедія! Намъ передаютъ, что офицеры въ нѣкоторыхъ нашихъ портахъ уже заготовили шампанское, въ полнѣйшей увѣренности, что Камимура побѣдитъ. Но шампанское осталось нераскупореннымъ. Въ другой разъ не торопитесь съ шампанскимъ! Другое дѣло, если бы у Камимуры не было достаточной силы противъ владивостокской эскадры. Но, увы, всѣ преимущества у него и сила, и быстроходность. Назначеніе его эскадры, конечно, не въ безпрерывномъ конвоированіи транспортовъ, которые не исчислимы, а лишь въ охраненіи пролива отъ нападеній непріятеля. На Камимуру падаетъ вся отвѣтственность за потерю транспортной силы въ 15,000 тоннъ.

На войнѣ совершается ужасная несправедливость.

Виновники успѣха получаютъ похвальные листы, ордена, знаки благоволенія микадо. А виновники неуспѣха? Они ничего не получаютъ. А развѣ можно ихъ оставлять безнаказанными? Конечно, желательно больше награждать и меньше наказывать, но полная ненаказанность есть оскорбленіе чести военныхъ.

Мы, отъ имени всего народа, требуемъ, чтобы правительство сдѣлало соотвѣтствующее замѣчаніе эскадрѣ Камимура».

Послѣ того, какъ появилось разъясненіе адмирала Камимуры, который свой неуспѣхъ объяснялъ туманомъ, «Манчоо» недовольно прокричала:

«Можетъ быть, это былъ густой туманъ! Можетъ быть, это была изумительная буря: Но почему же этотъ туманъ и буря помѣшали только нашей эскадрѣ? Почему русскіе могли разсмотрѣть въ этомъ туманѣ наши транспорты, а мы нѣтъ?.. Развѣ зрѣніе у адмирала Камимуры хуже? Если такъ—жаль! Очень жаль».

Въ доругомъ мѣстѣ японскій корреспондентъ-морякъ восхищается крейсерами «Баяномъ» и «Новикомъ»:

«Въ каждомъ боѣ подъ Портъ-Артуромъ крейсера «Баянъ» и «Новикъ» творили чудеса храбрости. Они не только сражались храбро, но и маневрировали такъ искусно, что поражали знатоковъ. Не знаю, кто командуетъ ими? Во всякомъ случаѣ, талантъ командировъ этихъ судовъ несравненenъ. Прежде «командиромъ «Новика» былъ Іессенъ, который произведенъ недавно въ контръ-адмиралы. Благодаря этимъ двумъ героямъ, портъ-артурская эскадра освѣщаетъ себя. Надо уважать такихъ доблестныхъ противниковъ, какъ «Баянъ» и «Новикъ». Это драгоцѣнныя звѣзды Портъ-артурскаго флота».

ВЕЧЕРЪ ТРИДЦАТЫЙ.

«Русь», 7 августа.

Пріемъ добровольцевъ прекращенъ. — Стѣсненіе прессы. — Свободы печати. — Шпіономанія. — Маркитанты. — Золотой островъ.

— Вотъ—тоже герои!—сказалъ Такаки, показывая «Манчоо».

— Что это? Списокъ убитыхъ?

— Нѣтъ. Списокъ самоубійцъ...

— Но почему же они герои?

— Они предпочли смерть отказу взять ихъ на войну...

Оказывается, во всѣхъ газетахъ напечатано извѣщеніе правительства, что въ настоящее время пріемъ добровольцевъ окончательно и безусловно прекращенъ. Хотя бы прошеніе было написано собственной кровью!

И вотъ въ газетной хроникѣ зачастили самоубійства.

Молодые люди словно сговорились этимъ выражать свой протестъ на ненавистное распоряженіе,

— Но чѣмъ же объяснить такое постановленіе правительства? Вѣдь, кажется, теперь-то, когда у японцевъ такъ много потерь, особенно дороги и нужны добровольцы!

— У насъ денегъ не хватаетъ. А каждый доброволецъ стоитъ слишкомъ дорого. Надо его перевезти, позаботиться объ обмундировкѣ, о прокормленіи, объ обезпеченіи его семьи... А онъ, можетъ быть, ничего не знаетъ и не умѣетъ и въ арміи будетъ только обузой... Вѣдь нашъ солдатъ представляетъ изъ себя боевую единицу, которая дорога именно своею муштровкою, дисциплиною и подготовленностью ко всякимъ случайностямъ военнаго времени... Опытъ показалъ, что благородный пылъ добровольца въ серьезномъ боевомъ дѣлѣ можетъ принести иногда болѣе вреда, чѣмъ пользы...

Но главная причина, почему добровольцевъ не берутъ больше въ армію—недостатокъ въ финансовыхъ средствахъ.

Почти одновременно съ этимъ постановленіемъ о волонтерахъ вышелъ и рядъ мѣръ, крайне стѣснительныхъ для корреспондентов, какъ японскихъ, такъ и заграничныхъ.

«Дзи-Дзи» негодуетъ по поводу послѣднихъ:

«Почему это при первой арміи съ самаго начала операцій корреспондентамъ было разрѣшено находиться на полѣ битвы, а при второй арміи этого разрѣшенія не дано никому?

Что за срамъ! О такихъ громадныхъ сраженіяхъ какъ подъ Наншаномъ (Дзинь-Чжоу) и Вафангоу мы узнаемъ только по оффиціальнымъ донесеніямъ, которыми, конечно не можемъ удовлетвориться. Народъ нашъ зоветъ нынѣшнюю войну—«отечественною войною» и требуетъ знать всѣ подробности боя, какъ бы обидны онѣ ни были. Такія подробности могутъ сообщать только спеціальные военные корреспонденты газетъ и журналовъ. Нашъ народъ читаетъ корреспонденціи не для развлеченія, а получаетъ ихъ какъ сердечныя письма отъ своихъ близкихъ и родныхъ. Вѣдь теперь въ Японіи нѣтъ семьи, въ которой кто-нибудь не ушелъ бы на войну.

Но необходимо не только для нашихъ корреспондентовъ уничтожить запретительныя мѣры и цензуру. Пусть и иностраннымъ корреспондентамъ будетъ дана полная свобода и возможность писать. Иностранные корреспонденты—единственные свидѣтели передъ всѣмъ міромъ всѣхъ дѣлъ, которыя мы совершаемъ. Кто повѣритъ намъ, пока мы сами о себѣ говоримъ. Но какъ не повѣрятъ имъ, когда они заговорятъ? Какова бы ни была правда, которую запишутъ о насъ иностранные корреспонденты, она будетъ для насъ выгоднѣе той лжи, которую сочинятъ корреспонденты, разозленные, что ихъ не пустили на поле брани. Торопитесь разрѣшить имъ. Теперь мы слышимъ, что многіе корреспонденты собираются уѣхать назадъ на родину, потерявъ всякую надежду на разрѣшеніе наблюдать за военными операціями лично и соскучившись ждать, ждать, ждать и довольствоваться оффиціальными сообщеніями.

Свобода печати всегда нужна, но на войнѣ она необходима. Кто боится гласности, доказываетъ тѣмъ, что у него не чиста совѣсть и не все благополучно».

Возмущается «Дзи-Дзи» и шпіономаніей.

«Сколько несчастныхъ китайцевъ пало жертвами подозрѣнія въ русскомъ шпіонствѣ. Мы увѣрены, что большинство изъ нихъ—невинныя жертвы, жертвы недоразумѣній. А между тѣмъ, страсть подозрѣвать въ шпіонствѣ не только не меркнетъ, а еще разгорается. Намъ пишутъ, что Шанхай-Гуань превратился въ сплошной «городъ шпіоновъ». Всѣ подозрѣваютъ другъ друга въ измѣнѣ. За субъектомъ А. слѣдитъ субъектъ Б., считая А. русскимъ шпіономъ. Въ то же

время за Б. слѣдитъ В., считая Б. японскимъ шпіономъ. Между тѣмъ, В. подозрѣвается русскими агентами въ томъ, что это японскій шпіонъ, а японскими агентами—что онъ русскій шпіонъ.

Всѣ эти недоразумѣнія могли бы дать пищу для веселой пьески для театра Каваками, если бы, къ сожалѣнію, онѣ не оканчивались слишкомъ часто слишкомъ трагической развязкой».

Съ еще большимъ раздраженіемъ «Дзи-Дзи» говоритъ о другомъ злѣ японской арміи:

«Самая противная вещь въ лагеряхъ,—такъ называемые казенные маркитанты, т. е. такіе, которымъ полагается продовольствіе отъ правительства. Не смотря на то, что они пользуются многими привилегіями, они жестоко поступаютъ съ солдатами, не имѣющими карманныхъ денегъ. Проклятые маркитанты не только дерутъ страшно высокія цѣны, но даже пускаются на разные мошенничества: обмѣръ, обвѣсъ, фальсификацію. Мало того, они держатъ у себя игорныя карты, чтобы распространять преступленіе и въ арміи! Но какъ избавиться отъ этихъ вредныхъ бациллъ арміи?

Тутъ трудно обвинять военную власть, которая относится, повидимому, невнимательно къ маркитантамъ. Вѣдь военная власть и безъ того довольно озабочена другими дѣлами, а возиться съ маркитантами ей просто некогда!

Но, во всякомъ случаѣ, надо обязательно удалить такихъ негодяевъ и судить ихъ военнымъ судомъ, какъ измѣнниковъ отечества.

Въ японо-китайской войнѣ замѣчалось много преступленій маркитантовъ. Но никто бы не подумалъ, что и теперь, въ годину, когда вся Японія всѣми силами поглощена своимъ великимъ дѣломъ, эти насѣкомыя будутъ копошиться въ арміи.

Нѣкоторыя хлѣбопекарни поставляютъ арміи громадное количество галетъ, которыя выдаются солдатамъ разъ въ день по 8 штукъ на каждаго. Галеты должны быть завернуты въ пакеты по четыре штуки въ каждомъ. Но, увы, много бывало случаевъ, что въ пакетѣ оказывалось не четыре, а три или даже двѣ съ половиною галеты!

Какъ можно не считать измѣнникомъ такого поставщика?

Надо скорѣе ловить ихъ и предавать самому тяжелому наказанію!»

Къ сожалѣнію, этого же зла и въ той же мѣрѣ не избѣгла и русская армія.

* * *

Очень трезвыя мысли по очень опьяняющему японцевъ вопросу высказалъ интервьюру «Солнца» графъ Окума.

Графъ Окума—это одинъ изъ популярнѣйшихъ людей въ Японіи. Японцы называютъ его «министромъ иностранныхъ дѣлъ народа».

А этотъ опьяняющій японцевъ вопросъ—Сахалинъ. Японцы называютъ его «Золотымъ островомъ» и мечтаютъ «отнять у Россіи во что бы то ни стало».

О «лигѣ возвращенія Сахалина» я уже писалъ въ XXVII «Японскомъ вечерѣ». На эту же вѣчно юную въ Японіи и съ каждымъ днемъ все обостряющуюся (въ виду удобрительнаго и рыбнаго голога) тему бесѣдовалъ и графъ Окума.

— Вы меня спрашиваете, каково мое мнѣніе о «лигѣ возвращенія Сахалина»? Положимъ, я не знаю о подробностяхъ ея возникновенія, но думаю, что, во всякомъ случаѣ, она появилась не своевременно. Вѣдь вопросъ о возвращеніи зависитъ всецѣло отъ исхода войны. Сначала намъ слѣдуетъ побѣдить врага, а потомъ уже думать о лигахъ. А если случится наоборотъ, если Россія побѣдитъ васъ, что тогда будетъ съ вашей лигой?

— Тогда мы не только не сможемъ взять обратно Сахалинъ, а еще Россія можетъ взять отъ насъ какую-нибудь новую землю!

— Что ни говорите, а ради вѣчнаго мира на Дальнемъ Востокѣ такъ и въ интересахъ нашей имперіи, много есть земель, которыя нужны намъ не меньше Сахалина. Понятно, и Сахалинъ тоже представляетъ собою одну изъ этихъ важныхъ для насъ земель, но важнѣе всего Корея, Портъ-Артуръ и Владивостокъ.

Въ послѣднее время печать стала кричать, что политика нашего правительства относительно Кореи, наконецъ, сдѣлалась опредѣленной. Слово «наконецъ»—оскорбительное выраженіе по адресу правительства. Эта политика опредѣлилась только теперь, а она была уже давнымъ-давно выработана.

Вопросъ заключается въ томъ, какъ приняться за государственную реформу—быстро ли, или медленно, строго или не круто? Но и эти вопросы зависятъ тоже отъ исхода войны.

Если мы побѣдимъ Россію, то всякое дѣло, которое до сихъ поръ было запутано въ корейской политикѣ, само собою хорошо развяжется.

Японская политика въ Кореѣ слишкомъ теперь точно опредѣлена. Неопредѣленной является только корейская политика въ Кореѣ

Корейцы до сихъ поръ еще не знаютъ, съ кѣмъ имъ дружиться—съ Россіей или съ Японіей?

Хотя въ старину въ Кореѣ и существовала цивилизація, но теперь она у нихъ исчезла. Страна сдѣлалась совершенно некультурной. Убѣждать такой некультурный народъ можетъ только сила оружія.

— Итакъ, побѣда въ этой войнѣ—значитъ разрѣшеніе многихъ вопросовъ. Но въ войнѣ можно натолкнуться на массу неожиданностей. А потому отложимъ въ сторону вопросы сахалинскій, корейскій и будемъ думать только объ одномъ, чтобы не повторилась непріятная исторія съ транспортами и слишкомъ туманнымъ разъясненіемъ инцидента со стороны Камимуры. Генералъ Куропаткинъ сказалъ «терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе». Это же повторяю и я слишкомъ прыткимъ и горячимъ членамъ вашей «лиги возвращенія Сахалина».

* * *

Судя по газетнымъ толкамъ, два новыхъ эскадренныхъ броненосца-близница «Катори» и «Касима» представляютъ изъ себя нѣчто достойное вниманія.

Ихъ длина—426 фут., ширина—78, подъ ватерлиніей 27 фут. водоизмѣщеніе 15,950 тоннъ, ходъ $18^1/_2$ узловъ, сила индикат.—15,000 толщина брони 9—$9^1/_2$ дюймовъ; снабжено каждое слѣдующими орудіями: 4—двѣнадцатидюймовыхъ, 4—десятидюймовыхъ, 10—скорострѣльныхъ шестидюймовыхъ, три скорострѣльныхъ 12-ти-фунтовыхъ шесть орудій Максима, пять минныхъ аппаратовъ.

Нововведеніемъ на нихъ является то, что, кромѣ четырехъ 12-тидюймовыхъ орудій, у нихъ на верхней палубѣ помѣщены еще по четыре дальнобойныхъ 10-ти-дюймовыхъ орудія.

Опытъ нынѣшней войны показалъ, что дальнобойныя орудія особенно полезны, когда помѣщаются на верхней палубѣ.

Такимъ образомъ, эти два броненосца, заказанные Японіей въ Англіи еще до начала войны, имѣютъ громадную наступательную и оборонительную силу.

НЕГАТИВЫ.

ЛУБОЧНОЕ ИСКУССТВО.

«Русь», 23 іюня.

Прочтите великолѣпное описаніе русской избы зимой («Въ деревнѣ» П. Сергѣенко, «Русь» № 182). Здѣсь краски вовсе не сгущены.

Такая изба была во времена Святополка Окаяннаго. Такая изба осталась и до сего дня.

Но не многимъ лучше русская изба и лѣтомъ.

На-дняхъ я посѣтилъ нѣсколько подмосковныхъ деревень, задѣтыхъ и не задѣтыхъ ураганомъ.

Впечатлѣніе отъ первыхъ мною передано вчера. А сегодня хочется поговорить о благополучной крестьянской избѣ.

Войдемъ въ самую богатую изъ нихъ. И вамъ въ глаза бросится передній уголъ,—святая святыхъ каждой избы- божница.

А отъ божницы во всѣ стороны расползлись по стѣнамъ, пестря крикливою яркостью красочной радуги, лубочныя картины.

Великорусская изба почти не признаетъ цвѣтовъ.

Въ казанскихъ татарскихъ, въ оренбургскихъ башкирскихъ деревняхъ я встрѣчалъ на окнахъ бальзамины и герани...

Цвѣты—вошли въ обиходъ малороссійской деревни,—маки, ромашки, гвоздики...

А почти единственные цвѣты, которыми цвѣтетъ великорусская деревня—лубочныя картины.

Богатѣй Митрій Галактіоновъ, у котораго я остановился выпить стаканъ-другой молока, не пропускаетъ дня базарнаго, чтобы не привезти военную картину.

Всѣ стѣны его просторной избы буквально закрыты вплоть до потолка «злобами дня» въ краскахъ.

Онъ съ хвастливой гордостью показываетъ посѣтителямъ свою панораму.

— У меня, баринъ, послѣ каждаго базару вся деревня перебываетъ.—«Нѣтъ-ли, Панкратычъ, чего новаго про войну»... Случается, что и газетку кто привезетъ...

— Любишь картины?..

— Кажись, если бы послѣднимъ бѣднякомъ былъ, я и то бы на нихъ не жалѣлъ... Потому и глазу хорошо, и образованіе... Меня лавочникъ въ Москвѣ, можетъ знаете, Семеновъ—картинами торгуетъ, еще вотъ съ какихъ лѣтъ знаетъ... Чудно прозвалъ: «Третьяковъ, говоритъ, ты»... Баринъ что-ли такой у нихъ въ Москвѣ жилъ, такъ на картинахъ индо прожился... Умеръ, сказываютъ, нищимъ, въ ночлежкѣ, а картинъ цѣлую галдарею, тыщъ на десять оставилъ... Ей Богу!..

Митрій Панкратычъ самодовольно погладилъ бороду:

— Мы себя до эфтого не допустимъ... Чтобы, значитъ, на картинахъ разориться... А ужъ новому лубку моихъ рукъ не миновать... У меня въ сундукѣ сколько ихъ запрятано...

Въ избу вошелъ парнишка лѣтъ пятнадцати.

— А это вотъ сынъ мой... Въ честь дѣдушки Глахтіономъ назвали... Гланя, ну-ка позабавь барина, скажи про казака Петруху...

Гланя сутуловато поклонился мнѣ, ткнулъ перстомъ въ картинку, висѣвшую у окна, и апатичнымъ голосомъ наизусть и нараспѣвъ отчеканилъ:

Всѣмъ извѣстно, всему свѣту,—
Слава громкая жива,
Ловкость, храбрость безъ завѣта
Молодчины казака.
Билъ татаръ онъ, билъ и турковъ,
Билъ другихъ честныхъ враговъ,
Бить пришлось макакъ окурковъ,
Бить японишекъ воровъ.
И сражаясь въ честной встрѣчѣ,
Не въ потьмахъ изъ-за угла
А въ простой «россійской» сѣчѣ
Просто силой кулака.
Подержи лошадку, Ваня,
Дай расправиться съ врагомъ
И прописываетъ баню,
Петра русскимъ кулакомъ.

Но съ японишкой макакой
Жалко пачкать кулака:
Петя попросту, не дракой
Сталъ расшвыривать врага.
Хвать японишку за ногу,
Отлетѣла за дарма.
Хвать другого по загривку
Оторвалася башка.

Видно было, что ему частенько приходится демонстрировать свое искусство передъ почтенною публикою.

На лубочной картинкѣ, въ которую парнишка ткнулъ пальцемъ, изображенъ въ видѣ великана свирѣпаго вида казачина-Гулливеръ. Кроваво-красныя губы, сумасшедшіе глаза и безжалостная операція, которую производитъ онъ надъ лилипутиками-японцами (онъ руками, живьемъ раздираетъ ихъ на части)—производятъ на зрителя отталкивающее впечатлѣніе.

Но Дмитрій улыбается широкой улыбкой, ожидая, что я похвалю сына:

— Онъ у меня мастеръ!.. А ну-ка, Гланя, про матроса Лупиноса сварганъ.

Гланя перешелъ къ двери и указалъ на другую картинку, гдѣ громадный матросъ кормитъ пощечинами японца, котораго за уши держитъ англичанинъ.

Отъ оплеухъ у японца носъ покраснѣлъ и задымился.

А Гланя наизусть отжариваетъ:

— Юркій да прыткій, прожившійся чуть не до нитки, японецъ Самъ-Со-Бака надумалъ хлѣбъ-соль добывать, земли наживать. «Поиграю, молъ, отъ тоски въ носки съ русскимъ матросомъ Иваномъ Лупиносомъ; наскочу, молъ, сбоку-съ-наскоку, носъ наколочу, земли захвачу, и буду себѣ кушать рисъ да бобы—и не будетъ у меня нужды-худобы»... Такъ думалъ-надумывалъ юркій да прыткій, прожившійся чуть не до нитки, японецъ Самъ-Со-Бака. А какъ началась игра-драка, такъ и пришлось первую же игру проиграть, носъ подставлять. Другъ любезный, всѣмъ и всюду полезный, за уши друга попридерживаетъ, а матросъ Лупиносъ по носу японца «картами Европы» грѣетъ, такъ что отъ носа дымъ въ воздухѣ рѣетъ. А кой-кто на игру удивляется, втихомолку ухмыляется.

Видя, что я молчу, мужикъ поощрительно крякнулъ:

— Здорово!.. Ай-да Лупиносъ!.. У насъ вся деревня теперь Гланю Лупиносомъ дразнитъ...

— И вовсе не вся деревня, а одни Макаркины робята... Я имъ задамъ, макакамъ подлымъ...

— Ишь, вѣдь, какъ лаяться, собака, научился... По печатному...

И не разберешь—порицанье или одобренье было въ этомъ восклицаньѣ отца...

— А ну-ка, Гланя, «Завтракъ казака»...

Но Гланя, видя, что съ моей стороны не дождется поощреній, уже не столь охотно переходитъ къ слѣдующей картинѣ, гдѣ нарисовано страшнаго вида громадное чудовище въ казацкой папахѣ, ярко красной рубахѣ, ярко синихъ штанахъ и съ ярко желтой бородой.

Онъ раскрылъ свою ужасную пасть, унизанную страшными зубами и хочетъ проглотить маленькаго худенькаго японца.

И это чудовище преподносится народу, какъ олицетвореніе Россіи!

Когда въ заграничныхъ журналахъ встрѣчаешь олицетвореніе Россіи въ видѣ казака съ нагайкой, дѣлается противно на душѣ...

Но не вѣрится, чтобы народные русскіе художники, хотя бы и лубочные, для Россіи не смогли подыскать лучшаго символа, чѣмъ тотъ же казакъ и та же нагайка..

А между тѣмъ, изъ 14 картинъ, которыя я увидалъ у Галактіонова, на восьми изображенъ казакъ съ традиціонной нагайкой.

А Гланя уже читалъ: «Завтракъ казака».

Врешь, японская натура,
Не вертись въ рукахъ.
Посмотрю, какъ ваша шкура
Рвется на зубахъ...
Будетъ помнить родъ твой хилый
Вѣчно казака
И сражаться съ нимъ, мой милый,
Лишь издалека.
Разъ пришелъ ко мнѣ ты въ гости,
Милости прошу,—
Я съ тобой совсѣмъ безъ злости
Малость закушу...

А рядомъ и еще олицетвореніе Россіи.

Картинка называется: «Какъ русскій матросъ отрубилъ японцу носъ».

Краснорожій мясникъ, съ совершенно безумными, пьяными глазами на-выкатъ, въ матросскомъ одѣяніи, стоитъ съ окровавленной шашкой въ рукѣ.

На землѣ валяется весь въ крови носъ японца. Подъ носомъ подпись «Манчжурія».

Самъ безносый японецъ изображенъ летящимъ вверхъ тормашками на воздухъ. Изъ того мѣста, гдѣ подлежало носу быть, фонтаномъ хлещетъ ярко-красная кровь.

А Гланя разошелся и, хотя никто его не просилъ, попотчевалъ меня и еще стихомъ къ картинкѣ, на которой казакъ пріарканилъ японца:

Японецъ лѣзетъ на Ялу.
Да русскій казачина
Ворчитъ: «прижму тебя къ углу,—
И тутъ тебѣ кончина.
Ты будто все идешь на бой,
Въ своемъ безумьѣ яромъ,—
Такъ я, голубчикъ мой, съ тобой
Расправлюся арканомъ.
Ты рвешься въ гости, милый, къ намъ.
Ну, что-жъ. Пожалуй въ гости:
Мы и дряннымъ, негоднымъ псамъ.
На кормъ кидаемъ кости.
У насъ, братъ, просто на Руси,
Голубчикъ мой кургузый:
Все дамъ, чего не попроси,—
Пшена и кукурузы.
Издавна всѣхъ враговъ любя,
Къ ихъ чести, долголѣтью,
Еще попотчую тебя,
Дружокъ, казацкой плетью.
Закуска будетъ хороша,—
Забудешь пылъ всей злости.
Иди, иди моя душа,
Ко мнѣ скорѣе въ гости».

И я смотрѣлъ, смотрѣлъ одну за другой тѣ картины, тѣ крохи искусства, которыя городъ удѣляетъ въ деревнѣ, и дѣлалось до боли тяжело.

Вѣдь это камень, жерновъ тяжелый вмѣсто хлѣба!..

Какое могучее средство въ рукахъ у тѣхъ московскихъ фирмъ, которыя владѣютъ лубкомъ.

Лубкомъ можно сѣять разумное, доброе, вѣчное еще лучше, чѣмъ печатнымъ словомъ, потому что этотъ лубокъ дѣйствуетъ и на грамотныхъ, и еще болѣе—на неграмотныхъ... А вмѣсто того фирмы сѣютъ безумное, злобное, грубое...

Вмѣсто насъ возвышающаго обмана искусства, насъ оскорбляющій обманъ...

Когда Гланя вышелъ, Димитрій обратился ко мнѣ тономъ, совершенно не похожимъ на тотъ, который говорилъ при сынѣ:

— Баринъ, а баринъ... Вотъ мы съ Савельемъ калякали... Неужто война и впрямь затянется еще мѣсяца на два...

— Вѣроятно, затянется...

— Диковинная, я тебѣ скажу, штука... На картину смотрѣть, японка эта самая—плевое дѣло... Плевкомъ ее перешибешь... Что же это мы съ ней столько времени возимся... для души обида...

Я попытался объяснить ему, что художникъ въ то время, когда рисовалъ картины, добровольно заблуждался относительно Японіи, а на дѣлѣ вышло, что японцы народъ храбрый.

— То-то и Савельичъ говоритъ... Кабы японка такая мелочь да шушера была, такъ одну бы сотню казаковъ послать, они бы ее всю въ соль-порохъ разметали...

Подали молоко.

— А я еще такъ думаю, что имъ чортъ помогаетъ... Они въ Бога нашего не вѣрятъ, а чорту нашему молятся...

— Кто это тебѣ сказалъ?

— Да вотъ въ книжкѣ Гланя прочелъ...

И онъ подалъ мнѣ лубочную книжку, въ которой, дѣйствительно, говорилось, что они молятся «антихристу».

И много еще чего говорилось, еще болѣе назидательнаго.

Пришлось старика убѣдить, что и этотъ писатель «добросовѣстно заблуждался», когда писалъ.

Словомъ, приходилось колебать въ старикѣ вѣру въ печатное слово.

Но старикъ вѣрилъ все же больше печатному слову, чѣмъ мнѣ:

— Нѣтъ ужъ, что ты, баринъ, не говори, а это такъ... послѣдніе дни настали... Слуги антихристовы пришли и надъ нами, слугами Божьими, верхъ берутъ...

Я протестовалъ.

— А варганъ-то вчерашній... Неужто же это дѣло рукъ Божіихъ?..

Закусивъ молокомъ, я пожелалъ скорѣе измѣнить тему и съ картинъ перевелъ разговоръ на иконы, стоявшія въ божницѣ.

Въ прошломъ году для борьбы съ невѣжественными кустарными богомазами, распространяющими въ деревняхъ изумительно безобразныя по техникѣ иконы, въ Москвѣ основана иконописная мастерская.

Вопросу этому посвятилъ не мало горячихъ статей такой знатокъ дѣла, какъ Н. П. Кондаковъ и Н. В. Глоба.

Но Н. П. Кондаковъ не первый, кто возмущается произведеніями богомазовъ и имъ приписываетъ порчу художественнаго вкуса русской деревни.

Знаменитый энциклопедистъ петровскихъ временъ И. Т. Посошковъ (см. 51 стр. академическаго изданія) уже двѣсти лѣтъ тому назадъ въ главѣ «О художествѣ» своей книги «О скудости и богатствѣ» даетъ довольно цѣнныя свѣдѣнія о тогдашнемъ положеніи у насъ иконописанія.

«Намъ надлежитъ,—между прочимъ, говоритъ онъ,—съ великимъ опаствомъ святыя иконы писати, дабы въ томъ не погрѣшити, иныя иконы такъ небрежительно пишутъ, что *страшно смотрѣть*, отъ недознанія своего тако, что аще бы таковымъ размѣреніемъ былъ кто живой человѣкъ, то бы онъ былъ страшилищемъ».

Посошковъ совѣтуетъ людямъ, знающимъ «размѣреніе человѣческое», сдѣлать азбуку русскую и написать ее не нѣмецкимъ, а русскимъ манеромъ, на разныхъ листахъ:

«На первомъ—человѣка въ совершенномъ возрастѣ стояща прямо, и руки и ноги распростерты прямо же, раздѣливъ его линіями и на чертахъ размѣръ положить вершками. На второмъ листѣ написать младенца новорожденнаго, на третьемъ однолѣтняго, на слѣдующемъ двухлѣтняго, и такъ погодно написать до 25 лѣтъ, дальше до 30-го года прибавлять по 2 года, съ 30 до 90 прибавлять къ каждому возрасту по 5 лѣтъ».

Эту азбуку (рисовальную) написать,—говоритъ Посошковъ,—«нагими тѣлеса, а другую—въ платьѣ стоящихъ и сидящихъ со всякими видами. Потомъ вырѣзать листы азбукъ на мѣдныхъ доскахъ и по напечатаніи разослать ихъ всѣмъ иконникамъ и повелѣть имъ писать противъ тѣхъ азбукъ. А деревенскимъ мужикамъ и безгра-

мотнымъ надлежитъ писаніе запретить, такъ плохо пишутъ, что ни рукъ, ни ногъ, только станъ да голова, а гдѣ надлежало глазамъ да устамъ быть написаннымъ, то тутъ однѣ точечки наткнуты,—то и образъ сталъ».

Если правъ г. Сергѣенко, говоря, что по внѣшнему облику русская изба не далеко ушла отъ избы временъ Святополка Окаяннаго, то еще больше правъ буду я, утверждая, что иконопись деревенская не далеко ушла отъ иконописи временъ Посошкова...

Впрочемъ, это краснорѣчиво, съ наглядными доказательствами изъ своей большой коллекціи подтвердитъ вамъ и Н. П. Кондаковъ...

Съ безотраднымъ чувствомъ покидалъ я избу Галактіонова.

Какъ сѣра, какъ убога жизнь русскаго простолюдина. Какъ мало въ ней смягчающаго вліянія искусства.

И какой грѣхъ совершаютъ тѣ, которые имѣя всѣ средства послужить лучшимъ возвышеннѣйшимъ стремленіемъ нашего народа окружаютъ его картинами, могущими только сбить его нравственное чутье!

Для чего надо это.

Вы только представьте себѣ коллекціи этихъ лубковъ привезенными въ Ляоянъ, Мукденъ, на наши боевыя линіи. Развѣ не показались бы онѣ нашими братьямъ, теперь борящимися за насъ—нелѣпо дикими? И совсѣмъ безъ всякаго отношенія къ храбрости или удачамъ японцевъ, а просто потому, что «не то» все это, вся эта фантасмагорія.

ЖЕЛТАЯ ОПАСНОСТЬ.

Что такое «желтая опасность»?

Гдѣ родилась, когда появилось это понятіе?

Вы увѣрены, что родилось оно не въ нашемъ отечествѣ. что выдумано оно иностранцами,— нѣмцами, англичанами, а нѣкоторые говорятъ даже американцами...

Вы увѣрены, что появилось оно впервые во всякомъ случаѣ всего какихъ нибудь десять лѣтъ тому назадъ.

Развѣ можно было говорить о желтой опасности даже въ восьмидесятыхъ годахъ.

Вѣдь тогда Китай былъ все такимъ же соннымъ Китаемъ, какъ теперь, а Японія только тронулась первымъ налетомъ европейской культуры...

Мы съ улыбкой встрѣтили этотъ налетъ и были увѣрены, что онъ не пристанетъ къ ней, сшелушится при первомъ же вѣтеркѣ, который подуетъ изъ дворца Микадо.

Да, мы русскіе увѣрены, что «желтую опасность» нѣмецъ выдумалъ и выдумалъ ее только надняхъ.

Каково же было мое изумленіе, когда я прочелъ въ старинной книгѣ «Записки Василія Михайловича Головина», русскаго офицера проведшаго въ плѣну у японцевъ 1811, 1812 и 1813 годы, слѣдующія строки:

«Японское Правительство хочетъ, чтобъ народъ довольствовался собственнымъ своимъ просвѣщеніемъ, и пользовался только изобрѣтеніями собственнаго своего ума, но запрещаетъ ему перенимать выдумки другихъ народовъ, чтобъ, съ чужими науками и художествами, не вкрались къ нимъ и нравы чужіе. Сосѣди ихъ должны благодарить Провидѣніе, что оно вселило такую мысль японскимъ законодателямъ, и должны стараться не подавать имъ повода, откинувъ свою политику, приняться за европейскую. Если надъ симъ многочисленнымъ, умнымъ, тонкимъ, переимчивымъ, терпѣливымъ и трудолюбивымъ и ко всему способнымъ народомъ будетъ царствовать государь, подобный великому нашему Петру, то съ пособіями и сокровищами, которыя Японія имѣетъ въ нѣдрахъ своихъ, онъ приведетъ ее въ состояніе,

чрезъ малое число лѣтъ, владычествовать надъ всѣмъ Восточнымъ Океаномъ. И что-бы тогда было съ приморскими областями на востокѣ Азіи и на западѣ Америки, столь отдаленными отъ тѣхъ странъ, которыя должны ихъ защищать! А если-бъ случилось, что Японцы вздумали ввести къ себѣ европейское просвѣщеніе, и послѣдовали нашей политикѣ, тогда и Китайцы нашлись бы принужденными сдѣлать то же самое. Въ такомъ случаѣ эти два сильные народа могли бы датъ совѣмъ другой видъ европейскимъ дѣламъ. Сколь ни сильно вкоренено въ правленіи японцевъ и китайцевъ отвращеніе ко всему чужому, но при всемъ томъ, такой оборотъ въ ихъ системѣ нельзя же почитать несбыточнымъ: они люди, а въ дѣлахъ человѣческихъ нѣтъ ничего постояннаго. Чего не захотѣли бы они сдѣлать изъ доброй воли, къ тому можетъ принудить ихъ крайность, напримѣръ набѣги сосѣдственныхъ народовъ, часто повторяемые, конечно заставили бы японцевъ помыслить о средствахъ, какими возможно было бы отвратить, чтобъ горсть пришельцевъ не могла безпокоить многолюднаго народа, это подало бы поводъ къ заведенію военныхъ судовъ. Отъ сихъ произошли бы флоты, а тамъ вѣроятно, что успѣхъ сей мѣры заставилъ бы ихъ принять и другіе наши просвѣщенные способы, къ истребленію рода человѣческаго служащіе, и наконецъ постепенно всѣ европейскія изобрѣтенія вошли бы въ употребленіе у японцевъ, даже и безъ особеннаго генія, каковымъ былъ нашъ Петръ, но силою стеченія обстоятельствъ. А учителей много наѣдетъ изъ всей Европы, лишь бы японцы захотѣли пригласить ихъ. И потому, мнѣ кажется, не должно такъ сказать, дразнить сего справедливаго и честнаго народа. Если же сверхъ чаянія, какія-либо необходимыя причины заставятъ дѣйствовать иначе, то уже надлежитъ, употребивъ всѣ средства и усилія, поступить рѣшительно, то есть такъ, чтобъ совершенно кончить дѣло въ нѣсколько лѣтъ. Я не говорю, чтобъ японцы и китайцы могли перемѣнить себя на европейскій ладъ, и сдѣлаться опасными европейцамъ въ наши времена, но это дѣло сбыточное, и рано или поздно случиться можетъ».

(Томъ III, стр. 18).

Такъ вотъ кто былъ первымъ проповѣдникомъ желтой опасности!

Русскій офицеръ!

И когда!—почти сто лѣтъ тому назадъ.

Я началъ эту книгу словами сожалѣнія, что у насъ нѣтъ дѣльнаго сочиненія о Японіи.

Тогда я еще не зналъ о существованіи у насъ «Записокъ Головина»,

Да и мало кто знаетъ о нихъ. А между тѣмъ не смотря на свою сѣдовласую, столѣтнюю древность, книга эта по многимъ вопросамъ является положительно откровеніемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

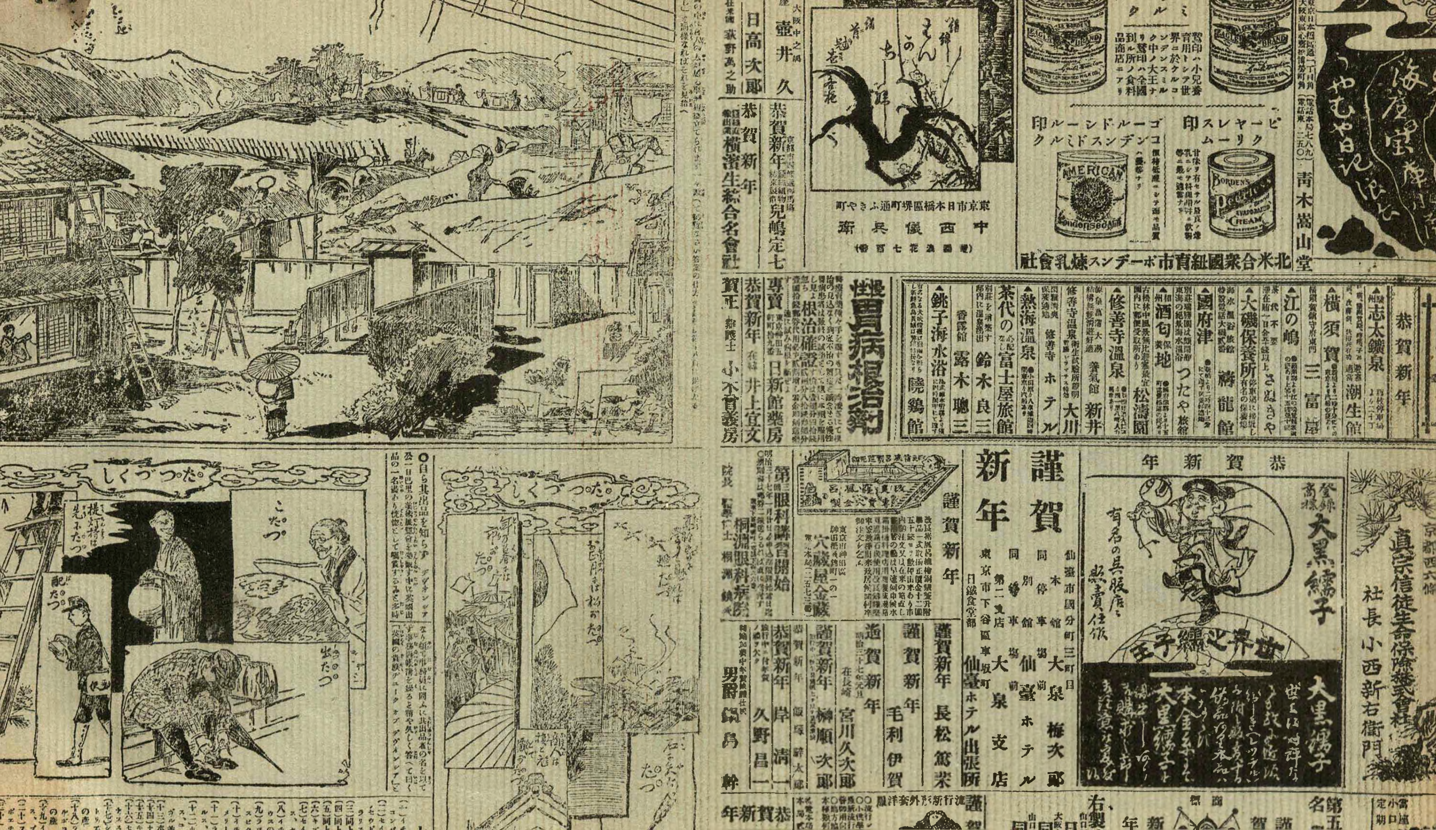
Рисунки:

Другія книги Н. Г. Шебуева:

1. «Кронштадтскія письма». Негативы.
2. «Безъ предварительной цензуры». Разсказы.
3. «Юмористическій альманахъ».
4. Негативы изъ «Русскаго Слова».

Цѣна каждаго изданія 1 рубль.

Выписывающіе отъ автора (Ковенскій, 14) наложеннымъ платежомъ за пересылку не платятъ.

京都西六條
真宗信徒生命保険株式會社
社長 小西新右衛門

恭賀新年

登錄商標 大黒繻子
有名の呉服店に於て販賣仕候
世界之繻子王

謹賀新年
仙臺市國分町三丁目 大泉梅次郎
同 本館 大泉ホテル
同 別館 停車場前 仙臺ホテル
東京市下谷區車坂町 第二支店 大泉支店
日鐵食堂部 仙臺ホテル出張所

謹賀新年 長松篤棐

謹賀新年 毛利伊賀

謹賀新年 在長崎 宮川久次郎

謹賀新年 榊順次郎

恭賀新年 岸清一

久野昌一

男爵 鍋島幹

穴蔵屋金蔵

第一眼科講習開始
桐淵眼科病院

恭賀新年

志太鑛泉 潮生館
横須賀 三富屋
江の嶋 さぬきや
大磯保養所 禱龍館
國府津 つたや
酒匂 松濤園
修善寺温泉 新井
修善寺 大川
熱海温泉
修善寺ホテル
茶代の 富士屋旅館
鈴木良三
露木聰三
銚子海水浴 暁鶏館

胃病根治剤
根治確證
専賣 日新館薬房

恭賀新年 井上宜文

賀正 小木曽義房

北米合衆國紐育市ボーデンス煉乳會社
ピーヤレス印 クリーム
ゴールドシール印 コンデンスドミルク
青木嵩山堂

東京市日本橋區堺町通ふきや町
中西儀兵衛

恭賀新年 兒嶋定七

恭賀新年 横濱生絲合名會社

壺井久

日高大郎

荻野萬之助